

Суд Евразийского экономического союза

**ВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ СУДА СОЮЗА
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПОРЯДКА ЕАЭС**

Международная конференция
(Минск, 16–17 ноября 2023 года)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Минск
«Колорград»
2024

УДК 341.645.5(476+574+470)(082)
ББК 67.412.1(20
В58

Составитель А. Н. Попова

Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка
В58 ЕАЭС : междунар. конф. (Минск, 16–17 ноября 2023 года) : сб. материа-
лов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. Н. Попова. –
Минск : Колорград, 2024. – 303 с.
ISBN 978-985-896-704-8.

Издание представляет собой сборник статей и выступлений на конференции, про-
веденной Судом Евразийского экономического союза в 2023 году и посвященной влия-
нию практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС.

В рамках конференции обсуждалась роль Суда в развитии нормотворческой
и правоприменительной практики Евразийской экономической комиссии и государств –
членов Союза, формировании правопорядка ЕАЭС, место актов Суда ЕАЭС в системе
источников национального права. Были рассмотрены тенденции развития междуна-
родного правосудия, включая практику Суда ЕАЭС и вопросы исполнения его актов.
Отдельное внимание было уделено вопросам развития судебного диалога с националь-
ными судами. Конференция позволила традиционно обсудить актуальные вопросы
в области таможенного регулирования, защиты конкуренции на трансграничных и нацио-
нальных рынках, а также правового регулирования государственных закупок в ЕАЭС.

Адресовано юристам, ученым и практикам, государственным служащим, препода-
вателям, студентам и аспирантам юридических вузов, а также всем тем, кто интересуется
вопросами правового регулирования интеграционных процессов.

УДК 341.645.5(476+574+470)(082)
ББК 67.412.1(20)

ISBN 978-985-896-704-8

© Суд Евразийского
экономического союза, 2024
© Оформление. ООО «Колорград», 2024

Содержание

Приветственные речи

Э. В. Айриян

Председатель Суда Евразийского экономического союза 7

О. И. Чуприс

*Заместитель Главы Администрации Президента
Республики Беларусь* 21

В. В. Мицкевич

*Заместитель Председателя Палаты представителей
Национального собрания Республики Беларусь* 24

В. В. Назаренко

*Член Коллегии (министр) по техническому регулированию
Евразийской экономической комиссии* 26

А. Г. Тунян

Судья Конституционного Суда Республики Армения 28

Н. А. Карпович

*Заместитель Председателя Конституционного Суда
Республики Беларусь* 30

С. Н. Хоменко

Министр юстиции Республики Беларусь 32

К. Д. Кыдырбаев

Судья Конституционного суда Кыргызской Республики 34

И. Л. Подносова

*Заместитель Председателя Верховного Суда
Российской Федерации* 36

А. В. Плотников <i>Председатель Экономического Суда СНГ</i>	39
---	----

Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС

М. В. Виноградов <i>Актуальные вопросы взаимодействия с Судом ЕАЭС по представительству и защите интересов Российской Федерации</i>	41
---	----

В. В. Назаренко <i>Практические аспекты применения права ЕАЭС при обращении продукции на общем рынке</i>	48
--	----

А. Б. Кишкембаев <i>Некоторые аспекты евразийской интеграции: текущий статус и актуальные проблемы</i>	55
--	----

К. Л. Чайка <i>Реформирование процессуальных аспектов деятельности Суда Евразийского экономического союза</i>	65
---	----

В. В. Войников <i>Влияние ограничительных мер ЕС на развитие ЕАЭС (правовые аспекты)</i>	76
--	----

Д. Г. Колос <i>Влияние практики Суда ЕАЭС на правотворчество и правоприменение в государствах-членах: результаты, проблемы, возможные пути решения</i>	89
--	----

О. В. Кадышева <i>Проблемы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза: <i>experientia docet</i></i>	100
--	-----

Ю. А. Федорова <i>Евразийская судебная юрисдикция в сфере интеллектуальной собственности: постановка проблемы</i>	115
---	-----

Суд ЕАЭС и суды государств-членов

Н. А. Карпович

*Конституционная жалоба в Республике Беларусь
как средство защиты прав граждан*122

С. Д. Князев

*Конституционное правосудие в контексте правовых позиций
Суда ЕАЭС (на основе прецедентной практики
Конституционного Суда Российской Федерации)*.....132

С. И. Князькин

*Право на судебную защиту в ЕАЭС: международный
и национальный аспекты*.....143

Международное правосудие

А. В. Плотников

*Новый формат Экономического Суда
Содружества Независимых Государств*.....154

Ю. А. Лепешков

*Международное правосудие на постсоветском пространстве:
итоги 30-летия и перспективы*.....163

Ж. Э. Эржигитова

*Толкование международных договоров: единство
и многообразие*172

А. С. Исполинов

*Правовое наследие Суда ЕАЭС
2015–2023 гг.: сравнительно-правовое измерение*..... 188

А. А. Наку

*Формы участия интеграционных объединений в разрешении
международных торговых споров: современные тенденции*195

К. А. Пономарева

*Прямые и косвенные налоги: подходы в практике судов
интеграционных объединений*..... 206

Актуальные вопросы применения отраслевых положений права ЕАЭС

Н. К. Байназаров

*Применение таможенной процедуры транзита товаров
в свете перспективных технологий в рамках таможенного
администрирования* 213

О. А. Полховский

*Трансформация законодательства о таможенном
регулировании в современных реалиях* 221

Е. А. Дмитрикова

*Пределы солидарной обязанности и ответственности
таможенного представителя* 232

В. И. Солопов

*Особенности подготовки и принятия решений Коллегии
Евразийской экономической комиссии о классификации
отдельных видов товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС* 236

А. В. Кирильченко

*Таможенное регулирование классификации товаров по ТН ВЭД:
правовые проблемы и новые подходы* 250

Е. В. Бабкина

*Практика рассмотрения Судом ЕАЭС дел
о классификации товаров* 258

Е. Б. Дьяченко

Проблемы доказывания по делам о конкуренции в Суде ЕАЭС 272

А. А. Муравин

*Практика и тенденции применения антимонопольного
законодательства к нарушениям хозяйствующих субъектов
на цифровых рынках* 282

Н. А. Гуринович

*Беспрепятственный доступ к закупкам
как условие свободного движения товаров на рынке ЕАЭС* 292

О. А. Бакиновская

*Обеспечение исполнения обязательств при осуществлении
государственных закупок в государствах – членах ЕАЭС:
взгляд через призму права Союза и практику Суда ЕАЭС* 296

Приветственные речи

Э. В. Айриян,

Председатель Суда Евразийского экономического союза

Уважаемые участники VI Международной конференции
Суда Евразийского экономического союза!

Выражаю вам глубокую признательность за участие в работе нашего форума и приветствую от имени Суда Евразийского экономического союза!

По традиции мы встречаемся в городе-герое Минске – гостеприимной столице Республики Беларусь, одного из государств – основателей Евразийского экономического союза, которое за 9 лет стало поистине вторым домом для судей и сотрудников Суда.

Пользуясь случаем, от имени Суда Союза выражаю глубокую признательность Республике Беларусь за те высокие стандарты условий пребывания, созданные для Суда как постоянно действующего органа ЕАЭС.

В этом году мы продолжили традицию и пригласили на форум широкий круг участников, в числе которых представители ЕАЭС, высших судебных органов и органов исполнительной власти государств, члены академического сообщества, а также практикующие юристы.

Отмечу, что сегодня в ряду почетных участников конференции экс-Председатель Экономического Суда СНГ, экс-Председатель Пленума Экономического Суда СНГ Керимбаева Анара Шаршеневна.

3 марта 2004 г. Анара Шаршеневна подписала от Содружества Независимых Государств Соглашение между Евразийским экономическим сообществом и Содружеством Независимых Государств о выполнении Экономическим Судом СНГ функций Суда ЕврАзЭС.

Соглашение вступило в силу с даты подписания, и был дан старт развитию международного судопроизводства на евразийском пространстве.

Пользуясь случаем, хотела бы от имени Суда Союза, от себя лично сердечно поблагодарить Анару Шаршеневну за ее весомый вклад в развитие международного правосудия, который она внесла за 20 лет работы судьей первого на постсоветском пространстве международного суда.

В продолжение своего доклада отмечу, что VI Международная конференция проходит в преддверии знаковых для Евразийского экономического союза и Суда событий – десятилетнего юбилея подписания Договора о Евразийском экономическом союзе, в соответствии с которым создан Суд.

Деятельность Суда органично следует из функционирования Евразийского экономического союза, который за 9 лет не только состоялся как авторитетная международная межправительственная организация региональной экономической интеграции, но и впечатляет показателями экономического роста и интеграционных процессов. Только объем взаимной торговли между государствами Союза за 8 месяцев 2023 г. увеличился на 9,6 %.

На наших глазах происходит активное движение по превращению ЕАЭС в самодостаточный, гармонично развитый и привлекательный для всех стран мира макрорегион, обладающий

экономико-технологическим и интеллектуальным лидерством и поддерживающий высокий уровень благосостояния населения государств-членов.

Развитие Союза находится в центре внимания государств-членов, всемерно укрепляется интеграционное строительство, актуализированы стратегические ориентиры развития ЕАЭС.

На данный момент в рамках Союза ведется активная работа над документами стратегического планирования по развитию ЕАЭС до 2030 г. – с перспективой до 2045-го. Как известно, Российская Федерация в рамках председательства в органах Евразийского экономического союза в 2023 г. выступила с инициативой о подготовке новых документов долгосрочного планирования развития Евразийского экономического союза.

С учетом рассмотрения указанной инициативы на заседаниях Евразийского межправительственного совета 24–25 августа 2023 г. и Совета ЕЭК 29 августа 2023 г. Комиссией совместно с государствами – членами Союза подготовлен проект Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь».

Конечно, это пока только проект, но не могу не отметить, что в нем, в частности, предусмотрено усиление полномочий Евразийской экономической комиссии и Суда ЕАЭС в части устранения барьеров и ограничений в Союзе. Проект прошел обсуждение на заседании Евразийского межправсовета 26 октября 2023 г. Документ планируется представить главам государств в декабре 2023 г.

Одновременно с ЕАЭС активными темпами развивается право Союза, являющееся фундаментом интеграции. Достаточно посмотреть данные Правового портала Евразийской экономической комиссии, чтобы убедиться в постоянном наполнении договорно-правовой базы ЕАЭС необходимыми правовыми актами, призванными обеспечить достижение целей Союза. Только за 10 месяцев 2023 г. Высший

Евразийский экономический совет принял 17 документов, Евразийский межправительственный совет – 28, Совет Евразийской экономической комиссии – 175, Коллегия Евразийской экономической комиссии – 327. За 9 месяцев этого года подписано 8 соглашений, вступили в силу 12 международных договоров.

В этой связи кратно возрастает роль Суда Союза, созданного государствами-членами как гарант обеспечения единообразного применения права Союза. Прошедшие почти 9 лет деятельности Суда наглядно подтвердили рациональность интеграционного выбора наших стран разрешать возникающие правовые вопросы в рамках ЕАЭС посредством цивилизованного и постоянно действующего института международного судопроизводства на основе верховенства права Союза, деятельность которого, согласно преамбуле Договора, основана на целях и принципах Устава ООН, а также других общепризнанных принципах и нормах международного права.

Эффективное функционирование системы права Союза, контроль за единообразным применением которого осуществляется Судом ЕАЭС, является наглядным подтверждением следования в рамках Союза сложившимся международно-правовым ценностям и приоритетам.

Подчеркну, что Суд не только состоялся как институциональный орган ЕАЭС, но и по праву занял свое место в системе органов Союза.

I. Текущий год является завершающим в деятельности действующего состава судей Суда. Почти 9 лет назад был сформирован первый состав Суда ЕАЭС. Благодаря высокому профессионализму судей, их преданности делу международного правосудия Суд Союза успешно завершает свой первый, самый ответственный этап деятельности.

За лаконичными строками ст. 2 Статута Суда, определившей цель его деятельности, стоит кропотливая работа судей, с честью справившихся с важной и ответственной задачей организации процесса

судопроизводства в строгом соответствии со Статутом и Регламентом Суда.

Подчеркну, что в деятельности Суда изначально отсутствовал стереотипный, шаблонный подход – каждое поступившее заявление, вне зависимости от категории, рассматривалось в первую очередь с позиции права Союза.

Учитывая объективное отсутствие устоявшейся правоприменительной практики в Союзе в начальный период его функционирования, перед Судом стояла непростая задача реализовать на практике предписания Статута и Регламента по всем вопросам судопроизводства, в круг которых входят не только процессуальные особенности рассмотрения различных категорий дел, но и специфика материально-правового характера, связанная с тем обстоятельством, что в соответствии с п. 50 Статута Суда Суд при осуществлении правосудия применяет не только право Союза по смыслу ст. 6 Договора, но и общепризнанные принципы и нормы международного права, международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

В этой связи первоочередным являлся поиск единственно правильного алгоритма отправления правосудия, создание своего рода канонов судебной практики, на которых будет осуществляться вся последующая деятельность Суда. И с этой задачей Суд успешно справился. Главными правовыми ориентирами при этом являлись строгое следование цели деятельности Суда и обеспечение эффективности доступа к правосудию как реализация основного принципа верховенства права в рамках Декларации Совещания ООН на высоком уровне по вопросу о верховенстве права, принятой резолюцией 67/1 Генеральной Ассамблеи от 24 сентября 2012 г.

Подчеркну, что принципы ООН в полном объеме заложены и в правовую основу функционирования Суда Евразийского экономического союза.

На конференции в 2022 г. я подробно останавливалась на этой теме, поэтому вкратце поясню, что все три группы стандартов доступа к правосудию при обращении в Суд Союза: материальные, процессуальные и институциональные – в полном объеме учтены в Статуте и Регламенте Суда.

О том, насколько оперативно Суд приступил к отправлению правосудия, говорит то обстоятельство, что уже 2 марта 2015 г. в Суд поступило первое заявление. Товарищество с ограниченной ответственностью «Гамма» из Республики Казахстан обратилось с заявлением об обжаловании бездействия Евразийской экономической комиссии.

Всего в первый год функционирования Суда поступило 6 заявлений, из них рассмотрено 2; в 2016 г. поступило уже 13 заявлений, из них рассмотрено 8 (последующая статистика будет приведена позже). При этом первые заявления касались разных отраслей права Союза: техническое регулирование, функционирование Таможенного союза, трудовые отношения в органах Союза. По категориям дел это были как заявления хозяйствующих субъектов о разрешении споров, так и заявления о предоставлении консультативного заключения. По инстанционному признаку дела по спорам рассматривались как Коллегией Суда, так и Апелляционной палатой.

Из краткого примера наглядно прослеживается не только нарастающая динамика обращений в Суд уже на начальном этапе его деятельности, но и его востребованность с момента функционирования Союза. Судейский состав с честью справился с непростой задачей.

Сегодня на дискуссионной площадке конференции будут представлены позиции по самым разным аспектам деятельности Суда, включая актуальные вопросы применения отраслевых положений права ЕАЭС, в том числе защиты конкуренции, таможенного регулирования, построения единого внутреннего рынка ЕАЭС и т. д.

Пользуясь случаем, отмечу, что становление и деятельность Суда Союза являются в том числе заслугой слаженной и организованной

работы Аппарата Суда, включающего секретариаты судей и Секретариат Суда. Сотрудники Аппарата Суда внесли существенный вклад в надлежащее обеспечение организации работы Суда, сформировался коллектив профессионалов из всех государств – членов Союза, который успешно справляется со всеми поставленными задачами.

II. Представляю вашему вниманию краткую информацию о деятельности Суда Союза и начну традиционно со статистики. Подчеркну, что за ее цифрами стоит не сухая арифметическая отчетность, а кропотливый труд по отправлению правосудия. Отмечу такое важное обстоятельство, как то, что Суд в своей деятельности не ставит в приоритет цифровые показатели. Эффективность обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза определяется не количеством рассмотренных дел, а возможностями Суда разрешать их в строгом соответствии с правом Союза и, с другой стороны, готовностью государств-членов и Комиссии учитывать судебные акты в правоприменительной практике. Два указанных компонента следуют в едином правовом поле, что подтверждает практика учета отдельных судебных актов в государствах-членах и в Комиссии.

В своем докладе я не акцентирую внимание уважаемой аудитории на отдельных категориях дел и не даю им оценку по степени важности или, как обычно излагают массмедиа, по общественному резонансу. Деятельность Суда Союза не носит медийного характера и направлена на решение задач, определенных Статутом Суда. Любое заявление, принятое к производству Суда, становится приоритетным вне зависимости от статуса адресанта: хозяйствующий субъект или государство – член ЕАЭС, потому что результат судебного акта всегда должен быть одним – обеспечение единообразного применения права Союза.

С начала функционирования Судом рассмотрено 82 дела, вынесено 49 решений, предоставлено 26 консультативных заключений. При этом наибольшее количество рассмотренных Судом заявлений

касается оспаривания решений Евразийской экономической комиссии, включая апелляцию по данной категории дел (42 дела) и разъяснения положений Договора от 29 мая 2014 г. и международных договоров в рамках Союза по заявлениям государств-членов и органов Союза (26 дел).

Тематика рассмотренных дел разнообразна. Лидирующую позицию по предметному критерию занимают дела в сфере функционирования Таможенного союза (57,3 % от общего числа рассмотренных Судом дел).

Далее следуют дела в области общих принципов и правил конкуренции (17,1 % от общего числа рассмотренных дел).

На третьем месте трудовые отношения в органах Союза (6,1 % от общего числа рассмотренных Судом дел).

Суд также рассматривал дела по вопросам мер защиты внутреннего рынка, технического регулирования, торговли услугами, косвенных налогов, маркировки товаров, транспортной политики, государственных закупок, промышленных субсидий, трудовой миграции, санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, общим вопросам права Союза.

С момента своего создания Суд рассматривал дела, касающихся многих вопросов правопорядка Союза, включая принципы права Союза, которые являются фундаментальными основами правопорядка. Предметом оценки была институциональная система и распределение компетенции внутри Союза, между его органами и государствами-членами. Суд подчеркивал верховенство (приоритет), прямое действие и непосредственное применение права Союза, разъяснял процессуальные вопросы, возникающие в ходе разбирательства в Суде, и, конечно же, толковал многогранное материальное право Евразийского экономического союза.

За прошедшие 9 лет суммарное количество обращений в Суд достигло трехзначной цифры (по состоянию на 14 ноября 2023 г. в Суде зафиксировано 112 обращений, из них 54 заявления о разрешении

споров, 32 заявления о разъяснении, 26 заявлений об обжаловании решений Коллегии Суда в Апелляционную палату Суда).

Следует отметить увеличение числа обращений с заявлениями в Суд.

В 2015 г. в Суд поступило 6 заявлений, в 2016 г. – 13, в 2017 г. – 9, в 2018 г. – 8, в 2019 г. – 11, в 2020 г. – 12, в 2021 г. – 23, в 2022 г. – 13. В 2023 г. число поступивших в Суд заявлений на текущий момент составляет 17.

Таким образом, можно отметить увеличение числа поступивших в Суд заявлений в 2021 г. в сравнении с 2015 г. более чем в 3 раза, что наглядно показывает востребованность Суда Союза как органа международного правосудия.

Хозяйствующие субъекты являются наиболее активной категорией заявителей. Наиболее часто в Суд обращаются юридические лица и индивидуальные предприниматели из Российской Федерации (44).

Далее следуют хозяйствующие субъекты из Республики Казахстан (7), Республики Беларусь (3), Кыргызской Республики (2). Также в Суд обращались хозяйствующие субъекты из государств, не являющихся членами ЕАЭС (Украина) (4).

С 2015 г. Судом рассмотрено более 50 дел о разрешении споров. Удовлетворено требований истцов полностью или в части практически 34 % от общего числа рассмотренных Судом споров.

Закономерно следует вывод о том, что динамика обращений в Суд увеличивается ежегодно практически по всем категориям дел, отнесенным к его компетенции: предоставление консультативных заключений по заявлениям ЕЭК и государственных органов является эффективным правовым инструментом в совершенствовании договорно-правовой базы Союза; разрешение споров по обращениям хозяйствующих субъектов также стало востребованным направлением международного судопроизводства.

В числе органов государств – членов Союза, обращавшихся в Суд за предоставлением консультативных заключений:

Министерство юстиции Республики Беларусь;
Министерство национальной экономики Республики Казахстан;
Министерство юстиции Республики Казахстан;
Национальная палата предпринимателей «Атамекен»;
Министерство транспорта и дорог Кыргызской Республики;
Центр судебного представительства при Министерстве юстиции Кыргызской Республики;
Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики;
Министерство юстиции Российской Федерации.

Около 40 % обращений за разъяснениями по широкому кругу вопросов поступили от Евразийской экономической комиссии. Кроме того, за разъяснением в Суд обращались сотрудники и должностные лица ЕЭК.

Всего в период с 2015 г. Судом принято 227 судебных актов (консультативных заключений, решений, постановлений).

Как следует из приведенных данных, динамика обращений в Суд хозяйствующих субъектов с заявлениями о разрешении споров с Комиссией показывает высокую степень доверия к институту международного правосудия в Союзе со стороны участников внешнеэкономической деятельности.

Относительно предоставления Судом консультативных заключений хотелось бы отметить, что вопросы единообразного применения права Союза стали возникать с началом его функционирования, и уже 28 марта 2016 г. Суд принял к производству первое заявление о разъяснении.

В основе каждого консультативного заключения находится решение практических вопросов правоприменительной практики в Союзе посредством международного судопроизводства. Акты Суда о разъяснении касаются обеспечения всех четырех свобод внутреннего рынка Союза – свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и охватывают такие сферы правоотношений, как функционирование Таможенного союза, общие принципы и правила конкуренции,

торговля услугами, перемещение физическими лицами наличных денежных средств, трудовая миграция и др.

Важно отметить, что правовые позиции Суда, сформулированные в консультативных заключениях, оказывают влияние на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику Комиссии, в ряде случаев также государств – членов Союза, включая их восприятие судебными органами.

III. В продолжение своего доклада отмечу, что Суд Союза развивает взаимодействие с Комиссией, высшими судебными органами, профильными ведомствами и организациями государств – членов ЕАЭС.

Полагаю необходимым отметить такой важный фактор в деятельности Суда, как взаимодействие с Евразийской экономической комиссией. Институциональные органы любой международной межправительственной организации не могут функционировать в вакууме, вне тесного контакта друг с другом. Достижение целей международной организации, в нашем случае – ЕАЭС, возможно лишь благодаря совместным скоординированным усилиям всех органов Союза в рамках предоставленных им компетенции и целей деятельности (п. 2 Статута Суда, п. 1 и п. 4 Положения о ЕЭК).

Целью сотрудничества двух органов Союза является координация усилий в рамках решения интеграционных задач Союза, и в первую очередь в русле работы по реализации Стратегических направлений развития Евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденных решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12.

Напомню, что положениями направления 9 данного документа «Обеспечение максимально действенной институциональной системы Союза, гарантирующей выполнение принятых договоренностей» предусмотрено расширение компетенции ЕЭК по обращению в Суд Союза и Высший совет, повышение эффективности судебной системы Союза, создание механизма обеспечения обязательного исполнения решений Суда Союза.

В государствах-членах регулярно проводятся мероприятия на высшем уровне, в ходе которых закрепляются основы и направления сотрудничества Суда ЕАЭС с судебными органами и профильными ведомствами и организациями.

В 2022 г. Верховным Судом Российской Федерации обобщены правовые позиции и практика Суда ЕАЭС. Документ подготовлен на основе решений и консультативных заключений, принятых Судом ЕАЭС в период с декабря 2015 г. по март 2022 г.

Приоритет права Союза в вопросах регулирования внутрисоюзных правоотношений подчеркивается и в формате судебной практики. Например, в абз. 3 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса ЕАЭС» содержится разъяснение, согласно которому «при толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда ЕАЭС, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции...».

В соответствии с нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 г. № 7 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» акты Суда ЕАЭС должны учитываться судами при разрешении споров, связанных с применением норм права Союза, соответствие которых Договору о Союзе было предметом рассмотрения в Суде ЕАЭС.

Продуктивным в плане обмена опытом явилось участие руководства и судей Суда Союза в международной научно-практической конференции Конституционного Суда Российской Федерации «Конституция и конституционный контроль: развиваем доктрину и совершенствуем практику» 11 мая 2023 г. в г. Санкт-Петербурге, участие Председателя Суда ЕАЭС в юбилейном, X Всероссийском съезде

судей и торжественном заседании, посвященном 100-летию Верховного Суда Российской Федерации 29 ноября – 1 декабря 2022 г. Установлены тесные научно-практические отношения с Институтом государства и права Российской академии наук. Развивается сотрудничество Суда ЕАЭС с Российским государственным университетом правосудия, с которым еще в 2018 г. заключено соглашение о сотрудничестве.

Судом Союза налажено сотрудничество с государственными органами государства – пребывания Суда (Республика Беларусь) на основании Соглашения между Евразийским экономическим союзом и Республикой Беларусь об условиях пребывания Суда ЕАЭС от 29 апреля 2016 г. Установлено взаимодействие с научными и образовательными организациями всех государств – членом Союза. Результативным стало участие в международной научно-практической конференции Верховного Суда Республики Беларусь «Белорусское правосудие: исторический опыт и современность» в г. Минске 15 февраля 2023 г. и мероприятия по случаю 100-летия Верховного Суда Республики Беларусь.

В 2022 г. Судом ЕАЭС заключен меморандум о сотрудничестве с Академией юстиции Республики Армения с целью установления и развития взаимных связей, направленных на реализацию совместных проектов, а также повышения квалификации профессорско-преподавательского состава.

Состоялись рабочие встречи руководства и судей Суда ЕАЭС с руководством и судьями Кассационного Суда, министром юстиции Республики Армения. Отмечу, что данные встречи носили практический характер.

В Кассационном Суде обсуждена судебная практика по применению Таможенного кодекса ЕАЭС, министр юстиции Республики Армения был проинформирован о деятельности Суда, особенностях международного судопроизводства, практике по рассмотрению различных категорий дел, отнесенных к его компетенции. Достигнута договоренность о целесообразности развития сотрудничества Министерства юстиции Республики Армения с Судом в сферах, представляющих взаимный интерес.

В текущем году по приглашению Конституционного Суда Республики Казахстан состоялось участие судей Суда Союза в международной конференции «Конституционное правосудие: достоинство, свобода и справедливость для всех».

Уважаемые участники конференции! В завершение своего доклада сообщаю, что в первый день форума пленарное заседание планируется продолжить сессией «Суд ЕАЭС и суды государств-членов»

Во второй день планируется обсудить актуальные вопросы международного правосудия и применения отраслевых положений права ЕАЭС.

Полная запись выступлений участников форума будет сохранена на канале Суда в youtube.

Полагаю, что конструктивное обсуждение тематических вопросов конференции окажет позитивное влияние на выработку рациональных подходов к их решению.

Уверена, что в русле принципиальной линии на обеспечение верховенства права необходимо и впредь опираться на международное право, способствовать его укреплению и развитию, в том числе в целях последовательного развития института международного судопроизводства.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, интересных дискуссий и дальнейших успехов, а также приглашаю посетить открывшуюся в здании Суда постоянную экспозицию нашего музея, посвященную истории интеграционного правосудия и деятельности Суда Евразийского экономического союза.

Благодарю за внимание!

О. И. Чуприс,

*заместитель Главы Администрации Президента
Республики Беларусь*

Уважаемая Эрна Владимировна!

Уважаемые главы и судьи высоких судов, уважаемые участники
сегодняшней встречи!

От имени Администрации Президента и от себя лично рада приветствовать вас на международной конференции, посвященной вопросам влияния практики Суда Евразийского экономического союза на формирование правопорядка Союза.

Тема сегодняшнего мероприятия привлекла внимание и мотивировала к участию широкий круг лиц. Готовность представителей международных организаций, органов государственной власти, судей, представителей научного сообщества высокого уровня к рассмотрению тематики конференции свидетельствует о ее актуальности для Суда Союза и в целом для ЕАЭС как сообщества.

Интеграционное взаимодействие между государствами – членами ЕАЭС развивается сегодня на фоне целого ряда негативных внешних факторов. Вместе с тем, несмотря на неблагоприятную конъюнктуру, ЕАЭС постепенно занимает центральную позицию в регионе и наращивает свой потенциал как полноправный субъект международного права.

Взяв курс на эволюционное развитие интеграции, Союз приносит конкретные результаты участвующим в нем государствам. Эрна Владимировна несколько цифр привела в пример, я в развитие скажу, что

об этом красноречиво говорят темпы роста промышленного производства в ЕАЭС на 2 %, производство сельскохозяйственной продукции за половину этого года увеличено на 3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Не буду повторять те цифры, которые Вы уже озвучили.

Очевидно, что развитие экономической интеграции нуждается в надежном правовом обеспечении. Не является исключением ЕАЭС, где важную роль в формировании правопорядка играет Суд Союза. Им принимаются решения по широкому спектру вопросов, уже сегодня обозначенных, связанных с применением положений права ЕАЭС. По моему мнению, он выносит глубокие, наполненные правовым содержанием решения, которые могут служить источником развития законодательства государств-членов и практики национальных судов. А ведь совсем недавно ЕАЭС как региональному объединению прочили судьбу Европейского союза. Более того, нас постоянно сравнивали и вменяли нам отличия от ЕС как недостатки и недоработки с нашей стороны. Время показало несостоятельность такой критики, ведь форматы взаимодействия стран в рамках этих двух образований существенно разнятся. В основе евразийской интеграции лежит экономическое сотрудничество, сотрудничество суверенных равноправных государств, в то время как Европейский союз строится на принципах политической интеграции.

Беларусь вносит значительный вклад в развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве, опираясь на соответствующие позиции главы нашего государства. В недавно принятой Концепции национальной правовой политики Республики Беларусь отмечается, что территориальное расположение Беларуси в центре Европы на пересечении не только важнейших торговых маршрутов, но и интересов ведущих государств, политических, экономических и военных блоков, различных конфессий, национальных и культурных групп обусловило необходимость поиска собственного пути развития. Однако в качестве задачи по совершенствованию законодательства ставится

учет обязательств Республики Беларусь как члена Союзного государства и иных межгосударственных образований, а также формирование благоприятных правовых условий для интенсификации сотрудничества региональных интеграций, в том числе в рамках ЕАЭС.

Полагаю, что нам предстоит активное взаимодействие по совершенствованию национальных правовых порядков с учетом выработанных общих подходов. Одно из таких мероприятий, направленных на развитие правовой системы Союза и ее государств-членов, наша сегодняшняя встреча. Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, творческих задумок и успешной реализации на благо наших государств, а также на благо в целом ЕАЭС.

Благодарю за внимание!

В. В. Мицкевич,

*заместитель Председателя Палаты представителей
Национального собрания Республики Беларусь*

Добрый день, уважаемая госпожа Председатель,
уважаемые коллеги, дамы и господа!

От имени депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь я приветствую всех участников конференции. Мы рады видеть весьма представительный состав делегатов на гостеприимной белорусской земле.

Позвольте также поблагодарить организатора сегодняшнего форума – Суд Евразийского экономического союза за приглашение принять участие в работе международной конференции, посвященной влиянию практики Суда ЕАЭС на формирование правового порядка в Союзе.

Ставшая уже традиционной международной конференция под эгидой Суда ЕАЭС в этом году проходит в очном формате. Это означает, что диалог у нас будет более насыщенным, содержательным и результативным.

Уважаемые участники конференции, тема сегодняшнего мероприятия актуальна как никогда. Запрос на правопорядок, обеспечение защиты прав и свобод, цивилизованное и справедливое разрешение споров и конфликтов является определяющим не только для абсолютного большинства граждан государств наших стран, но и для человечества в целом. Существующая договорно-правовая база Евразийского экономического союза, активное нормотворчество органов ЕАЭС

сформировали фундамент Союзного законодательства и продолжают наполнять его содержание в различных сферах экономических отношений.

Как отмечал один из основоположников современного международного права Оппенгейм, право тем сильнее, чем более имеется гарантий того, что оно может быть и на деле будет осуществлено. В Евразийском экономическом союзе таким гарантом выступает Суд Союза. Именно он, рассматривая конкретные споры государств и хозяйствующих субъектов, разъясняя положения Договора о ЕАЭС и иных актов, составляющих право Союза, непосредственно формирует правопорядок и обеспечивает его сохранение. Статистика деятельности Суда свидетельствует о востребованности решений для государств – членов Союза и субъектов хозяйствования. Безусловно, дальнейшее расширение экономического сотрудничества и интенсификация деловых отношений внутри ЕАЭС повлекут рост количества актов Союза, актов Суда ЕАЭС, что в итоге будет способствовать повышению его роли в обеспечении судебной защиты прав и законных интересов участников экономического оборота на всей территории Евразийского экономического союза.

Полагаю, что накопленный опыт и профессионализм судей Суда позволят и в дальнейшем эффективно разрешать возникающие на пространстве Союза экономические споры, по-прежнему будут залогом качества, справедливости международного правосудия. Уверен, что этому поспособствует и сегодняшний представительный форум.

Уважаемые участники конференции, искренне желаю всем нам успешной, плодотворной работы, призываю к активному открытому диалогу по всему спектру вопросов тематики мероприятия.

Спасибо вам за внимание!

В. В. Назаренко,

*член Коллегии (министр) по техническому регулированию
Евразийской экономической комиссии*

Уважаемая Эрна Владимировна, уважаемые коллеги!

Я хотел бы озвучить слова приветствия от Председателя Коллегии и от всего состава Коллегии Евразийской экономической комиссии. Для нас Суд ЕАЭС – основной и очень важный партнер, с которым мы решаем все вопросы развития евразийской экономической интеграции. Поэтому я зачитаю некоторые слова, которые просил отметить Михаил Владимирович Мясникович.

«Доступность правосудия является основным элементом любой правовой системы, обеспечивающим восстановление нарушенных прав и свобод заинтересованных лиц.

За время работы Судом Союза наработана значительная практика по различным аспектам деятельности Союза для решения вопросов интеграции. По мнению Коллегии, в настоящее время нет каких-либо серьезных препятствий, которые бы лишали бизнес и граждан возможности отстаивать свои интересы в судебном порядке. Бесспорно, мы все понимаем важность дальнейшего развития права Союза и механизмов взаимодействия между уполномоченными органами государств-членов, Комиссией и Судом ЕАЭС. Хотел бы отметить, что в некоторых случаях при применении одних и тех же норм права Союза в государствах-членах складывается разная правоприменительная практика, что приводит к возникновению препятствий на внутреннем рынке Союза. Государства-члены не в полной мере используют

для разрешения возникающих спорных ситуаций имеющиеся компетенции Суда Союза.

Считаем, что требует совершенствования механизм рассмотрения споров в первую очередь путем применения цифровых технологий. И мы считаем, что это очень важное направление в деятельности Суда, которое будет развиваться. Такая цифровизация позволит эффективнее решать практические вопросы интеграции, будет содействовать укреплению авторитета правовой системы Союза.

Убежден, что конференция станет авторитетной дискуссионной площадкой и будет способствовать обмену мнениями между представителями международных организаций, органов государственной власти государств – членов Союза, деловых кругов, научного сообщества, а также выработке новых идей и конкретных предложений по совершенствованию правовой системы Евразийского экономического союза.

Искренне желаю всем участникам плодотворной и успешной работы». Подпись Председателя Коллегии Михаила Владимировича Мясниковича.

Я желаю всем присутствующим сегодня и всем нашим членам президиума успешной работы и интересных решений. Спасибо.

А. Г. Тунян,

судья Конституционного Суда Республики Армения

Многоуважаемые участники конференции!

Позвольте от имени Конституционного Суда Республики Армения и от себя лично поприветствовать вас и выразить глубокую признательность руководству Суда ЕАЭС за приглашение выступить на столь значимом и представительном форуме. Хочу также поблагодарить организаторов за организацию данного мероприятия на высоком уровне!

В условиях современных вызовов углубление интеграционных процессов является насущной необходимостью. Вместе с тем эффективное функционирование ЕАЭС возможно при наличии надлежащего правопорядка, в обеспечении которого не последнюю роль играет Суд ЕАЭС.

За сравнительно непродолжительное время своего существования Суд ЕАЭС своей деятельностью создал прочный фундамент для дальнейшего совершенствования и развития судебной системы ЕАЭС. Причем в условиях отсутствия детального правового регулирования ряда вопросов, касающихся деятельности суда.

Уважаемые участники конференции, многими учеными и практиками отмечается необходимость дальнейшего совершенствования судебной системы ЕАЭС. С точки зрения влияния суда на правопорядок сообщества условно можно выделить две группы задач.

В первую группу можно включить институциональные изменения, касающиеся компетенции Суда и осуществляемые посредством совершенствования правовых источников ЕАЭС. Довольно основанными представляются предложения по расширению перечня

субъектов, имеющих право на обращение в Суд, в частности, речь идет о субъектах, не являющихся предпринимателями, если интеграционное законодательство затрагивает их права.

Заслуживает внимания предложение о внедрении дистанционного судопроизводства.

Кроме того, предлагается предусмотреть возможность для Суда в резолютивной части судебного постановления толковать нормы права ЕАЭС, тем самым придавая этим толкованиям обязательную силу и, по сути, развивая право ЕАЭС. Думается, подобные нововведения серьезно могут повысить авторитет Суда, сделать правосудие доступным и прогнозируемым.

Ко второй группе можно отнести задачи, связанные с активной деятельностью самого Суда. В частности, широкое использование в судебных решениях таких общепризнанных правовых принципов, как правовая определенность, соразмерность и др.

Уважаемые участники конференции, говоря о деятельности Суда ЕАЭС, следует иметь в виду, что рассматриваемые Судом споры связаны с правоотношениями, возникающими на территориях конкретных государств – членов ЕАЭС. По этой причине, толкуя и применяя ту или иную норму интеграционного законодательства, Суд должен по возможности учитывать особенности внутригосударственных правовых систем. Ведь право ЕАЭС в широком смысле должно включать не только акты, принятые на уровне сообщества, но и часть национального законодательства, касающегося соответствующих отношений. Следует отметить, что Суд ЕАЭС успешно справляется со своими задачами по осуществлению правосудия и выносит сбалансированные и обоснованные постановления.

Уверен, что на многие вопросы будут даны ответы в ходе данной конференции.

Желаю участникам конференции плодотворной работы, интересных обсуждений и оригинальных идей по вопросам деятельности Суда ЕАЭС.

На этом позвольте завершить свое выступление и поблагодарить за внимание!

Н. А. Карпович,

*заместитель Председателя Конституционного Суда
Республики Беларусь, д. ю. н., профессор, заслуженный юрист
Республики Беларусь*

Добрый день, уважаемая госпожа Председатель, уважаемые дамы
и господа, коллеги!

От имени Конституционного Суда Республики Беларусь приветствую участников международной конференции «Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС».

В первую очередь хочу выразить слова благодарности Суду Евразийского экономического союза за добрую традицию проведения столь значимых форумов. Высокий уровень дискуссий предоставляет возможность обсудить наиболее актуальные вопросы функционирования правопорядка ЕАЭС, задачи его укрепления как одного из ключевых факторов стабильного сотрудничества государств – членов ЕАЭС в интересах устойчивого развития экономики и повышения жизненного уровня граждан.

На современном этапе потребность активизации совместных усилий по углублению правового обеспечения интеграционного взаимодействия, развитию правовых механизмов экономической интеграции многократно возрастает.

Не будет преувеличением утверждение о важнейшей значимости в этих процессах деятельности Суда Союза. Решения Суда ЕАЭС способствуют единообразному применению права Союза, своевременному разрешению возникающих споров, совершенствованию

договорно-правовой базы ЕАЭС. Правовые позиции Суда ЕАЭС выступают ориентирами в развитии права и правоприменении на евразийском пространстве. Высокий авторитет данного института международного правосудия, доверие к нему субъектов интеграционных отношений – важнейшие составляющие устойчивого развития евразийской интеграции.

Несомненно, что укрепление правопорядка ЕАЭС предполагает функционирование Суда Союза, как и иных органов Союза, в системном взаимодействии с национальными органами, в том числе судами государств – членов ЕАЭС. Такое взаимодействие налажено и, уверена, будет поступательно развиваться. Конституционным Судом Республики Беларусь в ряде решений отмечалась эффективность на современном этапе разноразовного правового регулирования экономической и иной деятельности на основе единых принципов и подходов к сближению и гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС, необходимость достижения согласованного действия актов национального, интеграционного и международного права в областях, непосредственно затрагивающих права и свободы граждан.

Позвольте еще раз выразить уверенность, что международная конференция будет способствовать всестороннему обсуждению указанных и иных стоящих в ее повестке вопросов для дальнейшего поступательного развития права ЕАЭС, укрепления правопорядка Союза.

Желаю участникам международной конференции конструктивно-го диалога, успешной и плодотворной работы, теплого и полезного общения!

С. Н. Хоменко,
министр юстиции Республики Беларусь

Уважаемая Эрна Владимировна, уважаемое собрание!

От имени структурных подразделений Министерства юстиции Республики Беларусь имею честь поблагодарить организаторов конференции за возможность приветствовать ее участников.

Коллеги, полагаю целесообразным предложить ряд тезисов о важности сегодняшнего мероприятия международного судебного органа Союза.

На протяжении двух дней в городе-герое Минске эксперты будут иметь возможность обсудить наиболее актуальные вопросы деятельности Суда Союза и нашего интеграционного образования.

Коллеги, сегодняшнее мероприятие проходит в условиях, когда современный миропорядок столкнулся с серьезными вызовами. В основе системы международных отношений находится международное право, которое, по мнению многих экспертов, переживает кризисные времена.

Принципиальная разница между национальным и международным правом для системы разрешения споров – правила привлечения к ответственности. Следует признать, что именно этот институт в международном праве, благодаря действиям наших так называемых западных партнеров, является самым несовершенным. Привлечь к международной ответственности очень сложно, долго и затянато.

Однако уровень доверия ко многим имеющимся институтам судопроизводства снижается. В этой связи система разрешения международных споров требует существенной модернизации. Вместе с тем

мы полагаем, что альтернативы международного права сегодня нет. Это единственный язык цивилизованного общения в международных отношениях на всех уровнях, от частного до международного, что доказывает наличие и работа Суда Евразийского экономического союза.

Суд ЕАЭС – один из немногих международных судебных учреждений, действительно в своей деятельности руководствующийся международным правом.

Уважаемые коллеги, наша с вами общая и очень сложная задача – чтобы судебная система занимала еще более значимую позицию на карте международного правосудия. Эта цель не столь геополитическая, она важна в первую очередь для повышения эффективности Союза. Следует проделать работу Суда на высочайшем профессиональном уровне. И те примеры, которые приведены Эрной Владимировной о результатах деятельности Суда, свидетельствуют о высочайшем профессионализме тех людей, которые в течение 10 лет выполняют задачи в этом органе.

В этой связи позвольте поблагодарить руководство Суда, судей Евразийского экономического союза за вклад в развитие интеграции между нашими государствами. Для любого международного образования и органов управления именно первые годы работы являлись самыми сложными. Однако этот этап пройден успешно и на высоком уровне.

Как и любому звену в системе, необходимо развиваться, получать влияние на законодательство государств-членов и право Союза.

Главы наших государств неоднократно обращали внимание на важность совершенствования деятельности органов Союза, в том числе Суда. В настоящее время нашими государствами ведется активная работа по разработке декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Союза до 2030 г. Призываю всех участников, экспертов рассматривать подготовку стратегических документов как одну из возможностей улучшения судебной системы Союза.

Уважаемый коллеги, еще раз позвольте поблагодарить за приглашение для участия в этом мероприятии и пожелать вам успешной работы и плодотворных результатов.

К. Д. Кыдырбаев,

судья Конституционного суда Кыргызской Республики, д. ю. н.

Уважаемые участники международной конференции,
дамы и господа!

Позвольте мне от имени Конституционного суда Кыргызской Республики поприветствовать всех участников международной конференции и одновременно выразить благодарность организаторам за приглашение принять в ней участие, а также за предоставленную возможность выступить с приветственным словом!

Пользуясь случаем, хочу выразить уверенность, что мероприятия, подобные сегодняшней международной конференции, ежегодно проводимые Судом Евразийского экономического союза, позволяют органам конституционного контроля стран – членов ЕАЭС оперативно обмениваться необходимой правовой информацией, новыми идеями, обозначать и обсуждать круг проблем и вызовов, с которыми сталкиваются члены Союза, по наиболее актуальным вопросам при осуществлении своих полномочий.

Хотел бы особо подчеркнуть, что тематика нынешней международной конференции представляется весьма актуальной, поскольку практика Суда ЕАЭС, членами которого являются Россия, Беларусь, Кыргызстан, Казахстан, Армения, имеет непосредственное влияние на формирование правопорядка и укрепление режима законности на территории государств – членов ЕАЭС.

Общезвестно, что правопорядок характеризуется уровнем законности в государстве и степенью реализации прав и свобод индивида,

а также исполнением им и органами государственной власти обязанностей, возложенных на них Конституцией и законами.

Конституционные суды и эквивалентные им институты выступают по своему назначению основными защитниками демократии в обществе, прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции государства. Поэтому эффективность и опыт деятельности органов конституционного контроля стран – членов Союза имеют немаловажное значение для сотрудничества и координации контактов в рамках Союза.

Необходимо признать, что сильный и независимый суд является важной частью архитектуры и потребностью любой международной организации. В этой связи рассмотрение вопросов повестки дня нынешней международной конференции, как мы полагаем, выступает одной из действенных мер, направленных на укрепление основ и условий для успешного осуществления правосудия независимым судом интеграционного объединения, каковым, безусловно, является Суд ЕАЭС.

Сегодня нельзя не отметить особую роль Суда ЕАЭС, который с момента своего образования (29 мая 2014 г.), будучи постоянно действующим юридическим органом Союза, вносит достойный вклад в продвижение интеграционных процессов, а также в развитие этой организации в целом.

Уважаемые участники, позвольте пожелать всем нам успехов и плодотворной работы на сегодняшней международной конференции!

Благодарю за внимание!

И. Л. Подносова,
*заместитель Председателя Верховного Суда
Российской Федерации*

Уважаемая Эрна Владимировна, уважаемые коллеги!

От имени Верховного Суда Российской Федерации рада приветствовать участников очередной, VI конференции Суда Евразийского экономического союза.

Евразийский экономический союз является динамично развивающимся интеграционным объединением, уверенно демонстрируя свою эффективность и востребованность.

Как отметил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, «очевидно, что у Союза есть все возможности для того, чтобы стать одним из мощных, самостоятельных, самодостаточных полюсов формирующегося многополярного мира, быть центром притяжения для всех разделяющих наши ценности и стремящихся к сотрудничеству с ЕАЭС независимых государств».

Одним из ключевых институтов Союза является Суд ЕАЭС, призванный обеспечивать стабильность экономического взаимодействия государств-участников и разрешать возникшие между ними противоречия. Очевидно, что деятельность Суда способствует укреплению межгосударственного экономического взаимодействия и расширению сотрудничества всей организации единого экономического пространства ЕАЭС.

Сегодняшняя конференция является мягким подтверждением востребованности экспертного диалога, позволяющего сблизить подходы

и объединяться опытом по актуальным темам экономического правосудия.

С уверенностью можно представить, что конференция Суда Евразийского экономического союза зарекомендовала себя как авторитетная дискуссионная площадка, которая позволяет обсуждать наиболее актуальные аспекты правового регулирования.

Важными условиями эффективной работы Союза выступает гармонизация правового регулирования экономических отношений, унификация процедур, которые способствуют укреплению единого экономического пространства, расширению сотрудничества между нашими странами в сфере торговли, таможенных отношений, защиты конкуренции, антимонопольного регулирования.

Весьма отраднo, что Суд ЕАЭС поддерживает активный профессиональный диалог с национальными судами, тем самым формируя единое правовое пространство. В этой связи нам необходимо в дальнейшем стремиться к единообразному толкованию и применению Договора о ЕАЭС, решений органов Союза и других международных правовых актов.

Важнейшую задачу в этом процессе выполняет Суд ЕАЭС, решения, постановления и консультативные заключения которого способствуют гармонизации правовых подходов, защите прав и законных интересов участников экономической деятельности, развитию правоприменительной практики в государствах – членах Союза.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и определения Судебной коллегии содержат ссылки на правовые позиции Суда ЕАЭС, чем обеспечивается их применение в российской судебной практике. В своей работе Верховный Суд Российской Федерации придает большое значение имплементации правовых позиций Суда ЕАЭС при рассмотрении экономических споров, направляет ответы на запросы Суда по вопросам правоприменения, а судьи Верховного Суда России принимают участие в конференциях, организуемых Судом ЕАЭС.

Эрна Владимировна говорила уже в своем докладе, но я еще раз хочу отметить, что в 2022 г. на основе решений и консультативных заключений, принятых Судом ЕАЭС в период с декабря 2015 г. по март 2022 г., аппаратом Верховного Суда России подготовлено Обобщение правовых позиций и практики Суда ЕАЭС.

Уверена, что обсуждение вопросов в повестке дня конференции окажет глубокое влияние на развитие экономических правоотношений и укрепление взаимовыгодного сотрудничества в судебной сфере.

Уважаемые участники конференции! Несомненно, плодотворные дискуссии по актуальным вопросам повестки дня позволят выработать согласованные подходы для решения стоящих перед нами задач. Желаю всем нам успехов в работе конференции.

Благодарю за внимание!

А. В. Плотников,

Председатель Экономического Суда СНГ

Уважаемые участники конференции, уважаемые коллеги!

От имени Экономического Суда Содружества Независимых Государств имею честь приветствовать всех участников международной конференции «Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС».

Сегодня на евразийском пространстве действует несколько интеграционных объединений, имеющих свою организационную структуру и различающихся по глубине интеграции. В экономическом измерении можно говорить о своего рода пирамиде. На вершине – Союзное государство в составе Республики Беларусь и Российской Федерации. На следующем уровне – Евразийский экономический союз: Беларусь, Россия плюс Армения, Казахстан и Кыргызстан. Следующая ступень – зона свободной торговли СНГ, которая дополнительно охватывает Таджикистан и Узбекистан, и на базовом уровне в рамках Содружества Независимых Государств ко всем упомянутым государствам присоединяются Азербайджан и Туркменистан.

Ценность одновременного функционирования этих на первый взгляд конкурирующих между собой межгосударственных образований заключается в том, что каждое государство обладает возможностью свободно выбрать наиболее подходящий именно для него формат интеграции.

В свете происходящих в мире процессов важным является тот факт, что государства – члены Содружества Независимых Государств

и Евразийского экономического союза придерживаются позиции о необходимости сохранения органов международного правосудия в рамках своих интеграционных объединений.

Обращаясь к тематике конференции, хочу отметить, и об этом говорят многие ученые и практики, что компетенция Экономического Суда СНГ, впрочем, как и Суда ЕАЭС, по рассмотрению межгосударственных споров не очень востребована. Экономическим Судом СНГ было рассмотрено 13 споров между государствами, Судом ЕАЭС – 1. Причин этому множество. Прежде всего это связано с устремлением государств на разрешение возникающих спорных вопросов по взаимному согласованию.

В связи с этим важной, если не определяющей, функцией судебных органов наших интеграционных объединений становится толкование международно-правовых актов. Это путь к формированию общего правового пространства и единообразному применению международно-правовых норм на внутригосударственном уровне. За почти 30-летнюю историю функционирования Экономического Суда СНГ доля дел по толкованию составляет 95 %, что, безусловно, представляет весомый вклад в становление и развитие права Содружества.

Актуальным вопросом повестки дня органов Содружества является сопряжение различных направлений деятельности между Евразийским экономическим союзом и Содружеством Независимых Государств, повышение уровня сотрудничества с целью дальнейшего развития и продвижения евразийской интеграции. Одной из основных и стратегической задачей такого сопряжения является *обеспечение непротиворечивости и сближение правовых норм*, принимаемых в рамках ЕАЭС и СНГ. Реализация этой цели должна быть приоритетом при координации направлений деятельности в архитектуре системы взаимодействия наших международных судов.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, интересных выступлений и конструктивного диалога.

Благодарю за внимание!

Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС

Актуальные вопросы взаимодействия
с Судом ЕАЭС по представительству
и защите интересов
Российской Федерации

М. В. Виноградов,

*начальник Главного управления международно-правового
сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

Уважаемые Эрна Владимировна, участники конференции!

Рад приветствовать всех участников на VI Международной конференции Суда ЕАЭС.

Особенно приятно, что конференция, ставшая уникальной площадкой для обсуждения самых актуальных вопросов деятельности Суда, проводится в очном формате, что особенно важно сейчас.

Завершается срок полномочий большинства судей Суда ЕАЭС, поэтому конференцию этого года можно назвать юбилейной. Первые 9 лет существования Союза позволяют комплексно оценить, по какому пути развивается евразийская интеграция и какие подходы восприняты Судом в рамках обеспечения единообразия правоприменения на пространстве Союза.

Переход от евразийского сообщества к союзу обусловил переосмотр институциональной системы организации, была сформирована новая правовая база для будущего Суда.

В то же время отмечу, что Суд ЕАЭС приступил к работе не с нуля. Суд ЕврАзЭС в своей практике сформировал целый ряд подходов, которые восприняты Судом Союза, применяются им в качестве своего рода прецедентов (*stare decisis*) на основании п. 3 ст. 3 Договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС¹.

Действительно, можно говорить о надлежащей преемственности между судами ЕАЭС и ЕврАзЭС, которая положительно сказывается на формировании евразийского правопорядка и во многом обусловлена тем, что в основном государствами-членами был сохранен первоначальный состав судей, а многие работники Суда ЕврАзЭС успешно вошли в Аппарат Суда ЕАЭС.

В рамках первого девятилетнего срока Судом сформирована обширная и разноплановая практика, которая активно применяется на национальном уровне, в том числе судами.

Судом рассмотрены почти все категории дел, входящие в его компетенцию (*кроме заявлений государств-членов против Евразийской экономической комиссии*), в том числе одна межгосударственная жалоба.

Практика продемонстрировала также востребованность деятельности Суда для хозяйствующих субъектов, от которых за все время функционирования Союза поступило более 50 обращений.

¹ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2016 по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» [Электронный ресурс]. – С. 11. – Режим доступа: <https://courteurasian.org>. – Дата доступа: 15.11.2024.

Судом ЕАЭС сформулированы различные ключевые для правового регулирования Союза правовые позиции, в частности, по вопросам проведения единой политики, в том числе в сфере антимонопольного регулирования²; трудовой деятельности граждан государств – членов Союза³; технического регулирования; порядка применения международных договоров государств – членов Союза, не являющихся международными договорами в рамках ЕАЭС; порядка надлежащего исполнения Комиссией решений Суда ЕАЭС, вынесенных по заявлениям хозяйствующих субъектов⁴.

Необходимо отметить, что в основу евразийской интеграции в рамках Союза изначально заложен принцип консенсуса.

При подготовке Договора о ЕАЭС были рассмотрены предложения и пожелания со стороны не только государств-членов, но и судей Суда ЕврАзЭС, работников Аппарата, в целом был учтен опыт ЕврАзЭС, Комиссии.

Итоговая редакция отразила единогласно принятые позиции, которые являлись наиболее оптимальными и сбалансированными для целей построения Союза с учетом национальных интересов государств-членов и приоритетов интеграции.

Безусловно, на практике проявляются определенные пробелы в регулировании. Какие-то недостатки, возможно, Суду еще предстоит выявить. В связи с этим в перспективном плане ориентируемся

² Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2017 № СЕ-2-1/1-17-БК о разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://courteurasian.org>. – Дата доступа: 15.11.2024.

³ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 07.12.2018 № СЕ-2-2/5-18-БК о разъяснении применения пункта 2 статьи 97 Договора о Евразийском экономическом союзе в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://courteurasian.org>. – Дата доступа: 15.11.2024.

⁴ Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 14.03.2023 по делу С-6/22 *Польские машины* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://courteurasian.org>. – Дата доступа: 15.11.2023.

на продолжение работы по дальнейшему совершенствованию права Союза.

Судом ЕАЭС во многом сформирована последовательная и единообразная практика, способствующая установлению правовой определенности в правоприменении в государствах – членах Союза.

В тоже время по отдельным аспектам сформировалась практика, которую не предполагали при подписании Договора о ЕАЭС, когда определяли компетенцию Суда, полномочия других органов Союза.

В частности, сложилась тенденция обращения Комиссии с жалобами в Апелляционную палату Суда ЕАЭС по делам по заявлениям хозяйствующих субъектов, несмотря на то, что по результатам переговорного процесса при подготовке Договора Комиссии намеренно не было предоставлено право на обращение в Суд ЕАЭС.

Хотелось бы выразить благодарность действующему составу судей Суда ЕАЭС. За девятилетний срок полномочий проделана серьезная работа, действительно повлиявшая на совершенствование правоприменения в Союзе и правового регулирования в государствах-членах.

Судьи от Российской Федерации Татьяна Николаевна Нешатаева и Константин Леонтьевич Чайка завершают в этом году свои полномочия. Хотел бы выразить благодарность за их существенный вклад в развитие практики Суда, права Союза, в том числе на доктринальном уровне.

В связи с истечением срока полномочий действующих судей во исполнение поручения Президента Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Викторович Краснов внес в Высший Евразийский экономический совет кандидатуры Алексея Александровича Дронова и Натальи Владимировны Павловой для назначения на должности судей Суда Союза от Российской Федерации.

Указанные кандидаты были отобраны на основе открытого конкурса⁵ комиссией под председательством Генерального прокурора

⁵ Об утверждении Положения о процедуре проведения открытого конкурса по отбору кандидатур для назначения на должности судей Суда Евразийского

Российской Федерации⁶ и одобрены Президентом России для назначения на должности судей Суда ЕАЭС.

Вновь назначенные судьи приступят к работе с 1 января 2024 г.

Отмечу, что открытый конкурс по отбору кандидатур для назначения на должности судей Суда ЕАЭС от Российской Федерации проводится впервые Генеральной прокуратурой Российской Федерации во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 20.07.2023 № 544 «Об утверждении Положения о порядке представления кандидатур для назначения на должности судей Суда Евразийского экономического союза от Российской Федерации и внесении инициативы о досрочном прекращении их полномочий».

С 1 июля 2021 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации является уполномоченным органом по обеспечению представительства и защиты интересов Российской Федерации в Суде ЕАЭС.

В связи с передачей Генеральной прокуратуре Российской Федерации данной функции Российской Федерацией сформирован уникальный прецедент на евразийском пространстве, когда центральный орган по обеспечению интересов государства в Суде ЕАЭС одновременно является высшим надзорным органом государственной власти.

Убежден, что подобный подход позволяет эффективно формировать консолидированную правовую позицию во взаимодействии с профильными государственными органами и надлежащим образом обеспечивать исполнение решений Суда ЕАЭС.

Относительно будущего развития Союза и правового регулирования деятельности Суда видится необходимость укрепления взаимодействия между государствами-членами и Судом в целях повышения эффективности рассмотрения Судом ЕАЭС дел.

экономического союза от Российской Федерации : приказ Генер. прокурора Рос. Федерации от 10.08.2023 № 525.

⁶ О создании конкурсной комиссии и об объявлении открытого конкурса по отбору кандидатур на для назначения на должности судей Суда Евразийского экономического союза от Российской Федерации : приказ Генер. прокурора Рос. Федерации от 11.08.2023 № 533.

В настоящее время наблюдается ситуация, когда наднациональные органы ЕАЭС и государства-члены действуют обособленно, что, на наш взгляд, не позволяет в полной мере сформировать понимание о тенденциях практики, вырабатывать взаимоприемлемые решения, подходы по ряду вопросов, в том числе в части возможных путей реформирования полномочий Суда ЕАЭС.

Представляется, что между Судом и уполномоченными органами, осуществляющими представительство и защиту интересов государства в Суде ЕАЭС, должно быть еще более конструктивное и эффективное взаимодействие, что было бы полезно прежде всего для практического применения.

Одновременно остается актуальным вопрос о реформировании правового регулирования деятельности Суда ЕАЭС. Имеются запросы на расширение компетенции Суда.

Так, высказываются инициативы по наделению Комиссии полномочием обращаться в Суд ЕАЭС при неисполнении решений органов Союза в части, касающейся выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Союза.

Вместе с тем следует учитывать, что в основе действующей институциональной системы наднациональных органов Союза заложен принцип разделения властей: четко разграничены исполнительная власть в лице Комиссии и судебная. Полагаем, что действующих полномочий Комиссии достаточно для выполнения ею задачи по обеспечению условий функционирования Союза.

На Суд не должны перекладываться вопросы, по которым не удается достичь консенсуса на площадке Комиссии.

В данном контексте можно отметить эффективность компетенции Суда ЕАЭС по разъяснению положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, поскольку вынесенное Судом консультативное заключение призвано способствовать разрешению соответствующего вопроса без необходимости инициировать судебное разбирательство по спору.

В то же время усматриваются перспективы расширения компетенции Суда ЕАЭС по ряду направлений.

В частности, все более вызревает наделение Суда ЕАЭС полномочиями по рассмотрению преюдициальных запросов высших судебных органов государств, а также определение механизма взаимодействия национальных судов государств-членов с Судом Союза по вопросам исполнения его решений.

В обозримом будущем уполномоченным органам государств-членов во взаимодействии с Судом ЕАЭС еще предстоит выработать согласованные подходы по этим и иным вопросам с учетом особенностей евразийской интеграции и национальных интересов государств – членов Союза.

Благодарю за внимание!

Практические аспекты применения права ЕАЭС при обращении продукции на общем рынке

В. В. Назаренко,

*член Коллегии (министр) по техническому регулированию
Евразийской экономической комиссии*

В 2023 г. Евразийская экономическая комиссия совместно с уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза продолжила работу по совершенствованию и донстройке системы технического регулирования и применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер.

В предыдущие годы удалось сформировать сбалансированную правовую базу в этих сферах, на основе которой были выработаны направления дальнейшего их развития.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. определил, что:

- в сфере технического регулирования в Союзе реализуется единая политика для обеспечения безопасности выпускаемой в обращение продукции, а также устранения и предотвращения технических барьеров в торговле;
- в сфере СФС-мер проводится согласованная политика для обеспечения надлежащего уровня защиты от распространения болезней человека, животных (в т. ч. общих для человека и животных), растений, создания равных условий защиты прав потребителей.

Справочно:

В соответствии с терминами и определениями, предусмотренными Договором о Союзе, под «единой политикой» понимается политика, осуществляемая государствами – членами Союза

в определенных ими сферах, предусмотренных Договором, предполагающая применение ими унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

Термин «согласованная политика» означает политику, осуществляемую государствами – членами Союза в различных сферах и предполагающую гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных Договором.

Важно отметить, что при формировании права Союза в сферах технического регулирования и СФС-мер были приняты решения сформировать наднациональный уровень регулирования с учетом положений соответствующих соглашений Всемирной торговой организации.

Единая система технического регулирования Союза включает следующий набор элементов: установление единых обязательных требований в технических регламентах Союза, стандартизация, оценка соответствия, аккредитация и обеспечение единства измерений, государственный контроль (надзор).

Комплекс этих элементов призван создать общий рынок продукции с едиными обязательными требованиями безопасности и правилами доступа продукции на рынок, обеспечивающими ее свободное обращение в пяти странах, в целях защиты жизни и здоровья человека, животных и растений, охраны окружающей среды, защиты прав потребителей, обеспечения энергоэффективности и ресурсосбережения.

С учетом опыта применения права Союза нами были выявлены проблемные зоны, поставлены задачи, касающиеся каждого из элементов системы технического регулирования, и определены меры, направленные на их решение.

Все правовые проблемы в сфере технического регулирования могут быть классифицированы в несколько блоков:

1. Сложности обеспечения единой, согласованной и скоординированной политики, связанные с: отсутствием четких критериев разграничения видов политики;

– отсутствием механизма влияния на исполнение государствами – членами Союза норм актов Союза.

2. Проблемы в сфере установления обязательных требований, в том числе отсутствие единообразного подхода к реализации технических регламентов Союза в государства-членах.

3. Проблемы в обеспеченности технических регламентов Союза необходимыми стандартами.

Необходимо создание механизмов:

– придания обязательного статуса добровольным стандартам;

– прямого применения перспективных национальных и межгосударственных стандартов;

– обеспечения беспрепятственного доступа к текстам авторских методик, включенных в перечни стандартов, взаимосвязанных с техническими регламентами ЕАЭС;

– финансирования разработки межгосударственных стандартов, в том числе с привлечением бизнеса и средств бюджета ЕАЭС.

4. Проблемы в сфере оценки соответствия и аккредитации, связанные с отсутствием:

– механизма побуждения к обоснованной выдаче сертификатов соответствия и деклараций о соответствии;

– правового механизма оперативного рассмотрения вопросов исключения из единого реестра органов по оценке соответствия, а также из единого реестра документов об оценке соответствия по отрицательным результатам государственного контроля (надзора) за соблюдением требований ТР ЕАЭС.

5. Проблемы в сфере государственного контроля (надзора).

Отсутствует механизм рассмотрения спорных ситуаций между странами при несогласии с результатами государственного контроля (надзора) или оценки соответствия продукции. Организация

взаимодействия органов государственного контроля (надзора) государств – членов Союза в целом требует существенного совершенствования.

6. Вопросы определения мер ответственности, связанные с различием объектов и видов ответственности, а также отсутствием механизма привлечения к ответственности за поставку небезопасной продукции в другие страны Союза.

Комиссией совместно с государствами – членами Союза согласованы изменения в Договор о Евразийском экономическом союзе, направленные на решение этих задач.

Другим аспектом, выявленным при практическом применении права ЕАЭС при обращении продукции на общем рынке, является неоднозначность отдельных требований, установленных в технических регламентах Союза, по некоторым из которых были приняты заключения Суда ЕАЭС.

Подобные ситуации показывают актуальность организации в государствах – членах Союза скоординированных мер по реализации принятых технических регламентов Союза. Целью таких мер является единообразная правоприменительная практика технических регламентов ЕАЭС в государствах – членах ЕАЭС путем устранения неясностей и различий в понимании содержания технических регламентов ЕАЭС, а также противоречий в практике их применения.

Возможными организационными и правовыми средствами достижения этой цели Комиссия видит, в частности:

- своевременное опубликование технического регламента ЕАЭС в установленном порядке и доведение его содержания до исполнителей;
- мониторинг применения технического регламента ЕАЭС;
- обязательная периодическая оценка научно-технического уровня в отношении вступившего в силу технического регламента ЕАЭС;

– официальное разъяснение положений технического регламента ЕАЭС.

Подход при выявлении несоответствия положений технического регламента Договору о ЕАЭС, иным актам права ЕАЭС большей юридической силы, а также внутренних противоречий в техническом регламенте либо иных недостатков, создающих правовую неопределенность, состоит в том, что Комиссия обязана их устранить, а уполномоченные органы государств – членов ЕАЭС внести в установленном порядке предложения об изменении либо прекращении действия соответствующего технического регламента ЕАЭС.

В последнее время не может не вызывать беспокойство функционирование системы государственного контроля (надзора) на общем рынке Союза. Эффективность защиты общего рынка от небезопасной продукции напрямую зависит от эффективности госконтроля (надзора) за соблюдением установленных требований в государствах-членах. Уровень этой деятельности в странах ЕАЭС очень разный: от системного контроля в одних странах до мораториев на проведение контрольных мероприятий в других. Сегодня функционируют 30 уполномоченных органов государственного контроля (надзора) за требованиями технических регламентов, при этом результаты мизерные. Это, бесспорно, сказывается на уровне защиты нашего общего рынка.

Что касается Соглашения о принципах и подходах осуществления государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов Евразийского экономического союза от 16 февраля 2021 г., то оно может быть реализовано только при создании серьезных правовых основ взаимодействия органов государственного контроля (надзора) как между собой, так и с органами по аккредитации. Должны быть выработаны механизмы разрешения разногласий между государствами-членами в части принятых мер органом государственного надзора (контроля) одного государства-члена в отношении продукции, произведенной в другом государстве-члене, и ряд других механизмов.

Как было отмечено выше, планируется определить общие принципы и подходы к установлению в законодательствах государств – членов ЕАЭС ответственности за нарушение обязательных требований к продукции, правил и процедур проведения обязательной оценки соответствия в целях установления сходного (сопоставимого) регулирования в данной сфере. Предполагается, что эти принципы и подходы будут закреплены в решении Высшего Евразийского экономического совета. Изменения в Договор о Евразийском экономическом союзе, закрепляющие за Высшим Евразийским экономическим советом такие полномочия, включены в III Большой протокол к этому договору, который в настоящее время проходит ратификацию в государствах – членах ЕАЭС. При этом мы уже приступили к согласованию содержания проекта решения ВЕЭС с государствами – членами ЕАЭС.

В сфере СФС-мер правовыми проблемами мы видим пересечение полномочий органов государственного контроля (надзора) в части безопасности пищевой продукции и недостаточную гармонизацию законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере СФС-мер, в том числе различные подходы к установлению ответственности за нарушение требований и процедур в сфере применения СФС-мер. Общие принципы и подходы к определению ответственности в этой сфере также предполагается установить в решении Высшего Евразийского экономического совета.

Обращаясь к сфере защиты прав потребителей, нельзя не отметить, что обеспечение безопасности продукции является первейшей задачей Союза как раз по отношению к потребителю. Но в этой сфере выявлены и специфические задачи, над решением которых работает Комиссия и государства-члены. К таким задачам относим формирование механизмов урегулирования трансграничных споров с участием потребителей, организацию административного сотрудничества уполномоченных органов при выявлении и пресечении нарушений прав потребителей. Однако в связи с тем, что компетенция Союза

в сфере защиты прав потребителей сейчас ограничивается разработкой рекомендательных актов, полагаем, что Договор о Евразийском экономическом союзе требует корректировки в части уточнения формата совместной работы государств-членов в этой сфере.

Вышеизложенное позволяет заявить, что взаимодействие Комиссии и Суда ЕАЭС должно развиваться и углубляться. Предлагаем рассмотреть следующие направления, где, по нашему мнению, объединенные усилия этих органов Союза могут дать хороший результат:

- создание механизма влияния на исполнение в государствах – членах ЕАЭС;
- проработка механизма использования компетенции Суда ЕАЭС для целей совершенствования правовой базы ЕАЭС с учетом практики рассмотрения споров Судом ЕАЭС и практики подготовки Комиссией разъяснений требований технических регламентов ЕАЭС и требований в сфере СФС-мер;
- проведение совместных исследований по направлениям, в которых предусмотрена гармонизация законодательства государств – членов ЕАЭС, в целях внедрения лучших практик регулирования;
- определение единых подходов к судебному урегулированию споров с участием потребителей;
- создание механизмов исполнения решений национальных судов на территории ЕАЭС по делам по искам в защиту прав потребителей.

Некоторые аспекты евразийской интеграции: текущий статус и актуальные проблемы

А. Б. Кишкембаев,

член Совета Евразийского Альянса антимонопольных экспертов, д. ю. н., профессор ВШП КазГЮУ

Уважаемые участники конференции!

Прежде всего разрешите поблагодарить Суд ЕАЭС в лице его председателя, судей и сотрудников Суда за организацию сегодняшнего мероприятия, предоставленную возможность принять участие и выступить с докладом на данном форуме, ставшим уже традиционным. Ранее имел честь принимать участие в конференциях Суда ЕАЭС, и каждый раз гости, участники конференции отмечали высокий уровень ее организации.

Площадка конференции Суда ЕАЭС – это еще одна возможность обсудить многие проблемные аспекты евразийской экономической интеграции с учетом того, что Суд является одним из важных органов Союза. Где, как не на площадках органов ЕАЭС, говорить об актуальных и острых вопросах интеграционного объединения с целью обсуждения путей их решения. А вопросов очень много. Это и текущие вопросы функционирования органов Союза, и в целом вопросы дальнейшего развития евразийского интеграционного проекта.

Понятно, что интеграция ради интеграции не самоцель, процесс ради процесса – это не тот путь, к которому мы стремимся. Интеграция будет благом прежде всего в создании условий повышения благосостояния граждан стран – членов Союза, повышения уровня экономик стран его участниц, что органично ложится в канву ЦУР, утвержденных Генассамблеей ООН и недавнего

тезиса лидера КНР Си Цзиньпина через интеграцию к всеобщему процветанию.

При этом механизм обеспечения учета интересов всех членов Союза и баланса экономик всех стран-участниц должен работать без каких-либо сбоев. В рамках Договора о ЕАЭС страны должны неукоснительно выполнять принятые на себя обязательства. Иначе под угрозой оказывается привлекательность самой интеграции, и не только для членов Союза, но и для его потенциальных партнеров и участников. Сегодня в фокусе внимания находятся вопросы экспорта, импорта как по внешнему контуру, так и внутренняя торговля ЕАЭС, где свобода передвижения товаров, услуг, капиталов реализована еще не в полной мере, как заявлялось и планировалось ранее. Мы до сих пор не нащупали почву для построения общих рынков газа, нефти, нефтепродуктов, электроэнергетики и ряда других важных направлений. На повестке остро стоят вопросы транзита товаров на пространстве ЕАЭС, доступа к транспортной инфраструктуре стран Союза, вопросы параллельного импорта, санкционных ограничений и товаров, их прослеживаемости, маркировки и ряд других.

Недавно (25 сентября 2023 г.) Президент Казахстана К. К. Токаев на встрече с главами правительств стран ЕАЭС в Астане еще раз подчеркнул, что государства ЕАЭС обладают огромными резервами для существенного укрепления сотрудничества, поэтому следует активно использовать все возможности для их продвижения.

В противовес противникам или скептикам интеграции привожу слова Президента Казахстана с обозначенной выше встречи: «Казахстан абсолютно привержен дальнейшему развитию интеграции в рамках ЕАЭС. Считаем, что этот Союз – очень перспективная интеграционная организация. Большие возможности кроются именно в экономическом потенциале данного Союза». Этот посыл Казахстана однозначен и понятен.

В тоже время глава государства сделал акцент на том, что все государства – участники ЕАЭС должны строго придерживаться Договора, который был подписан в Астане в 2015 г., и заниматься вопросами именно экономической интеграции, развития торговли, открытия рынков наших стран для взаимного обмена товарами.

Эффективность торгово-экономической кооперации стран ЕАЭС тесно связана с раскрытием транзитно-транспортного потенциала, поэтому следует последовательно развивать транспортные возможности Евразии.

Несмотря на сохраняющуюся непростую политическую обстановку в мире, в том числе и относительно санкционной проблематики на евразийском пространстве, Казахстан и страны ЕАЭС сохраняют высокую динамику взаимодействия в торговой, инвестиционной и промышленной сферах. Статистика демонстрирует поступательное развитие, сохраняется положительная динамика во взаимной торговле.

Что касается национальных повесток стран Союза, здесь необходимо отметить, что во всех странах ЕАЭС предпринимаются попытки придать импульсы к способности роста национальных экономик, в том числе к росту доли бизнеса в ВВП стран. Очевидно, что для этого необходимо создавать внятные правила игры, стабильное законодательство, лучшие условия для ведения бизнеса, постоянно работать над улучшением предпринимательского и инвестиционного климата в стране и предпринимать много других мер.

Как вам известно, в рамках провозглашенного Президентом Республики Казахстан К. К. Токаевым курса на построение справедливого Казахстана начаты постепенные реформы во многих сферах политической и общественной жизни страны. Конечно, реформы – это исключительно национальная компетенция, и государство суверенно в этих вопросах. Тем не менее возникает вопрос: возможна ли или желательна ли какая-либо синхронизация подобных процессов в рамках Союза? С точки зрения дальнейшего углубления нашей интеграции

нам все-таки следует задумываться над этим, если мы и дальше ставим перед собой таргет-цели создания условий для улучшения ведения бизнеса на всем пространстве ЕАЭС. В частности, это вопросы резидентства, налогового и фискального учета, создания и совершенствования механизмов избегания двойного налогообложения, развития цифровой повестки и электронной торговли, вопросы национальной и трансграничной формы поставки услуг, совершенствования механизмов электронного таможенного декларирования, упрощения процедур открытия, регистрации и осуществления различных видов деятельности субъектов бизнеса в любой стране Союза. И эта работа, как вы знаете, ведется органами Союза. Не повлечет ли это все в перспективе перетоки-бегство субъектов бизнеса из одной юрисдикции в другую, где те или иные вопросы менее урегулированы, или имеются пробелы или коллизии в законодательстве, или национальное законодательство и судебная практика какой-либо страны Союза более либеральные, если можно так сказать? Каждое государство будет самостоятельно решать эти вопросы или же нам необходимо двигаться совместно в рамках переговорных процессов и достигнутых договоренностей?

Я не говорю, что сейчас эти вопросы остро стоят на повестке дня, но если мы строим нашу интеграцию, планируем и дальше углублять ее, в том числе с учетом принятия в ближайшем будущем документов стратегического характера, то уже сейчас нам стоит об этом задуматься.

Теперь о наших перспективах. Общеизвестно, что документ, определяющий стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. и раскрывающий конкретные механизмы и мероприятия по реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (Стратегия), утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12. А План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. утвержден Советом ЕЭК 5 апреля 2021 г.

Следует отметить, что процесс принятия действующей ныне Стратегии и плана по ее реализации очень затянулся по времени. В итоге в ходе согласования и переговорных процессов Стратегия или была значительно, если можно так сказать, выхолощена, или явилась достаточно компромиссным документом с не всегда четкими формулировками: государства рассмотрят целесообразность чего-то или тот или иной вопрос остается на усмотрение каждого государства-члена и т. д., то есть формулировки не обязывающего характера ввиду разных позиций стран-участниц на те или иные аспекты интеграции.

Кроме того, с учетом принятия плана реализации Стратегии только в 2021 г. горизонт планирования интеграции до 2025 г. оказался весьма краткосрочным и заканчивается буквально через пару лет. В результате на исполнение Стратегии уже сейчас времени осталось крайне мало. Исходя из этого, на наш взгляд, при принятии следующей Стратегии, а она необходима – это очевидно, горизонт планирования должен быть минимум на десять-пятнадцать лет, а может, и больше. И желательно, чтобы положения следующей Стратегии были менее рекомендательными и рамочными, а больше присутствовала конкретика.

Как сейчас говорят на Востоке, любая интеграция – это и вызовы, и одновременно окно возможностей. Для субъектов рынка это тоже окно возможностей. В этом плане ЕАЭС, и в частности Суду ЕАЭС, возможно, следовало бы активнее вовлекаться в законотворческий процесс в рамках Союза. Было бы интересно обсудить и вопросы предоставления Суду ЕАЭС права наднациональной законодательной инициативы, которые бы стали триггером в том числе для создания прозрачных правил для успешного ведения бизнеса в странах Союза и его надежной правовой защиты на трансграничных рынках.

На сегодняшний день с уверенностью можно сказать, что институционально Суд ЕАЭС состоялся как важный орган Союза по разрешению споров между странами – членами Союза, ЕЭК, юридическими лицами, осуществляющими свою деятельность на трансграничных

рынках. Но и в дальнейшем в Суде субъекты бизнеса ЕАЭС должны видеть надежный правовой механизм защиты их прав и законных интересов, независимо от резидентства бизнеса и других факторов.

В этом плане закономерен и вопрос расширения компетенции Суда. Нужна ли она? Согласно ли страны ЕАЭС расширять полномочия и компетенции основных органов Союза (ЕЭК, Суда). Исходя из уставных документов, наша интеграция находится исключительно в экономической плоскости, хотя, как мы убедились, на протяжении нескольких лет функционирования евразийского проекта в работе Союза присутствуют и политические моменты и решения. И они встают на повестке раз за разом с некоей периодичностью. Наверное, политических моментов избежать вовсе нельзя, возможно, и не надо, но следует помнить, что Союз создавался исключительно как экономическое объединение. И в этом плане все политические моменты должны решаться через призму экономической интеграции наших стран с учетом принципов обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон, соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции.

Возможно, было бы позитивным шагом в плане развития интеграции, если бы Суд был вовлечен в проблематику рассмотрения и разрешения в рамках Союза проблематики барьеров, препятствий, ограничений, изъятий. Каким образом? Надо подумать. По формату и способам, непосредственно в рамках действующей компетенции или же через ее расширение.

Было бы полезным, если бы судебную оценку получили и страновые вопросы защиты внутреннего рынка в рамках Союза с учетом положений Договора о ЕАЭС, нормативно-правовой базы ЕАЭС и действующего национального законодательства стран – членов Союза. В частности, это могли бы быть вопросы введения странами защитных мер во взаимной торговле, т. к. протекционистские меры защиты своих рынков страны еще активно применяют. Свидетельством этому являются и состоявшиеся решения Коллегии ЕЭК,

и деятельность целых блоков Комиссии. Эти меры реализуются в том числе посредством системы технического регулирования, СФС-мер, через закупки и другие меры, которые свидетельствуют об имеющихся пробелах или коллизиях наднационального и национального регулирования.

В качестве предложений институционального характера как одной из основ углубления интеграции можно рассмотреть вопросы наделения органов Союза полномочиями по осуществлению эффективного мониторинга за исполнением государствами – членами ЕАЭС права Союза.

Для того чтобы Суд Союза и в дальнейшем функционировал как независимый орган ЕАЭС с наднациональной компетенцией, необходимо и дальше предпринимать меры по укреплению его статуса, в том числе в части исполнения права ЕАЭС.

Заслуживают внимания и вопросы создания эффективных механизмов обеспечения исполнения решений Суда ЕАЭС, обязательности преюдициальных заключений, выносимых Судом Союза.

Исходя из современных реалий, в **прикладном ключе** возможно рассмотрение и совершенствование вопросов цифровизации в деятельности Суда ЕАЭС, что является трендом сегодняшнего дня и значительно облегчает доступ к правосудию.

С целью обеспечения беспрепятственного доступа к правосудию в процессуальном плане можно было бы внедрять и расширять практику онлайн-процессов с учетом постановлений о разрешении участия в онлайн-формате.

Весьма полезен опыт в части того, чтобы протоколы судебных заседаний не изготавливать письменно, а производить аудио- и видеофиксацию процесса с сохранением на серверах Суда и с приложением записей к делу. Это же касается и рассылки судебных актов в электронном формате посредством современных средств связи.

Требует правовой регламентации и реализации институт свидетелей, специалистов, экспертов. Было бы позитивным шагом, если бы эти вопросы были решены и в бюджете Суда Союза.

Правоприменением не определено, к какой процессуальной категории относятся ответы на запросы Суда в государственные, научные учреждения с учетом того, что такое право на запросы у Суда, согласно Регламента Суда, имеется. При этом ответы и позиции по запросам будут ли являться доказательствами в ходе судебного рассмотрения спора? И как судьи должны отражать их в судебных актах? В качестве доказательств? Такие вопросы также требуют разрешения.

Кроме того, с научной точки зрения и с точки зрения толкования права достаточно интересна тематика наличия особых мнений судей Суда при вынесении Судом консультативных заключений по делам о разъяснении права Союза. Как это соотносится с позицией всего Суда, выраженной в консультативном заключении? По правовой значимости заключение Суда и без этого носит рекомендательный характер, а если к нему еще и особые мнения судей будут... Эти вопросы также заслуживают изучения и обсуждения.

Хотелось бы вкратце несколько слов сказать о **проводимых преобразованиях** и реформе административной юстиции в Казахстане, которая стартовала с июля 2021 г. С одной стороны, это знаменовало собой прогрессивный шаг в становлении диалога государства, государственных органов с физическими и юридическими лицами. Однако, несмотря на множество позитивных эффектов этих нововведений, имеют место, наверное, как и в любом другом процессе, и проблемные моменты. И этими моментами серьезно обеспокоены субъекты бизнеса. Изначально это касается отношений бизнеса с государственными органами, а конкретнее, когда госорганы в некоторых случаях осуществляют чрезмерное давление на бизнес. Чтобы защитить свои законные права и интересы, бизнес идет в суд с жалобами на действия госоргана.

Однако и в суде защитить свои права весьма затруднительно. Если говорить об антимонопольных спорах, то в первую очередь это вызвано нестабильностью не только правоприменительной, но и судебной практики по данной категории споров. В связи с этим сам

бизнес в таких условиях испытывает затруднения, риски и не может свободно планировать свое дальнейшее развитие, поскольку действия антимонопольного и судебных органов порой не последовательны, позиция меняется от кейса к кейсу и зависит от многих субъективных факторов. Отсутствие понимания и единообразия применения норм права, годами выработанные подходы к выявлению и доказыванию нарушений, расчету штрафных санкций и другие аспекты вызывают много вопросов.

Наверное, это присуще многим странам постсоветского пространства, когда в некоторых случаях суды еще ассоциируют себя с государственными органами и исходя из этого солидарны с их позицией, отстаивая таким образом интересы государства, в том числе по задачам и функциям пополнения бюджета штрафами, доначислением налогов, конфискации незаконного полученного дохода и другими мерами. Аксиома, не требующая доказательств: суд должен защищать интересы права.

Любое государство в плане государственной политики должно повернуться лицом к бизнесу, если еще не сделало этого. Необходим диалог государства и бизнеса, причем не с позиции силы, а с позиции равноправных партнеров и в рамках правового поля.

В Республике Казахстан в рамках строительства справедливого Казахстана глава государства провозгласил идею «кулак асатын мемлекет» – теория слышащего государства, которую необходимо наполнить реальным содержанием и реализовывать на постоянной основе. В условиях строительства экономики нового типа и формата, ее активной диверсификации необходимо перманентно повышать место и роль малого и среднего бизнеса в экономике страны, создавать условия для его становления и развития, стимулы обеления бизнеса (комфортный инвест- и бизнес-климат, транспарентные и стабильные правила игры и справедливое законодательство). В перспективе государство может получить от этого мультипликативный эффект в виде существенного пополнения доходной части бюджета, увеличения

налогооблагаемой базы, повышения занятости населения, социальной защищенности граждан, в целом улучшения структуры экономики и ряд других позитивных эффектов.

Это также будет способствовать привлечению внутренних и внешних инвесторов, которые постоянно изучают возможности входа на наши рынки.

В своем выступлении я попытался осветить некоторые, на мой взгляд, проблемные аспекты, которые не являются исчерпывающими и тем более бесспорными. Наверняка некоторые тезисы моего выступления вызывают вопросы. Но, тем не менее, надеюсь, что путем обсуждений и дискуссий, в том числе на такой авторитетной площадке, как конференция Суда ЕАЭС, по многим вопросам будет выработано определенное понимание, что в конечном счете значительно обогатит нашу и без того разнообразную палитру взглядов и мнений о евразийской экономической интеграции.

Благодарю за внимание!

Реформирование процессуальных аспектов деятельности Суда Евразийского экономического союза

К. Л. Чайка,

заместитель Председателя Суда Евразийского экономического союза, д. ю. н., заслуженный юрист Российской Федерации

31 декабря 2023 г. исполнилось девять лет функционирования Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд Союза, Суд). По меркам международных судов, чья история исчисляется десятилетиями, это не столь большой временной отрезок, но с точки зрения евразийского интеграционного проекта, который, хотя и был задуман на заре 1990-х гг., но подлинное ускорение получил лишь в начале 2010-х, подобный промежуток вполне достаточен для того, чтобы оценить как правовое регулирование деятельности Суда Союза, так и эффективность его практики. Несмотря на успехи, достигнутые Судом по таким важным направлениям, как формирование свойств права интеграционного объединения, защита прав человека и основных свобод и другие, имеются проблемные аспекты, которые требуют внесения изменений в право Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Суд), и прежде всего в процессуальные акты, регулирующие деятельность Суда: Статут, являющийся приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее, соответственно, – Статут и Договор), и Регламент Суда, утвержденный решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент).

Представляется, что круг вопросов, требующих реформирования, весьма широк. Помимо широко обсуждавшихся аспектов, связанных с введением преюдициального запроса, предоставлением

Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) права возбуждать дела против государств-членов, наделением физических лиц без предпринимательского статуса правом на инициирование процесса исполнения решений Суда¹, в настоящее время следует также говорить о цифровизации процесса отправления правосудия, введении института профессионального представительства, наделении Большой коллегии Суда полномочиями по выработке правовых позиций при наличии риска формирования неединообразной практики, а также по обобщению уже сложившейся практики.

Не останавливаясь на идее расширения компетенции Суда, которая, по нашему мнению, заслуживает бесспорной поддержки, обратимся к **проблематике исполнимости решений Суда ЕАЭС**.

Анализ права Союза свидетельствует, что создателями Договора избран различный подход к регулированию действий, которые выигравшей стороне следует совершить при дефектах исполнения решения Суда, в зависимости от того, кто инициировал процесс: государство-член или хозяйствующий субъект. Странам-участницам предоставлена возможность непосредственно поставить перед Высшим Евразийским экономическим советом (далее – Высший совет) вопрос о неисполнении судебного акта без участия Суда в данном процессе. В свою очередь, хозяйствующий субъект вправе адресовать свой вопрос Высшему совету исключительно через Суд, который обращается в Высший совет для принятия им решения по данному вопросу. Учитывая, что хозяйствующему субъекту принадлежит право оспорить в Суде только решение, действие / бездействие ЕЭК, то именно с ее стороны возможно уклонение от исполнения судебного акта.

¹ Дьяченко, Е., Энтин, К. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность / Е. Дьяченко, К. Энтин // *Международное правосудие*. – 2017. – № 3 (23). – С. 85–88; Исполинов, А. С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств – членов Евразийского экономического союза / А. С. Исполинов // *Право: Журн. Высшей школы экономики*. – 2016. – № 4. – С. 152–166, 158–160; Соколова, Н. А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза / Н. А. Соколова // *Lex Russica*. – 2015. – Т. CVIII, № 11. – С. 96–103.

Первым случаем обращения в Суд хозяйствующего субъекта в связи с неисполнением судебного акта стало ходатайство ООО «Ойл Марин Групп» о принятии мер по исполнению решения Суда от 11 октября 2018 г.². Данным решением признано не соответствующим праву ЕАЭС бездействие Комиссии, выразившееся в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров по обращению общества. Постановлением от 12 июня 2019 г. Коллегия Суда отклонила ходатайство ООО «Ойл Марин Групп»³, мотивировав свой подход ссылкой на тот факт, что общество не привело доказательств в подтверждение отказа Комиссии учитывать правовую позицию Суда.

Анализ постановления показал, что при разрешении данного ходатайства Суд не только произвел проверку соответствия действий Комиссии положениям предположительно неисполненного судебного акта, а также разрешил вопрос о состоявшемся исполнении. Кроме того, Суд сформулировал требование о возложении на хозяйствующего субъекта бремени доказывания факта неисполнения решения⁴.

Подход Суда, изложенный в постановлении по ходатайству ООО «Ойл Марин Групп», получил развитие в постановлениях от 2 июня 2020 г. по заявлению ООО «Шиптрейд»⁵ и от 4 октября 2021 г. по заявлению АО «СУЭК-Кузбасс»⁶.

² Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 11 октября 2018 г. по делу *C-1/18 Ойл Марин Групп*.

³ Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 12 июня 2019 г. по делу *C-1/18 Ойл Марин Групп* об отказе в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению.

⁴ Чайка, К. Л. Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза как условие эффективности судопроизводства / К. Л. Чайка // Государство и право. – 2020. – № 9. – С. 92–101.

⁵ Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 2 июня 2020 г. по делу *C-1/19 Шиптрейд* об отказе в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению.

⁶ Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 4 октября 2021 г. по делу *C-1/21 СУЭК-Кузбасс* об отказе в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению.

Данные хозяйствующие субъекты обжаловали решения Комиссии о классификации отдельного вида товара (дизельного двигателя) и о включении в Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – Товарная номенклатура) нового классификационного кода, соответствующего очистной узкозахватной машине.

Несмотря на принятие Судом решения от 18 июня 2019 г.⁷ об удовлетворении требования хозяйствующего субъекта, Комиссия внесла в решение о классификации отдельного вида товара⁸, оспоренное ООО «Шиптрейд», весьма незначительные изменения, которые не в полной мере учли правовую позицию Суда⁹.

Что касается оспаривания в части Товарной номенклатуры по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС», то возникшая здесь ситуация оказалась более сложной. Хотя Суд в решении от 14 апреля 2021 г.¹⁰ признал не соответствующим праву Союза включение в ТН ВЭД классификационного кода, против которого возражал хозяйствующий субъект, ЕЭК, исключив соответствующий код из Товарной номенклатуры в ранее действовавшей редакции, включила этот же код в новую редакцию Товарной номенклатуры.

Постановлениями от 11 мая 2020 г.¹¹ и от 2 июня 2020 г. по заявлению ООО «Шиптрейд», а также от 4 октября 2021 г. и от 29 ноября

⁷ Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 18 июня 2019 г. по делу *C-1/19 Шиптрейд*.

⁸ Решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 г. по делу *C-1/19 Шиптрейд* признано не соответствующим праву ЕАЭС решение ЕЭК от 31 января 2018 г. № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

⁹ В порядке исполнения решения Суда от 18 июня 2019 г. по делу *C-1/19 Шиптрейд* Комиссия приняла решение от 28 января 2020 г. № 20 «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 г. № 15».

¹⁰ Суд ЕАЭС. Решение от 14 апреля 2021 г. по делу *C-1/21 СУЭК-Кузбасс*.

¹¹ Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 11 мая 2020 г. по делу *C-1/19 Шиптрейд* об отказе в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению.

2021 г.¹² по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС» Суд отказал в удовлетворении ходатайств о принятии мер по исполнению его решений и их приведению в действие.

Отказ Суда в удовлетворении указанных ходатайств и сохранение в правовой системе Союза норм, идентичных тем, что признаны Судом противоречащими актам большей юридической силы, привели к обращению в Суд иных субъектов (ООО «Польские машины» по делу АО «СУЭК-КУЗБАСС», а также самого ООО «Шиптрейд» и ООО «Транспортейшн Рус» по делу ООО «Шиптрейд») с исками об оспаривании новых решений Комиссии в части включения в них тех классификационных кодов, о правомерности которых Суд высказался в ранее рассмотренных делах.

Примечательно, что заявления указанных хозяйствующих субъектов достигли своего результата. Так, в решениях Коллегии и Апелляционной палаты Суда, соответственно от 8 декабря 2022 г. и от 14 марта 2023 г., по делу *С-6/22 Польские машины*¹³ сформулирована позиция, согласно которой принятие Комиссией решения, которое по содержанию аналогично признанному Судом не соответствующим праву ЕАЭС, означает неисполнение решения Суда. Изложенное, по мнению Суда, следует рассматривать как обязанность ЕЭК привести ее решение в соответствие с правом ЕАЭС «без ущерба» для единообразия, установленного Судом. С учетом окончательности вступивших в силу решений Суда дискреция Комиссии по принятию решений ограничена обязательными для исполнения решениями Суда по идентичным вопросам.

Данные выводы поддержаны в решении Коллегии Суда от 13 июня 2023 г. и решении Апелляционной палаты от 2 октября

¹² Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г. по делу *С-1/21 СУЭК-Кузбасс* об отказе в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению.

¹³ Суд ЕАЭС. Решения Коллегии от 8 декабря 2022 г. и Апелляционной палаты от 14 марта 2023 г. по делу *С-6/22 Польские машины*.

2023 г. по делу *C-1/23 ТранспортейшнРус/Шунтрейд*¹⁴. В данных судебных актах отмечается недопустимость преодоления решения Суда посредством замены акта, признанного Судом не соответствующим праву Союза, новым актом аналогичного содержания, а также недопустимость переоценки выводов, сделанных в решении Суда, вступившем в силу. Апелляционная палата подчеркнула разницу между признанием решения ЕЭК не соответствующим праву Союза полностью и в части, указав, что в первом случае оспоренный акт вторичного права подлежит исключению из правовой системы Союза. По мнению Апелляционной палаты, признанный вступившим в силу решением Суда, не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза нормативный акт не подлежит дальнейшему применению, не может считаться действующим, влекущим юридические последствия. В свою очередь, в решение Комиссии, признанное частично не соответствующим праву ЕАЭС, должны быть внесены такие изменения, которые направлены на устранение выявленного несоответствия.

Чрезвычайно важна позиция Суда, согласно которой с момента его вступления в силу решение Суда о признании решения ЕЭК не соответствующим праву ЕАЭС действует непосредственно, а оспоренный нормативный акт Комиссии не подлежит дальнейшему применению, не может считаться действующим и влекущим юридические последствия. Данный вывод Суда можно рассматривать как большой шаг на пути к установлению в качестве прецедентного правила подхода о нуллификации акта вторичного права Союза, в отношении которого Судом установлено его противоречие Договору и международным договорам в рамках ЕАЭС.

Несмотря на позитивный тренд, который наметился в практике Суда в части приведения в исполнение его решений, само по себе доведение ситуации до такого момента, когда Комиссия уже предприняла действия, направленные на преодоление судебного акта, демонстрирует

¹⁴ Суд ЕАЭС. Решения Коллегии от 13 июня 2023 г. и Апелляционной палаты от 2 октября 2023 г. по делу *C-1/23 ТранспортейшнРус/Шунтрейд*.

неэффективность правового регулирования и низкий уровень защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов. Представляется, что преодоление подобных проблем возможно исключительно за счет внесения изменений в право ЕАЭС и предоставления Суду полномочий по признанию оспоренного решения Комиссии недействительным, что повлечет его автоматическое исключение из правовой системы Союза с возможностью выбора момента недействительности: с даты принятия обжалуемого акта вторичного права, с момента вступления в силу решения Суда или с иной указанной им даты.

Следующий вопрос, который требует обсуждения и последующего внесения изменений в процессуальные документы Суда Союза, – это вопрос о **более широком использовании информационных технологий**.

Проведение заседаний в формате видео-конференц-связи, представление документов в электронном виде – все это приобрело особую актуальность с началом пандемии коронавируса и не утратило ее с завершением пандемии¹⁵. Вопрос использования средств информатизации особенно актуален в свете расстояний, которые отделяют участников процесса, находящихся в одном из пяти государств – членов Союза, от судебного органа, расположенного в Минске. В такой ситуации проведение онлайн-заседаний, бесспорно, является одним из элементов, способных повысить эффективность обеспечения права на доступ к суду, закрепленного в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и присущего Конституциям всех стран-участниц.

Суд ЕАЭС провел первое заседание с использованием систем видео-конференц-связи в июле 2020 г. при рассмотрении дела

¹⁵ Чайка, К. Л. Соблюдение принципов и норм правосудия Судом ЕАЭС в период пандемии коронавирусной инфекции в 2020–2021 годах / К. Л. Чайка // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 40–42.

о пруденциальном регулировании лизинговой деятельности по заявлению Министерства юстиции Российской Федерации¹⁶.

Несмотря на то, что положения Регламента Суда разрабатывались с учетом проведения заседаний в очном формате, о чем свидетельствуют упоминания «зала заседаний» в отдельных статьях данного акта, Регламент не содержит прямого запрета на использование режима удаленного доступа. Проведение заседаний в данном формате возможно при условии, что не нарушаются перечисленные в п. 53 Статута принципы осуществления судопроизводства: гласности разбирательства, публичности, равенства сторон спора, состязательности, а также общепризнанные принципы международного права, относящиеся к вопросам осуществления правосудия. Применительно к принципу равенства сторон важно обеспечить, чтобы выбранный способ проведения видео-конференц-связи был доступен как для Комиссии, которая в силу п. 39 Статута выступает ответчиком по делам, рассматриваемым Судом, так и для хозяйствующего субъекта, занимающего процессуальное положение истца. Обращение к практике иных международных судов показывает, что в настоящее время возможность проведения онлайн-заседаний не регламентирована, а решается в рамках каждого конкретного дела.

Несмотря на то, что отсутствие в праве ЕАЭС положений о возможности дистанционного участия в судебных заседаниях не стало для Суда препятствием для их проведения в данном формате, представляется, что правовое регулирование соответствующего вопроса будет нелишним.

В этой связи представляется целесообразным дополнить Регламент общей правовой нормой, устанавливающей возможность проведения судебного заседания в режиме видео-конференц-связи, а также представления лицами, участвующими в деле, состязательных документов в электронном виде.

¹⁶ Суд ЕАЭС. Дело P-1/20 о лизинге.

Немаловажное значение в свете деятельности Суда имеет **единство и устойчивость судебной практики**, представляющие собой элемент принципа правовой определенности. Под устоявшейся судебной практикой понимается последовательный и единообразный подход одного и того же состава судебного органа к разрешению споров, имеющих аналогичный предмет и основанных на совпадающих правовых нормах. Особенно актуальной данная проблема становится при рассмотрении дел по заявлениям хозяйствующих субъектов в составе из пяти судей, т. е. Коллегией или Апелляционной палатой Суда. Отсутствие расхождений по принципиальным вопросам между различными составами Суда является залогом реализации судебным органом ключевой задачи, которая возложена на него п. 2 Статута, – обеспечения единообразия применения права ЕАЭС его органами и государствами-членами.

Как показала практика, не исключены ситуации, когда не только различные формации Коллегии или Апелляционной палаты, но даже один и тот же состав Суда по идентичному вопросу приходил к противоположным выводам. Наиболее показателен в данном аспекте подход Апелляционной палаты, которая в одном и том же составе при разрешении дел ЗАО «Санофи-Авентис Восток»¹⁷, АО «Транс Логистик Консалт»¹⁸ и ООО «Монокристалл»¹⁹ формулировала противоположные выводы по вопросу об условиях и основаниях принятия ЕЭК решения о классификации отдельного вида товара. Ключевой момент, по которому происходило расхождение правовых позиций, – наличие или отсутствие требования о неединообразии практики классификации отдельного вида товара в государствах-членах как основании для инициативного обращения уполномоченных

¹⁷ Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 11 марта 2019 г. по делу С-3/18 *Санофи I*.

¹⁸ Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 8 октября 2020 г. по делу С-2/19 *Транс Логистик Консалт*.

¹⁹ Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 15 февраля 2021 г. по делу С-2/20 *Монокристалл*.

таможенных органов государств-членов в Комиссию для принятия соответствующего решения. Трижды менее чем за год Апелляционная палата меняла свой подход.

Одним из способов не допустить подобной ситуации, которая подрывает стабильность судебной практики, ставя под сомнение ее прецедентный характер, могло бы стать вынесение одним из составов Суда соответствующего вопроса на разрешение Большой коллегии. Подобная попытка была предпринята Апелляционной палатой при разрешении дела АО «Транс Логистик Консалт» в аспекте наличия у таможенного представителя права оспорить решение ЕЭК о классификации отдельного вида товара²⁰. Поводом к намерению Апелляционной палаты передать данный вопрос на разрешение Большой коллегии послужил тот факт, что ранее в постановлении о прекращении производства от 10 марта 2020 г. по делу ООО «Электронная таможенная» Коллегия Суда, действовавшая в ином составе, пришла к выводу об отсутствии у таможенного представителя соответствующего процессуального права. К сожалению, Большая коллегия постановлением от 8 декабря 2020 г. отказала в рассмотрении постановления Апелляционной палаты, мотивировав свою позицию исчерпывающим списком субъектов обращения к ней, который закреплен в п. 46 Статута²¹.

Представляется, что решение проблемы неединообразия судебной практики должно происходить за счет внесения изменений в право Союза. Целесообразно дополнить Статут нормой, которая относит к полномочиям Большой коллегии рассмотрение по инициативе одного из составов Суда вопросов, по которым сложилась или может сформироваться неединообразная правоприменительная практика.

В данном аспекте также представляется актуальным предоставление Большой коллегии полномочий по обобщению

²⁰ Суд ЕАЭС. Постановление Апелляционной палаты от 7 октября 2020 г. по делу С-2/19 *Транс Логистик Консалт* о внесении вопроса на рассмотрение Большой коллегии.

²¹ Суд ЕАЭС. Постановление Большой коллегии от 8 декабря 2020 г. по делу Р-4/20 *о субъектной компетенции Суда*.

практики Суда по отдельным материально- и процессуально-правовым вопросам, как это имеет место при производстве в высших судах государств-членов. Думается, что в совокупности предложенное расширение полномочий Большой коллегии способно придать правовой системе Союза большую устойчивость, а правосудию – свойство предсказуемости.

Резюмируя изложенное, **представляется необходимым внести следующие изменения в Статут и Регламент Суда:**

– предоставить Суду полномочия по признанию оспоренного решения Комиссии недействительным с возможностью выбора момента недействительности: с даты принятия обжалуемого акта вторичного права, с момента вступления в силу решения Суда или с иной указанной им даты;

– предусмотреть возможность проведения судебного заседания в режиме видео-конференц-связи, а также представления лицами, участвующими в деле, состязательных документов в электронном виде;

– отнести к полномочиям Большой коллегии рассмотрение по инициативе одного из составов Суда вопросов, по которым сложилась или может сформироваться неединообразная правоприменительная практика;

– предоставить Большой коллегии полномочия по обобщению практики Суда по отдельным материально- и процессуально-правовым вопросам.

Влияние ограничительных мер ЕС на развитие ЕАЭС (правовые аспекты)

В. В. Войников,

профессор кафедры интеграционного права и прав человека Московского государственного института международных отношений МИД России, д. ю. н., профессор образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта

С момента создания Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) со стороны Европейского союза (далее – ЕС) наблюдалось достаточно скептическое отношение к новому интеграционному объединению, которое нередко рассматривалось политиками ЕС как попытка воссоздания СССР. В предметной записке по отношениям с Россией¹, подготовленной к Совету по иностранным делам 19 января 2015 г., Европейская внешнеполитическая служба упомянула признание ЕАЭС в качестве одного из вопросов, представляющих интерес для России в отношениях с ЕС, а также предложила изучить вопрос об установлении отношений с ЕАЭС. О возможности технического сотрудничества по определенным вопросам сказано в совместном сообщении Европейского парламента, Европейского совета и Совета ЕС по вопросу отношений ЕС с РФ². При этом ЕС не проявляет интереса в такому диалогу, предпочитая выстраивать двусторонние отношения

¹ «Issues Paper» on relations with Russia. Foreign Affairs Council of 19 January 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://blogs.ft.com/brusselsblog/files/2015/01/Russia.pdf>. – Date of access: 20.10.2023.

² Joint communication to the European parliament, the European council and the council on EU-Russia relations – Push back, constrain and engage [Electronic resource]. – Brussels, 16.6.2021. JOIN(2021) 20 final. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/joint-communication-eu-russia-relations.pdf>. – Date of access: 20.10.2023.

с государствами – членами ЕАЭС³. Акцент на развитие двусторонних отношений со странами бывшего СССР, и в частности с государствами – членами ЕАЭС, вытекает также из пяти руководящих принципов политики ЕС по отношению к России, одобренных в марте 2016 г.⁴

2022 г. оказался переломным в отношениях между Россией и ЕС, когда в ответ на начало военной операции на Украине ЕС существенно расширил ограничительные меры против РФ. В этот же период было отмечено усиление санкционного давления со стороны ЕС в отношении Республики Беларусь в качестве ответа на результаты президентских выборов 2020 г., инцидент с посадкой самолета авиакомпании Ryanair и поддержкой действий России на Украине.

Введение масштабных ограничительных мер в отношении двух государств-членов, включая крупнейшую страну Союза – Россию, не могло не оказать воздействия на развитии всего интеграционного объединения, а также на других стран – членов ЕАЭС.⁵

В этой ситуации возникает правовая проблема, касающаяся определения того, насколько право ЕАЭС, а также правоприменительная практика адаптированы к такому внешнему вызову, как существенное санкционное давление на одно или несколько государств – членов ЕАЭС.

В рамках разрешения данной проблемы необходимо оценить действия различных государств-членов в условиях санкционного давления на Россию и Беларусь, а также проанализировать действующие союзные нормы, регулирующие соответствующие отношения.

³ Tony van der Togt EU & EURASIAN ECONOMIC UNION: A COMMON CHINESE CHALLENGE [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.clingendael.org/publication/eu-eurasian-economic-union-common-chinese-challenge>. – Date of access: 25.10.2023.

⁴ Five principles guiding the EU's policy towards Russia [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/five-principles-guiding-the-eu-s-policy-/product-details/20220114DPU32022>. – Date of access: 20.10.2023.

⁵ МИД Казахстана признал негативное влияние антироссийских санкций на экономику страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5747188>. – Дата доступа: 25.10.2023.

Влияние ограничительных мер на РФ, РБ, а также другие страны Союза

Договор о ЕАЭС был принят уже после начала санкционной политики ЕС против РФ, но до введения первых ограничений экономического характера. В любом случае правовая основа Союза разрабатывалась еще в досанкционный период. Поэтому вряд ли разработчики Договора о ЕАЭС предусматривали механизм реагирования на такой внешний вызов, как введение масштабных экономических ограничительных мер.

В отличие от ЕС ЕАЭС не реализует общую внешнюю политику, соответственно, у ЕАЭС нет полномочий по введению ограничительных мер, в том числе т. н. контрсанкций.

В соответствии с правом ЕАЭС государства – члены Союза осуществляют единую таможенную политику в рамках Таможенного союза, а также общую внешнеторговую политику Союза. Вместе с тем учредительный договор сохраняет за государствами-членами достаточно широкий круг исключений.

В силу ст. 29 (1) Договора о ЕАЭС государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) по причинам, связанным с защитой жизни, здоровья человека, безопасности государства и т. д.

Согласно ст. 47 Договора о ЕАЭС государства-члены в торговле с третьими странами могут в одностороннем порядке вводить и применять меры нетарифного регулирования.

Анализ указанных норм позволяет сделать вывод о том, что исключения, предусмотренные ст. 29 Договора, имеют достаточно широкое применение и распространяются на внутрисоюзную торговлю, при этом право Союза допускает возможность введения таких ограничений только по основаниям, указанным в учредительном договоре. Положения ст. 47 Договора касаются торговых отношений члена Союза с третьими странами. При этом Договор не ограничивает

государства-члены в обосновании причин введения таких мер, как это имеет место в случае со ст 29. Иными словами, государство-член вправе вводить меры нетарифного регулирования с третьими странами по любым основаниям.

Нельзя забывать еще об одном факторе. По мнению целого ряда экспертов введение масштабных ограничений и попытка изоляции России привела к некоторому отдалению государств – членов ЕАЭС от России⁶. Во многом такие настроения в обществе и среди политической элиты поддерживаются извне со стороны враждебно настроенных по отношению к России стран. Таким образом, ограничительные меры со стороны стран Запада имеют также и политический эффект.

Национальные меры

После введения ЕС масштабных экономических ограничений со стороны РФ был принят целый ряд ограничений, предусматривающих временный запрет на вывоз определенных товаров (сахара⁷, зерновых культур⁸), установлен лимит на вывоз иностранной наличной валюты⁹, разрешительный порядок вывоза товаров¹⁰,

⁶ Союз под напряжением: как санкции против России влияют на ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya/462891-souz-pod-naprazheniem-kak-sankcii-protiv-rossii-vliaut-na-eaes>. – Дата доступа: 11.11.2023.

⁷ О введении временного запрета на вывоз сахара белого и сахара-сырца тростникового из Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 14 марта 2022 г., № 361. – Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/22ps0361/>. – Дата доступа: 20.10.2023.

⁸ О введении временного запрета на вывоз зерновых культур за пределы территории Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 14 марта 2022 г., № 362 : ред. от 31.03.2022 г. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/403698276/>. – Дата доступа: 20.10.2023.

⁹ О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 1 марта 2022 г., № 81 // Рос. газета. – 03.03.2022. – № 46.

¹⁰ О введении на временной основе разрешительного порядка вывоза отдельных видов товаров за пределы территории Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 9 марта 2022 г., № 312 : ред.

а также количественные ограничения на вывоз в страны ЕАЭС лесоматериалов¹¹. Более того, в качестве специальной экономической меры было предусмотрено установление повышенных ставок вывозных и (или) ввозных таможенных пошлин в отношении продукции, вывозимой или ввозимой в РФ¹².

Формально все указанные выше ограничения имеют экономический характер и направлены на обеспечение безопасности страны (в т. ч. продовольственной) посредством нейтрализации негативных последствий от введенных ограничительных мер. Запрет на вывоз товаров в страны ЕАЭС носил временный и непродолжительный характер, тем не менее другие страны Союза восприняли такие ограничения достаточно критично, усмотрев в них нарушение учредительного договора.

При этом основная идея введенного Россией запрета на вывоз продукции в другие страны ЕАЭС заключалась в том, чтобы избежать дальнейшего реэкспорта указанной продукции в третьи страны.

Анализ национальных мер РФ по преодолению негативного воздействия ограничительных мер позволяет сделать вывод о том, что далеко не все из них соответствовали праву Союза, поскольку нарушали принципы внутреннего рынка ЕАЭС.

Однако в данной ситуации перед российским руководством возникла дилемма: либо строго следовать нормам ЕАЭС, либо принимать экстренные меры по защите своей экономики в условиях

от 06.05.2023 г. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411232/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/. – Дата доступа: 20.10.2023.

¹¹ О вывозе отдельных видов лесоматериалов с территории Российской Федерации в государства – члены Евразийского экономического союза : постановление Правительства Рос. Федерации, 16 марта 2022 г., № 380 // Собрание законодательства РФ – 21.03.2022. – № 12. – Ст. 1864.

¹² О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 8 марта 2022 г., № 100 : ред. от 20.07.2023 г. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411102/#dst100019. – Дата доступа: 20.10.2023.

экстраординарной политической ситуации. Россия выбрала второй путь.

Как правило, участие в интеграционном объединении создает поле для маневра для государств-членов в случае внешнего негативного влияния¹³. Поэтому членство в ЕАЭС позволило России более успешно справиться с санкционным давлением, таким образом, это имело для России амортизирующий эффект. Режим свободного передвижения товаров позволил перераспределить существовавшие логистические маршруты и в определенной степени сохранить импорт и экспорт по тем позициям, которые попали под ограничения, введенные со стороны ЕС на законодательном или корпоративном уровне. Согласно статистическим данным за 2022 г. по сравнению с 2021 г. между государствами – членами ЕАЭС выросли показатели импортно-экспортных операций¹⁴. Во многом такие показатели выросли благодаря развитию параллельного импорта.

Такая ситуация устраивала почти все стороны (поставщиков, покупателей, транзитеров), но вызвала обеспокоенность у стран, которые ввели ограничительные меры, поскольку это снижало эффект от санкций. Поэтому на партнеров России по ЕАЭС стали оказывать давление с тем, чтобы они прекратили обеспечивать транзит в Россию и из России подсанкционных товаров.

Одним из результатов такого давления явилась публикация в июне 2022 г. проекта приказа министра финансов Республики Казахстан «Об утверждении Правил реализации пилотного проекта по учету перемещения отдельных видов товаров при их вывозе с территории Республики Казахстан на территорию Российской Федерации

¹³ Махмутова, Е. В. Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз / Е. В. Махмутова // Вестн. междунар. организаций. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 99–116.

¹⁴ Долженкова, Е. Интеграционные процессы ЕАЭС в условиях санкций: социально-экономический и демографический аспекты / Е. Долженкова, А. Ю. Мохорова // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2023. – Т. 3, № 2. – С. 55–65. DOI 10.19181/demis.2023.3.2.4. EDN VUPSYZ.

и Республики Беларусь». В рамках пилотного проекта предусмотрен порядок, согласно которому учет перемещения отдельных видов товаров при экспорте товаров с территории Республики Казахстан на территорию РФ и Республики Беларусь будет осуществляться органом государственных доходов путем заверения копий электронных счет-фактур (ЭСФ), выписанных налогоплательщиком¹⁵. При отсутствии заверенной копии ЭСФ вывоз товаров с территории Республики Казахстан на территорию РФ и Республики Беларусь не может быть осуществлен¹⁶. Этот проект вызвал достаточно серьезный резонанс, после чего текст проекта удалили с официальных ресурсов¹⁷. В настоящее время судьба этого механизма не известна.

Такая мера очень трудно согласуется с принципами внутреннего рынка, поскольку импортные товары, помещенные под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, приобретают статус товаров Союза (ст. 134 ТК ЕАЭС). Соответственно, они находятся в свободном обращении и могут беспрепятственно перемещаться по всему Союзу, включая РФ и Республику Беларусь. Фактически это новый барьер на внутреннем рынке ЕАЭС, который окажет негативное влияние на функционирование единого экономического пространства¹⁸.

Однако вполне очевидно, что разработка данного пилотного проекта была продиктована не желанием присоединиться к анти-российской политике, а давлением, которое оказывалось на власти

¹⁵ Между санкциями и ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5447449>. – Дата доступа: 20.11.2023.

¹⁶ Разработан Пилотный проект по учету вывоза санкционных товаров в Россию и Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inbuh.kz/ru/news/1460-razrabotan_pilotnyj_projekt_po_uchetu_vyvoza_sankcionnyh_tovarov_v_rossiju_i_bielarus/. – Дата доступа: 20.10.2023.

¹⁷ Реалии и перспективы «параллельного импорта», 27 марта 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/213493-realii-i-perspektivy-parallelnogo-importa.html>. – Дата доступа: 20.11.2023.

¹⁸ Между санкциями и ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5447449>. – Дата доступа: 20.10.2023.

Казахстана. Иными словами, перед властями Казахстана тоже возникла дилемма между следованием нормам права Союза и сохранением стабильных торговых отношений со странами Запада. Фактически ограничительные меры в отношении РФ и Беларуси поставили перед другими странами ЕАЭС вопрос, как сбалансировать экономический интерес в рамках интеграции при одновременном развитии контактов с внешними игроками без ущерба для себя¹⁹.

Таким образом, в ситуации внешнего санкционного давления государства – члены ЕАЭС стали предпринимать шаги, которые не всегда соответствовали духу союзнических отношений, а также нормам права ЕАЭС.

Союзные меры

Введение ограничительных мер в отношении России, а также Беларуси имело последствие для всего Союза. Соответственно, на уровне ЕАЭС также был принят комплекс мер, направленный на обеспечение устойчивости внутрисоюзной торговли в условиях санкционного давления.

В марте 2022 г. на заседании Совета ЕЭК в Москве премьер-министрами государств-членов был утвержден перечень первоочередных мер по повышению устойчивости экономик государств – членов ЕАЭС²⁰. Большая часть указанных мер была направлена на преодоление негативных последствий ограничительных мер. В частности, Совет ЕЭК принял меры в области таможенного регулирования, были установлены особые ставки ввозных таможенных пошлин в отношении 450 видов товара, увеличен лимит на беспошлинный ввоз

¹⁹ Махмутова, Е. В. Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз / Е. В. Махмутова // Вестн. междунар. организаций. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 99–116.

²⁰ Кузьмина, Е. Перспективы развития евразийской интеграции в новых геополитических реалиях [Электронный ресурс] / Е. Кузьмина. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razvitiya-evraziyskoj-integratsii-v-novykh-geopoliticheskikh-realiyakh/>. – Дата доступа: 20.12.2023.

товаров для личного пользования, ввозимых через сухопутную границу или пересылаемых в международных почтовых отправлениях. Согласно решению Совета такая мера имеет временный характер, в настоящее время ее действие продлено до 1 апреля 2024 г.²¹.

Кроме того, в свете принятых Россией мер по ограничению вывоза сельхозпродукции Совет ЕЭК поручил Коллегии ЕЭК совместно с государствами-членами проработать предложения по обеспечению устойчивости внутренних рынков государств-членов, в том числе возможность введения совместных мер в отношении вывоза отдельных видов сельскохозяйственных товаров за пределы Союза²². Данное решение было ответом на введенные Россией ограничения на вывоз зерна и сахара. Впоследствии в рамках данного направления Межправительственный совет принял распоряжение, направленное на сближение мер регулирования экспорта, принимаемых государствами – членами Союза²³. Согласно указанному распоряжению ЕЭК совместно с государствами-членам предписано обеспечивать подготовку индикативных балансов в отношении определенных видов товаров, главным образом зерновых культур и сахара. Соответственно, свободное перемещение указанных товаров должно осуществляться в пределах согласованных индикативных балансов.

Очевидно, что проблема введения ограничений на внутреннюю торговлю в рамках противодействия санкционной политики третьих

²¹ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 27.09.2023 № 94 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/23sr0094/>. – Дата доступа: 29.12.2023.

²² ЕАЭС рассмотрит возможность введения совместных мер в отношении вывоза отдельных видов сельхозпродукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-rassmotrit-vozmozhnost-vvedeniya-sovmestnykh-mer-v-otnoshenii-vyvoza-otdelnykh-vidov-selkhozpro/>. – Дата доступа: 11.12.2023.

²³ Об основных подходах по реализации государствами – членами Евразийского экономического союза мер регулирования экспорта отдельных видов товаров [Электронный ресурс] : распоряжение Евразийского межправительственного совета, 21 июня 2022 г., № 8. – Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/22mr0008/>. – Дата доступа: 29.12.2023.

стран привело также к подготовке изменений в учредительный договор. 31 марта 2022 г. в Москве был подписан протокол о внесении изменений в Договор о ЕАЭС²⁴, согласно которому подлежит изменению ст. 29 Договора (исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров), а также добавлена ст. 29.1 (государственный контроль (надзор) на таможенной границе Союза). В соответствии с согласованными изменениями установлена обязанность государств-членов при введении и отмене ограничений во взаимной торговле товарами уведомлять об этом Комиссию и другие государства-члены.

Отдельным направлением политики Союза по повышению устойчивости ЕАЭС в условиях ухудшения геополитической ситуации стало развитие сотрудничества с внешними партнерами, не примкнувшими к антироссийской политике, поскольку выживание интеграционного объединения в условиях экономических шоков трудноосуществимо без укрепления связей с внешним миром²⁵. Выстраивание новой архитектуры международных отношений представляется крайне сложной задачей. С одной стороны, вполне очевидным видится переориентация связей с ЕС и странами Запада на страны Азиатского региона. Однако отказ от сотрудничества со странами Запада вряд ли является возможным и целесообразным, поскольку не все страны ЕАЭС желают этого. Кроме того, сохранение экономических отношений со странами Запада отвечает интересам всего Союза. Таким образом, в структуре внешних отношений Союза могут появиться т. н. общие партнеры для всего ЕАЭС и партнеры отдельных государств.

²⁴ Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс] : [подписан в г. Москве 31.03.2022 г.]. – Режим доступа <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=E578D3408BA30E5098C4D538DC43477D&mode=backrefs&rnd=xBg69g&base=LAW&n=413488#tсcupuТmwEXqQVvm>. – Дата доступа: 29.12.2023.

²⁵ Королев, А. ЕАЭС в условиях экономической войны: как развивать международные связи [Электронный ресурс] / А. Королев. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/eaes-v-ekonomicheskoy-vojne/>. – Дата доступа: 29.12.2023.

Помимо негативных последствий от введения ограничительных мер со стороны стран Запада на торговлю внутри ЕАЭС, текущая геополитическая обстановка должна стать стимулом для развития проектов, направленных на обеспечение технологического суверенитета. Председатель Коллегии ЕЭК сообщил о том, что в рамках мероприятий по развитию логистики, импортозамещения и технологической модернизации в рамках ЕАЭС будут созданы локализованные мощности для сборки и технического обслуживания воздушных судов и производства авиакомпонентов, а также для развития новых мультимодальных транспортных коридоров и новых каналов экспорта и импорта, не зависящих от Западных стран²⁶. По словам главы Правительства России, важным решением ЕАЭС стало создание пилотного механизма финансирования промышленных инициатив за счет бюджета Союза²⁷. 25 мая 2023 г. был согласован протокол о внесении изменений в Договор о ЕАЭС, предусматривающий финансирование проектов промышленной кооперации²⁸.

Таким образом, на уровне ЕАЭС стали предприниматься общесоюзные действия, направленные на нейтрализацию последствий ограничительных мер со стороны Западных стран. Это проявляется в том числе в совершенствовании существующей нормативно-правовой

²⁶ ЕАЭС: эффективность – ответы на вызовы и угрозы [Электронный ресурс] : лекция Председателя Коллегии ЕЭК М. В. Мясниковича в МГИМО МИД России. – Режим доступа: <https://eec.eaunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kolleгии-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost-otvety-na-vyzovy-i-ugrozy/>. – Дата доступа: 20.11.2023.

²⁷ Укрепление технологического суверенитета - один из значимых векторов работы в ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/09/25/mishustin-ubezhden-v-bolshe-potenciale-industrializacii-eaes.html>. – Дата доступа: 20.11.2023.

²⁸ Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части оказания финансового содействия при реализации государствами-членами ЕАЭС совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaunion.org/upload/iblock/b6f/Protokol-o-vnesenii-izmeneniy-v-Dogovor-o-Evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze-ot-29-maya-2014-goda_-podpisanny-25-maya-2023-g.-_v-chasti-kooperatsionnykh-proektov_.pdf. – Дата доступа: 20.11.2023.

базы Союза, включая изменения учредительного договора. Пока трудно оценить результаты такой деятельности, однако уже сейчас можно увидеть вполне определенную тенденцию.

Тем не менее думается, что внутри Союза отсутствует полный консенсус относительно дальнейшего развития и углубления интеграции. Вполне очевидно то, что государства-члены находятся в разном положении, у них разные национальные интересы, а политические связи, обеспечивающие сплоченность Союза, развиты недостаточно сильно. Поэтому успех в преодолении негативных последствий от односторонних ограничительных мер будет во многом зависеть от внутриполитических факторов.

На сегодняшний момент право ЕАЭС не адаптировано в достаточной степени к таким внешним вызовам, как введение ограничительных мер со стороны третьих стран по отношению к одному или нескольким членам Союза.

Ограничительные меры в отношении Республики Беларусь и особенно РФ не привели к катастрофическим последствиям ни для ЕАЭС, ни для его государств-членов, хотя, безусловно, был нанесен определенный ущерб Союзу в виде новых барьеров на пути внутрисоюзной торговли. Но в целом ЕАЭС продемонстрировал устойчивость в связи с масштабным экономическим и политическим давлением на одного из его членов. При этом членство в ЕАЭС позволило России более успешно справиться с санкционным давлением.

Очевидно, что политика введения ограничительных мер в экономической сфере со стороны США и их союзников будет продолжена, такие меры могут быть введены как в отношении других членов ЕАЭС, так и партнеров Союза.

По этой причине в целях обеспечения дальнейшего поступательного развития ЕАЭС в условиях жесткого геополитического противостояния необходимо сосредоточиться на следующих вопросах.

1. Осуществление выработки и согласование общих принципов действий Союза и его государств-членов в условиях внешнего

санкционного давления. Указанные принципы могут найти отражение в актах первичного и вторичного права с тем, чтобы избежать любых действий со стороны членов Союза, подрывающих основы внутреннего рынка.

2. Продолжение развития общесоюзной политики, направленной на обеспечение импортозамещения и технологического суверенитета.

3. Обеспечение дальнейшего развития международного экономического сотрудничества с третьими странами и интеграционными объединениями, в том числе путем усиления роли Союза в качестве субъекта международных отношений. В данной сфере особое звучание может приобрести проект «Большое Евразийское партнерство»²⁹.

4. Развитие гуманитарного пространства внутри ЕАЭС, в том числе посредством поощрения научно-образовательного сотрудничества, которое должно стать драйвером интеграции.

Таким образом, внешнее санкционное давление может не только создавать препятствия внутренней торговле, но и выступить дополнительным стимулом для расширения и углубления интеграции, что должно стать одним из приоритетов политики Союза.

²⁹ Глазьев, С. Ю. Как построить Большое евразийское партнерство? [Электронный ресурс] // *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. – 2021. – № 15 (3). – С. 9–14. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-9-14>. – Дата доступа: 15.11.2023; Энтин, М. Л. Видимость или реальность ускорения процессов формирования Большой Евразии. Большая Евразия: Развитие, Безопасность, Сотрудничество / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина // *Ежегодник*. – Ч. 1. Вып. 6. – М. : Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022. – С. 505–512.

Влияние практики Суда ЕАЭС на правотворчество и правоприменение в государствах-членах: результаты, проблемы, возможные пути решения

Д. Г. Колос,

судья Суда Евразийского экономического союза

За неполные 9 лет с момента его создания Суд ЕАЭС доказал свою востребованность и состоятельность: Судом рассмотрены более 70 заявлений и жалоб о разрешении споров (в том числе 1 межгосударственный спор) и более 30 заявлений о разъяснении норм права Союза, что, как показывает международная практика, немало для первых лет деятельности международного суда в целом и суда региональной экономической организации в частности.

В то же время эффективность судебного органа интеграционного объединения измеряется не только и не столько количеством рассмотренных дел, но и качеством, убедительностью его решений и их влиянием на достижение основной статутной цели Суда – обеспечение единообразия правоприменительной практики в государствах-членах и органах Союза. В первой части доклада поделюсь наиболее яркими, на мой взгляд, примерами влияния практики Суда на правоприменение и правотворчество в государствах-членах, остановлюсь подробнее на 3 делах, которые наиболее ярко это демонстрируют. Во второй части затрону проблемные вопросы, которые требуют осмысления и демонстрируют необходимость изменений как в праве Союза, так и в правоприменительной практике государств-членов, предложу возможные пути их решения.

Примером защиты прав частных лиц, обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами Союза права Союза, а также влияния на правоприменительную практику

государств-членов в части соблюдения свободы передвижения трудящихся в рамках ЕАЭС стало консультативное заключение Суда от 7 декабря 2018 г. по заявлению ЕЭК по делу *P-3/18 о профессиональных спортсменах*, для которых в Российской Федерации установлены ограничения по количеству выступающих за спортивный клуб в командных видах спорта иностранных профессиональных спортсменов.

Суд в консультативном заключении сформулировал важнейший для обеспечения свободы перемещения рабочей силы в интеграционном объединении тезис о том, что в ст. 97 Договора о ЕАЭС государства-члены приняли на себя обязательства не устанавливать и не применять в отношении трудящихся государств-членов ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных самим Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка, и распространил его действие на профессиональных спортсменов, указав, что они являются такими же трудящимися, как и представители других профессий.

Консультативное заключение Суда было принято Российской Федерацией. Приказами национального Министерства спорта отменены количественные ограничения в отношении профессиональных спортсменов, являющихся гражданами государств – членов Союза, которые имеют право выступать за национальные спортивные сборные команды своих стран.

Другим примером влияния практики Суда на национальное уже не только правоприменение, но и правотворчество можно назвать консультативное заключение Суда от 4 апреля 2017 г. по делу *P-1/17 о критериях допустимости вертикальных соглашений* по обращению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении норм ст. 74–76 Договора о ЕАЭС.

Несмотря на отсутствие такой компетенции де-юре, фактически Суд в данном деле, предоставляя консультативное заключение

по запросу государства-члена, осуществил предварительный судебный нормоконтроль, определил соответствие нормативному правовому акту наднационального характера – Договору о ЕАЭС – проекта национального нормативного правового акта – Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», в конструкции правовых норм которого и содержался спорный вопрос.

Договор о ЕАЭС по общему правилу запрещает вертикальные соглашения, за исключением соответствующих критериям допустимости, одним из которых является не превышающая 20 % доля каждого участника такого соглашения на товарном рынке товара, являющегося предметом вертикального соглашения. Иными словами, право Союза разрешает вертикальные соглашения, если доля каждого из его участников не превышает 20 % товарного рынка.

Заявитель просил Суд разъяснить указанные положения на предмет возможности установления в законодательстве государств – членов ЕАЭС иных критериев допустимости вертикальных соглашений – снижения доли рынка с 20 до 15 %, принимая во внимание, что Договором о ЕАЭС предусмотрено право государств-членов вводить дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов.

Суд установил различия в понятиях «критерии допустимости» и «запреты» и сделал вывод о том, что государства-члены вправе вводить в национальное законодательство нормы-запреты, но не нормы-дозволения, тем самым констатируя невозможность снижения установленного правом Союза критерия допустимости вертикальных соглашений.

Приведенный подход Суда Союза был принят белорусским законодателем и отражен в новой редакции Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции».

Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 28 декабря 2017 г., осуществляя предварительный нормоконтроль представленного на подпись Президенту Республики Беларусь принятого Палатой представителей и одобренного Советом Республики указанного Закона, хоть и не ссылаясь на решение Суда ЕАЭС, тем не менее поддержал его позицию и указал, что в силу подп. 2.2 п. 2 ст. 22 Закона допускаются вертикальные соглашения, если доля каждого хозяйствующего субъекта, являющегося участником вертикального соглашения, на товарном рынке товара, являющегося предметом данного соглашения, не превышает 20 %. Увеличение размера процентов с 15 (как это предусматривалось первоначальным проектом) до 20 (в итоговой редакции) обусловлено необходимостью соотношения данной нормы с подп. 2 п. 6 раздела II Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору).

Третье дело, которое хотел бы привести в качестве примера, касается обеспечения единообразного применения права Союза при проведении закупок.

ЕЭК обратилась в Суд с заявлением о разъяснении положений Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору, далее – Протокол № 25), согласно которому в законодательстве государства-члена о закупках должно быть установлено не менее 2 способов (видов) обеспечения заявки на участие в закупке и обеспечения исполнения договора (контракта) о закупке:

– гарантийный денежный взнос, который вносится на банковский счет заказчика либо, в случае если это установлено законодательством государства-члена о закупках, организатора закупок, оператора электронной торговой площадки (электронной площадки);

– банковская гарантия.

Вопрос был связан с тем, что в соответствии с законодательством Российской Федерации при проведении электронных процедур обеспечение заявки на участие в закупке предоставлялось (наряду с банковской гарантией) посредством блокирования денежных средств

на банковском счете, открытом самим участником в уполномоченном Правительством Российской Федерации банке (ч. 5 ст. 44 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

В этой связи участнику электронной закупки необходимо было обратиться в уполномоченный банк, открыть специальный счет, предоставив для этого требуемые российским законодательством документы, т. е. физически присутствовать на территории государства-члена, где проводится закупка, что полностью нивелировало электронный формат закупок, обязательства по обеспечению которого государства-члены приняли на себя на основании ч. 2 п. 4 Протокола № 25.

В консультативном заключении от 22 ноября 2022 г. Суд указал, что Протокол № 25 требует от государств-членов установить не менее двух способов обеспечения заявки на участие в закупке и обеспечения исполнения договора о закупке, в том числе указанные выше. При этом иное толкование нарушало бы обоснованные ожидания субъектов хозяйствования государств-членов участвовать в процедурах государственных (муниципальных) закупок исходя из наличия обязательных заранее известных и равных для всех участников условий и лишило бы положения абзацев 5–7 п. 18 Протокола полезного действия.

В итоге 10 апреля 2023 г. было принято постановление Правительства Российской Федерации № 579 «Об особенностях порядка предоставления обеспечения заявок на участие в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд участниками таких закупок, являющимися иностранными лицами», вступившее в силу с 1 июня 2023 г., которым устранены указанные недостатки, и участники закупок из государств – членов ЕАЭС вправе предоставить обеспечение заявок в виде денежных средств, вносимых на счет, указанный заказчиком в извещении об осуществлении закупки (подп. а п. 1 указанного постановления).

Следует отметить, что все три приведенных дела являются делами о разъяснении, консультативные заключения Суда по которым имеют рекомендательный характер. Вместе с тем практика ЕЭК и государств-членов демонстрирует, что мягкая сила актов Суда, не носящих обязательного характера, является не менее, а, может быть, даже более убедительной, чем сила обязательных для исполнения решений Суда.

На основании приведенных примеров по трем из более 100 рассмотренных Судом заявлений можно отметить, что Суд играет значимую роль в поступательном развитии региональной экономической интеграции. Но было бы необъективно ограничиться только констатацией положительных результатов. Хотелось бы высказаться и о выявленных за время работы Суда практических проблемах, предложить возможные пути совершенствования имеющихся в праве Союза правовых инструментов и механизмов.

Наиболее важным вопросом, требующим детального анализа, одновременно затрагивающим права и интересы частных лиц и влияющим на авторитет Суда и силу его решений, считаю действие решений Суда во времени, пространстве и по кругу лиц.

С 1 июля 2011 г. в соответствии с правом ЕврАзЭС, предшественника ЕАЭС, было отменено таможенное оформление товаров, происходящих из государств – участников ТС и перемещаемых между их территориями, т. е. полноценно заработал ТС. Несмотря на это, абзац 4 п. 1 решения КТС № 335 от 17 августа 2010 г., который сохранял для целей ведения статистики взаимной торговли таможенное декларирование отдельных видов товаров, вывозимых с территории Российской Федерации в другие государства – члены ТС, не был отменен и продолжал свое действие. ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс» обратилось в Суд ЕврАзЭС с заявлением об оспаривании указанного решения КТС как противоречащего актам права ЕврАзЭС более высокой юридической силы.

Суд ЕврАзЭС решением от 5 сентября 2012 г. признал п. 1 решения № 335 не соответствующим праву ЕврАзЭС. Здесь следует отметить, что в отличие от права ЕАЭС право ЕврАзЭС предусматривало автоматическое приостановление действия акта, признанного Судом не соответствующим праву ЕврАзЭС, с момента вступления решения Суда в законную силу. Решением ЕЭК № 7 от 22 января 2013 г. абзац 4 п.1 решения № 335 был исключен, указано о вступлении данного решения в законную силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования.

Указанные противоречия в дате, с которой признанные несоответствующими праву ЕврАзЭС нормы решения № 335 утратили силу, послужили основанием для обращения заявителя в Суд ЕврАзЭС за разъяснением вынесенного ранее судебного решения.

В постановлении от 8 апреля 2013 г. Суд ЕврАзЭС, сославшись на п. 1 ст. 25 Статута, согласно которому Суд принимает решения, в которых предписывает меры для его исполнения (что также отсутствует в Статуте Суда ЕАЭС), пришел к выводу, что к данным мерам относятся как возможность установления «даты, с которой оспариваемый акт или отдельные его положения признаются несоответствующими договорным нормам», так и «меры общего и индивидуального характера в целях неповторения в дальнейшем нарушения прав в отношении неопределенного круга лиц, а также для восстановления прав конкретного заявителя».

Данный вывод позволил Суду ЕврАзЭС сформулировать следующие правовые позиции:

– правовым последствием признания акта Комиссии не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках ТС, является его юридическая ничтожность – недействительность с момента принятия либо с того времени, когда он стал противоречить международным договорам, заключенным в рамках ТС;

– решение Суда не требует подтверждения другими органами, действует не только в отношении сторон по делу, но и неограниченного

круга лиц (*erga omnes*), что влечет возможность пересмотра актов национальных судов в целях защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, предоставленных им международными договорами, заключенными в рамках ТС и ЕЭП.

Российские судебные органы аналогичным образом оценили правовые последствия данного решения Суда ЕврАзЭС. Так, решениями арбитражных судов – их много, в целях экономии времени не буду их перечислять – до 2015 г., реже после этого, факт признания решения № 335 не соответствующим международным договорам в рамках ТС и ЕЭП оценивался как свидетельствующий об утрате юридической силы указанным нормативным правовым актом с момента его принятия, что являлось основанием для возмещения хозяйствующему субъекту причиненного ущерба.

Таким образом, национальные суды РФ де-факто наделили названное решение наднационального суда свойствами судебного прецедента, что позволило субъекту хозяйствования в полной мере реализовать свое право на судебную защиту и претендовать на возмещение вреда, причиненного в связи с применением к нему не соответствующего праву ТС решения наднационального регулятора.

Можно долго обсуждать приведенные акты Суда ЕврАзЭС, критиковать его за излишний судебный активизм, выразившийся в том числе в указании национальным судам привести судебную практику в соответствие с его решением. Но при этом нельзя не согласиться, что сформулированная Судом правовая позиция об утрате юридической силы нормативно-правовым актом, признанным Судом не соответствующим актам высшей юридической силы, в полной мере соответствует общей теории права, защищает права и интересы хозяйствующих субъектов, являющихся слабой стороной в публичных правоотношениях.

Вступление 1 января 2015 г. в силу Договора о ЕАЭС внесло коррективы в сложившуюся практику. В соответствии со Статутом Суда ЕАЭС решение Суда, несмотря на его обязательный характер

для сторон спора и ЕЭК, не изменяет и не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых, при этом признанные Судом не соответствующими праву Союза акты ЕЭК продолжают действовать и после вступления решения Суда в силу, до их изменения самой Комиссией.

Не самая удачная, на мой взгляд, конструкция, при которой признанный ничтожным акт продолжает свое действие и не только не позволяет хозяйствующим субъектам восстановить свои нарушенные ранее права, но и порождает для них новые негативные последствия. Возможно, это стало ответом государств-членов как хозяев Договора на излишний судебный активизм еще не заслужившего на тот момент достаточного авторитета Суда ЕврАзЭС (дело ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс» было их первым делом), возможно, тому были другие причины, но суд не выбирает акты первичного права, он их применяет и следует им. В этой связи, учитывая приведенные нормы Статута, ни в одном из вынесенных в пользу хозяйствующих субъектов решений Суд ЕАЭС не указывал дату, с которой признанные не соответствующими праву Союза решения ЕЭК признаются ничтожными.

Как следствие, изменилась практика национальных судов, которые стали отказывать хозяйствующим субъектам в возмещении ущерба.

В настоящее время такая практика получила развитие на уровне Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

Так, в определении от 21 июля 2022 г. Конституционный Суд РФ указал, что «из норм Конституции РФ не вытекает, что в случае участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предполагающих создание межгосударственного судебного органа, ее национальным законодательством в обязательном порядке – безотносительно к содержанию соответствующего международного договора – должен предусматриваться пересмотр решений внутригосударственных судов на основе актов межгосударственного суда», а также что «акты суда Союза о признании по заявлению хозяйствующего

субъекта решений ЕЭК или отдельных их положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений».

Верховный Суд РФ в своих определениях (также не буду перечислять в целях экономии времени) придерживается схожего подхода, формулируя правовые позиции о том, что поскольку согласно Статуту Суда ЕАЭС решение Суда «не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права ЕАЭС, законодательства государств – членов ЕАЭС и не создает новых», а «в судебных актах Суда ЕАЭС отсутствуют указания на период времени, с которого решение ЕЭК прекращает свое действие», «в рамках существующего правового регулирования признание Судом ЕАЭС решений ЕЭК не соответствующими праву ЕАЭС не влечет их автоматическое изменение или утрату ими силы»; формирование практики применения правовой нормы Судом ЕАЭС не является основанием для пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам в соответствии с положениями ч. 3 ст. 311 АПК РФ; отсутствие данной нормы в национальном процессуальном законодательстве не может быть преодолено правоприменителем, включая арбитражный суд, посредством использования аналогии.

Представляется, что такой сугубо позитивистский подход имеет право на существование. Тем не менее следует учитывать, что и Суд ЕАЭС, и национальные суды в конечном счете не могут оставить без внимания нарушенные права и интересы частных лиц, лишиться их права на доступ к правосудию в широком смысле и на возмещение вреда в частности.

В этой связи вопрос правовых последствий актов Суда ЕАЭС, их действия в пространстве, времени и по кругу лиц имеет важное значение для обеспечения защиты прав и законных интересов частных лиц, нуждается в глубоком теоретическом осмыслении и телеологической оценке в контексте евразийской интеграции.

Одним из вариантов решения данной проблемы является внесение соответствующих изменений в Статут Суда и наделение его полномочиями по определению порядка и способа исполнения судебного решения Комиссией, а также исключение нормы о продолжении действия признанного Судом не соответствующим праву Союза решения ЕЭК. Однако в целях реализации принципа правовой определенности наиболее предпочтительным представляется использование в праве Союза подхода, соответствующего общей теории права, сформированного Судом ЕврАзЭС в приведенном деле по заявлению ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс». В частности, Статут Суда можно дополнить нормой о том, что признанное не соответствующим актам права Союза решение ЕЭК является ничтожным с момента его принятия либо с даты, установленной Судом, и не влечет правовых последствий для хозяйствующих субъектов. Одновременно с этой же целью государства-члены могут рассмотреть вопрос о дополнении оснований для возможности пересмотра решений по новым основаниям в их процессуальных кодексах нормой о решении Суда ЕАЭС.

Кроме того, полагаю, что данный вопрос может быть обсужден в рамках судебного диалога национальных судов и Суда ЕАЭС, в ходе которого, возможно, будут найдены варианты решения данной проблемы, не требующие внесения изменений в действующие правовые акты.

Отмечу, что и в рамках существующего правового регулирования обратная сила решений ЕЭК не исключается на основании п. 18 Положения о Комиссии, в соответствии с которым решения Комиссии, улучшающие положение физических и (или) юридических лиц, могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это. Таким образом, ЕЭК, исполняя решение Суда и исключая из права Союза признанную не соответствующей норму, может установить любую дату вступления такого улучшающего положения частных лиц решения в законную силу. Данным правом ЕЭК до настоящего времени не пользовалась. Но кто знает, возможно, с ростом доверия к Суду и укреплением его авторитета мы вскоре увидим и такие акты Комиссии.

Проблемы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза: *experientia docet*

О. В. Кадышева,

*и. о. заведующего кафедрой международного права
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к. ю. н.*

Принято считать, что вопросы исполнения решений международных судов являются частью более глобальной проблемы соблюдения (*compliance*) государствами норм международного права¹. Общими принципами, касающимися обязательств в международных отношениях, являются принцип *pacta sunt servanda* и связанный с ним принцип *bona fides*. Эти принципы являются частью основы и надлежащего функционирования международных отношений и сотрудничества между государствами. В рамках институциональных систем систематическое неисполнение решений, созданных в рамках данных систем, постоянно действующих органов правосудия может создать угрозу целостности, авторитету и жизнеспособности этих систем.

По большому счету в международном праве вынесение органом международного правосудия решения и его исполнение всегда зависят от согласия государств. Но что есть исполнение судебного акта – постсудебная стадия разрешения спора, связанная с деятельностью суда, или политические действия сторон, направленные на соблюдение обязательств по исполнению судебного акта? В некоторых случаях государства могут и не сделать выбор в пользу *pacta sunt servanda*, а органы международного правосудия не снабжены инструментами исполнения решений по образцу и подобию национальной правовой

¹ Исполинов, А. Исполнение решений международных судов: теория и практика / А. Исполинов // Междунар. правосудие. – 2017. – № 1 (21). – С. 45–67.

системы, именно поэтому они в большей степени связаны с государствами, от которых в конечном итоге зависит эффективность их решений.

Когда суд выносит решение по существу спора, одна или другая сторона или обе стороны по факту находятся в положении совершить какое-либо ретроактивное или перспективное действие или уклонение от совершения действий, которые будут представлять собой исполнение решения суда или неисполнение решения суда, поэтому исполнение решения – это не вопрос суда, это вопрос действия государств². И в каждом случае государства самостоятельно определяют механизмы исполнения решений органов международного правосудия и, соответственно, степень собственной вовлеченности в данный процесс, от которой применительно к конкретному случаю зависит и конечный результат.

Мировой опыт исполнения решений: Международный Суд ООН

Монополия на контроль над исполнением решений Международного Суда ООН (МС ООН) принадлежит Совету Безопасности ООН (СБ ООН). В соответствии со ст. 94 Устава ООН каждое государство – член Организации обязуется выполнить решение Международного Суда по тому делу, в котором оно является стороной. В случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенного на нее решением Суда, другая сторона вправе обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение³.

² Northern Cameroons, ICJ Reports 1963, p. 15, 37. Суд «...не может заниматься выбором между различными практическими шагами, которые государство может предпринять для исполнения решения».

³ Для сравнения в Уставе Лиги Наций было предусмотрено, что в случае невыполнения решения или постановления Совет предлагает меры, которые должны обеспечить их проведение.

Как мы видим, в документах ООН отсутствует указание на то, что положения ст. 94 Устава сами по себе могут служить основанием для действий Совета Безопасности или необходима какая-либо специализация этих действий в соответствии с главами VI или VII Устава. Кроме того, указание в п. 2 ст. 94 на то, что «Совет Безопасности может, если признает это необходимым», не порождает у Совета Безопасности прямой обязанности предпринять меры по исполнению решения Международного Суда.

Возможно, именно врожденная высокая политизированность обсуждения в Совете Безопасности вопроса исполнения решения МС ООН стала основной причиной того, что эта процедура, предусмотренная п. 2 ст. 94 Устава ООН, практически не используется государствами. Так, за все время существования МС ООН государства – участники спора всего лишь три раза обращались в СБ ООН с такими просьбами (Великобритания в 1951 г. в споре с Ираном, Никарагуа в 1986 г. в споре с США и Босния и Герцеговина в споре с Югославией в 1993 г.)⁴.

В одном из самых знаковых дел, рассмотренных Международным Судом ООН, выигравшее спор государство (Никарагуа) обратилось в Совет Безопасности ООН с просьбой принять меры в отношении США, которые отказались исполнять решение МС ООН по делу *Nicaragua v. USA*⁵. Подготовленный проект резолюции Совета Безопасности с призывом к полному и немедленному исполнению решения Суда был ветирован со стороны США, и больше Совет Безопасности к этому вопросу не возвращался⁶.

⁴ Tanzi, A. Problems of Enforcement of Decisions of the International Court of Justice and the Law of the United Nations [Electronic resource] / A. Tanzi // European Journal of International Law. – 1995. – Vol. 6, iss. 4. – p. 539–572. – Mode of access: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.ejil.a035935>. – Date of access: 15.11.2023.

⁵ ICJ. Case of Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 27 June 1986. I.C.J. – Reports 1986.

⁶ См.: UN Security Council. Resolution of 28 October 1986. UN Doc. S/18428 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/>

Кроме этого, процедура, предусмотренная ст. 94 Устава ООН, была также задействована в деле *Anglo-Iranian Oil Company*⁷, но только в отношении неисполнения вынесенного Международным Судом ООН определения об обеспечительных мерах. После длительных прений по проекту резолюции Совет Безопасности ООН принял решение отложить слушания до вынесения Международным Судом решения о собственной юрисдикции в данном споре⁸. В конечном итоге МС ООН не признал своей юрисдикции в этом деле⁹, поэтому вопрос о неисполнении определения МС ООН об обеспечительных мерах был автоматически снят с повестки дня СБ ООН.

Таким образом, исполнение решений Международного Суда ООН не является самостоятельной стадией отправления правосудия, решение вопроса об исполнении находится полностью в компетенции государств – участников спора либо отдается на откуп политическому органу организации, который достаточно неохотно данные функции реализует.

Мировой опыт исполнения решений: ОРС ВТО

В отличие от ООН, в рамках ВТО создан механизм, с помощью которого можно не только разрешать торговые споры, но и исполнять решения по таким спорам.

С формальной точки зрения решения Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации (ОРС ВТО) не являются

[cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_18428.pdf](#). – Date of access: 16.11.2023.

⁷ Великобритания обратилась к Совету Безопасности ООН с просьбой призвать Иран действовать в соответствии с принятыми временными мерами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/case/16>. – Дата доступа: 16.11.2023.

⁸ ARTICLE 94. Table of Contents. Para 24 [Electronic resource]. – Mode of access: https://legal.un.org/repertory/art94/english/rep_orig_vol5_art94.pdf. – Date of access: 16.11.2023.

⁹ *Anglo-Iranian Oil Co. case (jurisdiction), judgment of [v.ly 22nd, 1952: I. C.]*. Reports 1952, p. 93 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/16/016-19520722-JUD-01-00-EN.pdf>. – Date of access: 29.12.2023.

юридически обязательными и оформляются в форме докладов третейских групп и Апелляционного органа ОРС ВТО, содержащих рекомендации привести оспариваемую меру в соответствие с правилами ВТО. В дополнение к своим рекомендациям третейские группы или Апелляционный орган могут предложить заинтересованному государству-члену способы выполнения этих рекомендаций. Исполнение рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа (только добровольное на современном этапе) может быть основано исключительно на понимании и следовании принципу *racia sunt servanda*, а также на общих положениях, закрепленных в Марракешском соглашении об учреждении ВТО 1994 г. Применение принудительного исполнения рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа исключено. Возможны варианты добровольного поведения государств: исполнение рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа; договоренность о выплате компенсации в предусмотренном в Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров (ДРС) порядке (к применению положения о компенсации следует прибегать только в том случае, если немедленная отмена принятой меры неосуществима, и лишь на временной основе до отмены меры, несовместимой с охваченным соглашением). На практике компенсация может заменять исполнение, но при этом оспоренная мера продолжает действовать. И наконец, неисполнение и ответные ограничения (приостановление уступок) государства-истца, направленные в действии исключительно на государство-ответчика, к которым необходимо прибегать, если ОРС разрешает такие меры.

Думается, отсутствие в ДРС указания на обязательность следования одному из вышеназванных способов исполнения объясняется согласованной позицией государств быть не связанными обязательствами в данной области, в противном случае это было бы написано в ДРС. Целью механизма урегулирования споров является позитивное разрешение спора. Решение, взаимоприемлемое для сторон

спора и совместимое с охваченными соглашениями, несомненно, является предпочтительным. При отсутствии взаимоприемлемого решения первая цель механизма урегулирования споров, как правило, состоит в том, чтобы обеспечить отмену принятых мер, если устанавливается, что они несовместимы с положениями какого-либо из охваченных соглашений. К применению положения о компенсации следует прибегать только в том случае, если немедленная отмена принятой меры неосуществима, и лишь на временной основе до отмены меры, несовместимой с охваченным соглашением. Последняя возможность, которую настоящая Договоренность предоставляет члену, прибегающему к процедурам урегулирования споров, – это приостановление действия уступок или других обязательств по охваченным соглашениям на дискриминационной основе по отношению к другому члену при условии, если ОРС разрешает такие меры (ст. 3 (7)).

Стоит отметить, что на практике встречаются ситуации, когда рекомендации третейских групп и Апелляционного органа выполняются не в полном объеме либо, и что случается гораздо чаще, проведенные государством-ответчиком изменения могут показаться государству-заявителю явно недостаточными и, по сути, повторяющими смысл уже оспоренных мер. В этом случае статья 21 (5) ДРС предусматривает, что стороны обязаны передать спор об исполнении рекомендаций на рассмотрение ранее учрежденной третейской группы (*compliance panel*), которая и определит, являются ли принятые государством-ответчиком меры достаточными и насколько они соответствуют ранее данным рекомендациям, причем любая из сторон может обжаловать в апелляционном порядке сделанные в этом случае выводы группы.

По состоянию на 31 декабря 2022 г. группа по исполнению принятых ранее решений была создана в 51 споре (т. е. в 18 % споров, по которым был подготовлен первоначальный доклад группы). В 33 из этих споров (т. е. в 55 % случаев, когда была создана третейская группы

проверки исполнения) отчет группы был обжалован в апелляционном порядке¹⁰.

Как мы видим, порядок исполнения принятых при рассмотрении споров рекомендаций полностью вписывается в логику процессов в ВТО, направленных на будущие результаты деятельности, а не на возмещение ущерба, нанесенного государством-ответчиком принятием оспоренной на уровне ВТО меры. И наконец, процедура разрешения споров ВТО существенно отличается от других процедур именно тем, что стадия исполнения является частью этой процедуры, тогда как в других механизмах разрешения споров решение по существу спора ставит точку в конфликте между сторонами. Однако, в целом анализируя ситуацию исполнения решений в контексте механизма разрешения споров ВТО, стоит все-таки отметить, что современный кризис Апелляционного органа ОРС ВТО и суженая сфера применения (только торговые споры) имеют не столь существенные последствия для международного правосудия.

Исполнение решений Суда ЕАЭС

Целью деятельности Суда Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС, Суд Союза) является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза (п. 2 Статута Суда ЕАЭС). За почти 9 лет своего существования Судом рассмотрено 52 заявления о разрешении споров, 31 заявление о разъяснении и 23 жалобы (апелляции) и один спор между государствами (по иску России к Республике Беларусь). Одним из главных отличий Суда ЕАЭС от Суда Европейского союза (далее – Суд ЕС) является то, что Суд ЕАЭС осуществляет контроль над актами наднационального органа – Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) – не в рамках

¹⁰ Dispute settlement activity – some figures [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm. – Date of access: 16.11.2023.

процедуры аннулирования, где оспоренный акт признается недействительным *ab initio*, а в порядке признания несоответствия таких актов праву ЕАЭС.

Соответствующая процедура регулируется несколькими статьями Статута Суда ЕАЭС. В соответствии с п. 100 Статута Суда ЕАЭС по результатам рассмотрения споров, предусмотренных подп. 2 п. 39 Статута Суда, Суд выносит решение о соответствии или несоответствии акта Комиссии праву ЕАЭС, которое является обязательным для исполнения Евразийской экономической комиссией. В силу п. 111 Статута решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с правом Союза. При этом в Статуте особо отмечается, что действие оспоренного решения Комиссии продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда (ст. 111 Статута). Пунктом 103 Статута предусмотрено, что стороны спора без ущерба положениям пп. 111–113 Статута самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Таким образом, роль Суда в процессе исполнения решений сведена к достаточно ограниченному кругу действий. Во-первых, Суд вправе самостоятельно установить срок для исполнения своего решения (абз. 3 п. 111 Статута Суда). Во-вторых, Суд может приостановить действие оспоренного решения Комиссии при наличии соответствующего ходатайства хозяйствующего субъекта (п. 112 Статута Суда). Так, решением Коллегии Суда ЕАЭС от 8 декабря 2022 г. по делу С-6/22 было впервые (и пока единственный раз в практике Суда) приостановлено оспоренное ООО «Польские машины» решение ЕЭК. В-третьих, Суд может обратиться в Высший Евразийский экономический совет (далее – Высший совет) для принятия мер по исполнению решения Суда при наличии соответствующего ходатайства

хозяйствующего субъекта (п. 115 Статута Суда) и, наконец, проинформировать Высший Евразийский экономический совет об исполнении принятого Судом решения в ежегодном отчете о деятельности Суда (п. 120 Статута Суда).

Интересно отметить, что в соответствии с п. 114 Статута Суда ЕАЭС в случае неисполнения решения Суда государством – членом Союза выигравшее спор государство вправе напрямую обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением, в то время как выигравший спор с ЕЭК хозяйствующий субъект, как было указано выше, может только обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. В свою очередь Суд на основании этого ходатайства обращается в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу (п. 115 Статута).

Анализ контекста принятия соответствующих положений Статута показывает, что при его разработке государства вполне сознательно выбрали формат, при котором оспоренные решения Комиссии не отменяются и автоматически не приостанавливаются, а продолжают действовать и применяться до внесения соответствующих изменений со стороны ЕЭК. Осмысленность выбора, сделанного государствами, видна при сравнении этих положений Статута с нормами, которые регулировали правовые последствия решений Суда ЕврАзЭС (своего рода предшественника Суда ЕАЭС). В соответствии с п. 2 ст. 11 Договора об обращении в суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним (Москва, 9 декабря 2010 г.) действие акта Комиссии Таможенного союза или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза, должно приостанавливаться с даты вступления в силу решения Суда, и уже после этого оспоренный акт или его отдельные положения приводятся Комиссией Таможенного союза в соответствие с международными

договорами, заключенными в рамках Таможенного союза. Кроме того, в силу п. 1 ст. 25 Статута Суда ЕврАзЭС Суд мог не только принимать решения, но и предписывать в них меры по их исполнению, за исключением предусмотренных Статутом случаев.

На выбор государствами формулировок в отношении правовых последствий оспаривания в Суде ЕАЭС решений ЕЭК, на наш взгляд, во многом повлияла жесткая позиция Суда ЕврАзЭС, сформулированная им в решении по делу ООО «Южный Кузбасс». В постановлении Большой коллегии Суда ЕврАзЭС от 8 апреля 2013 г. Большая коллегия Суда пришла к выводу, что решение Суда о признании не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза, оспариваемого правового акта (отдельных его положений) влечет за собой его ничтожность (недействительность) с даты его принятия, в отношении неопределенного круга лиц на всей территории Таможенного союза – с даты принятия этого акта, если иное не установлено Судом. Иными словами, правовые последствия решения Суда ЕврАзЭС в части оспоренного решения Комиссии были аналогичны последствиям отмены этого акта как при процедуре аннулирования, не предусмотренной учредительными документами Суда.

Именно поэтому нормы Статута Суда ЕАЭС о правовых последствиях решений Суда ЕАЭС по оспариванию актов ЕЭК не только не дают оснований считать процедуру оспаривания актов ЕЭК процедурой аннулирования (наподобие существующей в Суде ЕС процедуре), но и ясно говорят о намерении государств видеть в ней именно проверку акта ЕЭК на соответствие праву Союза, но не более того.

Что же касается практики применения положений Статута Суда ЕАЭС в части обращения в Высший Евразийский экономический совет (далее – Высший совет) при неисполнении решения Суда, то пока она остается во многом «спящей» нормой. Государства – члены ЕАЭС ни разу не воспользовались этим правом в силу полного отсутствия неисполненных решений Суда ЕАЭС по заявлениям самих государств. В том же, что касается обращений от хозяйствующих

субъектов по поводу ненадлежащего исполнения ЕЭК решений Суда ЕАЭС, Суд ни разу не воспользовался своим правом передать вопрос на рассмотрение Высшего совета, несмотря на полученные обращения такого рода.

Подход Суда, изложенный в постановлении Коллегии от 12 июня 2019 г. о разрешении ходатайства ООО «Ойл Марин Групп», сводился к тому, что заявитель не привел доказательств того, что Комиссия не учитывает правовую позицию, изложенную в решении Суда, об обеспечении исполнения которого он ходатайствовал. В постановлении Коллегии Суда ЕАЭС от 2 июня 2020 г. по заявлению ООО «Шиптрейд», которое дважды обращалось с ходатайствами об исполнении, Коллегия Суда, отказывая в удовлетворении ходатайства об исполнении решения Суда, пришла к выводу, что истец не привел достаточных аргументов и фактов, свидетельствующих о невыполнении Комиссией решения Суда от 18 июня 2019 г.

В этой связи интерес представляет особое мнение судьи К. Л. Чайки к постановлению Коллегии Суда от 02.06.2020 об отказе в удовлетворении ходатайства ООО «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению решения Суда от 18.06.2019 (дело № СЕ-1-2/1-19). В этом особом мнении было указано, что Комиссия при исполнении решения должна «воздержаться от введения мер, идентичных тем, которые Суд посчитал противоречащими праву интеграционного объединения», а «решение Суда о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза возлагает на Комиссию обязанность устранить выявленное противоречие и обеспечить соблюдение права Союза» и «факт неисполнения Комиссией решения Суда является безусловным основанием для обращения Суда в Высший Евразийский экономический совет». Именно поэтому, по мнению судьи К. Л. Чайки, «отказав в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению решения Суда, ограничила право общества на доступ к Суду

и тем самым не обеспечила соблюдение его прав и свобод на уровне не ниже, чем он гарантирован государствами-членами».

Судя по всему, Суд ЕАЭС считает обращение в Высший совет крайней мерой, к которой можно прибегать лишь в исключительных обстоятельствах, и толкует слова Статута о том, что Суд на основании ходатайства хозяйствующего субъекта «обращается в Высший Евразийский экономический совет», не как свою обязанность обратиться, а как свое право это сделать, если сам Суд сочтет это необходимым.

В постановлении от 4 октября 2021 г. об отказе в удовлетворении ходатайств акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Суда была сформулирована очень важная правовая позиция, положенная в основу последующих судебных актов, о том, что «приведение Комиссией признанного Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза решения ЕЭК или его отдельных положений в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза означает обязанность Комиссии исключить из правовой системы Союза решение или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза. При этом, исходя из п. 100 Статута Суда об обязательности для ЕЭК исполнения Суда, не допускается замена Комиссией признанного Судом полностью или в части не соответствующим Договору и иным договорам в рамках Союза решения на новое решение аналогичного содержания. Принятие Комиссией актов или совершение действий (бездействия), направленных на сохранение в праве Союза положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, недопустимо». В решении от 18 октября 2021 г. по делу *С-3/21 Дельрус II* также было подтверждено, что признание Судом решения Комиссии не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза «не допускает замену этого решения на новое решение аналогичного содержания». Наконец, в деле *С-6/22 Польские машины*

Апелляционная палата Суда ЕАЭС в решении от 14 марта 2023 г. пришла к выводу о том, что исполнение решения Суда Комиссией, обладающей дискрецией в вопросе выбора формы и способа такого исполнения, должно осуществляться «без ущерба» для правовой позиции Суда, что не допускает замену оспоренного решения на новое решение аналогичного содержания и сохранение в праве Союза нормы, признанной Судом не соответствующей ему. В этой связи Апелляционная палата установила, что принятие Комиссией нового решения аналогичного содержания означает неисполнение решения Суда.

Показательная дискуссия разгорелась по поводу ретроактивного действия решения Суда ЕАЭС о признании актов ЕЭС не соответствующими праву Союза. Так, можно отметить предложение судьи Д. Г. Колоса, выраженное в особом мнении, где им ставится не только вопрос об обоснованности ходатайства заявителя об исполнении, но и делается вывод о недостаточной эффективности существующих и регулирующих данные отношения норм права Союза и их применения, а также необходимости их совершенствования. В этой связи в качестве *de lege ferenda* Д. Г. Колос предлагает рассмотреть возможность закрепления в праве Союза автоматической утраты силы решения Комиссии, признанного Судом не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, по истечении установленного срока на его исполнение решения Суда.

Совершенно иное мнение было высказано судьей А. А. Федорцовым в особом мнении в делах *С-6/22 Польские машины* и *С-1/23 ТранспортейшинРус/Шинтрейд*, где он указывает, что «у Комиссии имеется дискреция относительно порядка исполнения решения Суда, а у хозяйствующего субъекта – право ходатайствовать о принятии мер по исполнению решения Суда» и «такие утверждения... прямо противоречат пунктам 102, 103 и 111 Статута Суда, поскольку в соответствии с частью первой пункта 111 Статута Суда действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам

в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда». Иными словами, он предлагает ориентироваться на волю государств, выраженную в соответствующих положениях Статута Суда, согласно которой процедура проверки актов ЕЭК на их соответствие праву Союза не означает процедуру их аннулирования. Эту позицию можно понять, если исходить из того, что если оспоренный акт не подлежит применению в момент вступления решения Суда в силу, то зачем тогда в договоре предусмотрено право Суда приостанавливать оспоренные решения ЕЭК?

Не вышел ли Суд за рамки своей компетенции? И главное, как это соотносится с позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой «акты Суда о признании по заявлению хозяйствующего субъекта решений Комиссии или отдельных их положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений» (определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 191-О).

Заключение

Государства, проектируя международные суды, заботятся об исполнении их решений и стремятся спроектировать их таким образом, чтобы решения были исполнимы. Лица (включая государства) выбирают органы международного правосудия, также полагая, что их решения будут исполнены. Однако процесс исполнения решения органов международного правосудия – это результат взаимодействия государств и этих органов.

В рамках как национальных, так и международных правовых систем исполнение судебных решений само по себе является проблемой правоприменения. Как мы видим, исполнение решений не всегда является простым и вероятным результатом. Ожидаемый эффект

от исполнения является результатом неопределенного и порой длительного процесса, обусловленного политической и социальной динамикой. В международном правосудии в отсутствие системного механизма принуждения исполнение решений еще более проблематично.

Несмотря на то, что в Уставе ООН зафиксирован механизм исполнения решений Международного Суда ООН, позволяющий прибегнуть к полномочиям Совета Безопасности ООН, способы и процедуры реализации данных полномочий отсутствуют. Кроме того, отсутствие обязательной юрисдикции Международного Суда и механизма принуждения существенным образом снижают эффективность принимаемых им решений. В рамках ВТО система исполнения решений успешно функционирует, что лишней раз подтверждает уникальность данного механизма. Исполнение рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа ОРС ВТО, а равно предоставление средств правовой защиты в случае их несоблюдения воспринимается как естественное продолжение функций механизма разрешения споров. Однако кризис Апелляционного органа ОРС ВТО и суженая сфера применения (только торговые споры) имеют не столь существенные последствия для международного правосудия. Достаточно небольшой опыт Суда Евразийского экономического союза свидетельствует о том, что Статут Суда устанавливает право ЕЭК самостоятельно избирать форму и способ исполнения решения Суда ЕАЭС, при этом степень дискреции ЕЭК при исполнении решений остается достаточно широкой, что лишней раз подтверждает, что государства при создании Суда ЕАЭС не планировали включить стадию исполнения в общий процесс по рассмотрению спора в Суде ЕАЭС, поэтому роль Суда в данном контексте оценивается государствами как минимальная.

Евразийская судебная юрисдикция в сфере интеллектуальной собственности: постановка проблемы

Ю. А. Федорова,

*начальник юридического отдела Организационно-правового
управления Евразийского патентного ведомства Евразийской
патентной организации*

Евразийская патентная организация – пример успешного регионального образования, субъект международного публичного права, созданный государствами евразийского региона на основании положений Евразийской патентной конвенции, подписанной в г. Москве 9 сентября 1994 г.¹ (далее – Конвенция). Помимо государств – членов Евразийского экономического союза (Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации), участниками Евразийской патентной системы, администрируемой Евразийской патентной организацией, являются Азербайджанская Республика, Республика Таджикистан и Туркменистан.

Основной задачей Евразийской патентной организации является рассмотрение заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения и промышленные образцы и выдача евразийских патентов, которые действуют на территории, соответственно, восьми государств в отношении изобретений и семи государств в отношении промышленных образцов.

Последнее обусловлено тем, что если основы межгосударственной системы правовой охраны изобретений заложены Конвенцией,

¹ Евразийская патентная конвенция, подписанная 9 сентября 1994 г. в г. Москве [Электронный ресурс] // Евразийская патентная организация. – Режим доступа: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/03/eaconvention.pdf>. – Дата доступа: 30.01.2024.

участниками которой являются восемь государств евразийского региона, то участниками Протокола об охране промышленных образцов к Конвенции, принятого в г. Нур-Султане 9 сентября 2019 г.² (далее – Протокол) и заложившего основы межгосударственной системы правовой охраны промышленных образцов, являются в настоящее время только семь государств – членов Евразийской патентной организации (исключение составляет Туркменистан).

Кроме того, следует также отметить, что евразийские патенты на изобретения, выданные по евразийским заявкам, поданным до 26 апреля 2012 г. (до даты вступления в силу денонсации Конвенции Республикой Молдова), действуют и на территории Республики Молдова (ст. 1 (1) Соглашения между Евразийской патентной организацией и Правительством Республики Молдова о правовой охране изобретений на территории Республики Молдова после денонсации Республикой Молдова Евразийской патентной конвенции)³. При этом пользователями Евразийской патентной системы являются заявители и, как следствие, патентовладельцы из более чем 130 государств мира.

Таким образом, на основании Конвенции и Протокола создана и функционирует удобная система регионального патентования изобретений и промышленных образцов, в основе которой – подача заявки на получение евразийского патента на изобретение или, соответственно, на промышленный образец и ее рассмотрение единым региональным ведомством – Евразийским патентным ведомством Евразийской патентной организации (далее – Евразийское патентное ведомство). Эффектом данной системы регионального патентования

² Протокол об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции [Электронный ресурс] : [принят в г. Нур-Султане 09.09.2019 г.] // Евразийская патентная организация. – Режим доступа: https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/03/proc_industr_design_protect_1994.pdf. – Дата доступа: 30.01.2024.

³ Соглашения между Евразийской патентной организацией и Правительством Республики Молдова о правовой охране изобретений на территории Республики Молдова после денонсации Республикой Молдова Евразийской патентной конвенции [Электронный ресурс] // Евразийская патентная организация. – Режим доступа: https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/04/2012sg_md.pdf. – Дата доступа: 30.01.2024.

является обеспечение государствами – членами Евразийской патентной организации защиты прав на изобретения и промышленные образцы, охраняемые евразийскими патентами, в том же объеме и теми же средствами, как и в отношении изобретений и промышленных образцов, охраняемых патентами, выдаваемыми национальными патентными ведомствами на основании положений национального законодательства соответствующих государств. Ведь, как упоминалось ранее, евразийские патенты с даты их опубликования действуют на территории всех государств – участников Конвенции в отношении изобретений и государств – участников Протокола – в отношении промышленных образцов.

Следует отметить, что евразийское патентное право отличается наличием в международных (межправительственных) договорах, составляющих его основу (Конвенции и Протоколе), многочисленных отсылок к национальному праву, регулирующему отдельные аспекты общественных отношений, возникающих в связи с предоставлением региональной правовой охраны изобретениям и промышленным образцам. В большей степени это касается вопросов процессуального права, которое применяется при рассмотрении возникающих в их отношении споров, а также материального права, которое устанавливает способы защиты нарушенных или оспоренных прав, удостоверенных евразийскими патентами. Вместе с тем и ряд иных вопросов, возникающих в связи с предоставлением региональной правовой охраны ее объектам, и прежде всего промышленным образцам, регламентируется нормами национального материального права государств – членов Евразийской патентной организации.

В подтверждение можно привести следующие примеры. Так, в соответствии со ст. 13 (1) Конвенции любой спор, касающийся действительности евразийского патента в конкретном государстве – участнике Конвенции или нарушения евразийского патента в конкретном государстве – участнике Конвенции, разрешается национальными судами или другими компетентными органами этого государства

на основании Конвенции и Патентной инструкции к Конвенции. Решение имеет силу лишь на территории государства – участника Конвенции. Правило 17 Патентной инструкции к Конвенции при этом содержит перечень действий, признаваемых нарушениями исключительного права на изобретение, охраняемое евразийским патентом, а правило 18 Патентной инструкции к Конвенции называет отдельные меры защиты нарушенного исключительного права на такое изобретение, в то же время отсылая к национальному законодательству государств – участников Конвенции в отношении иных возможных способов его защиты⁴.

Согласно ст. 11 (1) Протокола евразийский патент на промышленный образец может быть признан Евразийским патентным ведомством недействительным в порядке административного аннулирования по основаниям и в порядке, предусмотренным Протоколом и Патентной инструкцией к Конвенции, либо судебными или иными компетентными органами государств – участников Протокола по основаниям, предусмотренным Протоколом и Патентной инструкцией к Конвенции, в порядке, предусмотренном законодательством соответствующего государства – участника Протокола. В силу ст. 12 (1) Протокола споры, связанные с защитой прав, предоставляемых в соответствии с Протоколом и Патентной инструкцией к Конвенции, разрешаются на основании материальных и процессуальных норм права государства – участника Протокола, на территории которого испрашивается защита этих прав. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 9 (2) Протокола действия, совершаемые в отношении промышленного образца и признаваемые его использованием, определяются в соответствии с законодательством государства – участника Протокола, где такое использование осуществляется. Аналогично согласно правилу 89 (1)

⁴ Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции [Электронный ресурс] : утв. Административным советом Евразийской патентной организации 1 дек. 1995 г. // Евразийская патентная организация. – Режим доступа: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/12/instr202312-p1.pdf>. – Дата доступа: 30.01.2024.

Патентной инструкции к Конвенции действия, признаваемые нарушением прав, удостоверяемых евразийским патентом на промышленный образец, устанавливаются на основании национального законодательства государства – участника Протокола, где испрашивается защита соответствующих нарушенных или оспоренных прав⁵.

Таким образом, по общему правилу споры, возникающие в отношении изобретений и промышленных образцов, охраняемых евразийскими патентами (споры о защите нарушенных прав, а также споры о признании выданных евразийских патентов недействительными), разрешаются на территории государств – участников Конвенции и Протокола по установленной в них национальной процедуре. Это влечет организационные сложности и существенные затраты как для патентовладельцев, испрашивающих защиту своих нарушенных или оспоренных прав, так и для лиц, оспаривающих требования патентовладельцев или предоставление прав на изобретения или промышленные образцы как таковое.

Кроме того, рассмотрение споров в отношении одних и тех же евразийских патентов судебными и иными компетентными органами различных государств – членов Евразийской патентной организации не позволяет обеспечить формирование на территории государств – участников Конвенции и Протокола единообразной практики применения норм регионального материального права как в отношении споров о нарушении прав, удостоверенных евразийскими патентами (где ситуация усугубляется возможностью применения в ряде случаев в отношении одних и тех же евразийских патентов норм национального материального права, которые могут отличаться в разных государствах – участниках Евразийской патентной системы), так и в отношении споров о признании последних недействительными.

⁵ Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции [Электронный ресурс] : утв. Административным советом Евразийской патентной организации 12 апр. 2021 г. // Евразийская патентная организация. – Режим доступа: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/03/instr202211-p2.pdf>. – Дата доступа: 30.01.2024.

При этом возможность прибегнуть для оспаривания евразийских патентов к централизованной процедуре их административного аннулирования Евразийским патентным ведомством, предусмотренной ст. 19 (хiii) Конвенции и 11 (1) Протокола, ограничена 3 годами с даты опубликования сведений о выдаче соответствующего евразийского патента (правила 53 (1) и 116 (2) Патентной инструкции к Конвенции). При этом решения, принятые Евразийским патентным ведомством в результате процедуры административного аннулирования евразийских патентов, могут быть обжалованы исключительно Президенту Евразийского патентного ведомства; обжалование указанных решений в судебном порядке не предусмотрено (правила 53 (8) и 116 (7) Патентной инструкции к Конвенции). Аналогично не предусмотрено судебное обжалование и решений Евразийского патентного ведомства об отказе в выдаче евразийских патентов (правила 48 (5) и 112 (6) Патентной инструкции к Конвенции).

Вместе с тем в условиях проводимой Евразийским патентным ведомством совместно с государствами – членами Евразийской патентной организации работы по расширению состава объектов региональной правовой охраны и применения более гибких подходов к определению реализуемых в их отношении проверок (так, например, если изобретения в рамках Евразийской патентной системы патентуются по проверочной процедуре, то проверка промышленных образцов на соответствие условиям патентоспособности (новизна и оригинальность) проводится уже Евразийским патентным ведомством, как правило, не *ex-officio*, а на основании возражений, поступающих от заинтересованных лиц) возрастает риск увеличения количества споров, связанных не только с защитой прав на объекты права промышленной собственности, охраняемые евразийскими патентами, но и с признанием последних недействительными.

Таким образом, актуальным становится вопрос создания евразийского судебного органа, компетентного в централизованном рассмотрении споров в указанной области, а также жалоб на решения

Евразийского патентного ведомства, что будет обеспечивать гарантированное основными законами государств – членов Евразийской патентной организации конституционное право на судебную защиту.

В завершение хотелось бы отметить, что Евразийская патентная организация признает актуальность поставленного вопроса. Поэтому одним из направлений ее развития в соответствии с Программой развития Евразийской патентной организации на 2023–2028 гг., утвержденной Административным советом Евразийской патентной организации 18 мая 2023 г.⁶, является развитие евразийской системы разрешения споров.

В Программе развития Евразийской патентной организации на 2023–2028 гг., в частности, отмечено, что «предложение по введению единых для евразийского региона механизмов разрешения споров в сфере интеллектуальной собственности позволит правообладателям централизованно защищать свои интеллектуальные права на территориях государств – участников Конвенции. Несмотря на принципиальную независимость национальных правовых систем, выработка международным судом последовательных и единых подходов к применению норм права будет способствовать гармонизации законодательства и правоприменительной практики разных стран евразийского региона. От решения вопросов, связанных с рассмотрением споров, в значительной степени будет зависеть развитие сферы интеллектуальной собственности в евразийском регионе».

⁶ Программа развития Евразийской патентной организации на 2023–2028 годы [Электронный ресурс] : утв. Административным советом Евразийской патентной организации 18 мая 2023 г. // Евразийская патентная организация. – Режим доступа: https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/06/pr_2023_2028.pdf. – Дата доступа: 30.01.2024.

Суд ЕАЭС и суды государств-членов

Конституционная жалоба в Республике Беларусь как средство защиты прав граждан

Н. А. Карпович,

*заместитель Председателя Конституционного Суда
Республики Беларусь, д. ю. н., профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь*

Признание и защита прав и свобод человека выступают важнейшими конституционными ценностями, общими для всех государств – членов ЕАЭС. Право на судебную защиту в порядке и сроки, определенные законом, гарантируется каждому в соответствии с ч. 1 ст. 60 Конституции Республики Беларусь. Укрепление гарантий данного права в Беларуси осуществлено посредством расширения доступа граждан к конституционному правосудию.

Согласно решению республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в ч. 5 ст. 1161 Конституции закреплено, что Конституционный Суд Республики Беларусь в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных

в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Конституционная жалоба введена в правовую систему Беларуси впервые. Она обуславливает становление принципиально новых для нашей правовой системы правовых институтов и механизмов. Так, порядок рассмотрения и разрешения Конституционным Судом соответствующих дел установлен Законом Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве», вступившим в силу 1 октября 2023 г. Этим Законом в четкую процессуальную форму облечено прямое обращение граждан в Конституционный Суд, предусмотрены требования и процедуры, выступающие гарантиями вынесения по жалобам граждан справедливых и обоснованных решений.

Определены также критерии допустимости конституционной жалобы. К ним отнесены наличие признаков нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием; подача жалобы в срок не позднее одного года со дня принятия судебного постановления (решения), которым исчерпываются все другие средства судебной защиты по соответствующей категории дел; исчерпание всех других средств судебной защиты конституционных прав и свобод гражданина при разрешении конкретного дела.

Важен вопрос об использовании потенциала института конституционной жалобы для защиты прав и свобод граждан в условиях функционирования на территории Республики Беларусь права Евразийского экономического союза. В связи с этим позвольте обратить внимание на основополагающие подходы оценки конституционности законодательного регулирования прав и свобод граждан, изложенные в актах Конституционного Суда с учетом развития процессов интеграции.

Прежде всего следует отметить, что Конституционным Судом неоднократно отмечалась *правомерность закрепления в законах норм, имеющих целью выполнение Республикой Беларусь международных*

обязательств, опосредование национальным правом интеграционных процессов. В ряде решений Конституционного Суда указано, что международные договоры Республики Беларусь входят в систему действующего на территории Республики Беларусь правового регулирования; их нормы являются составной частью действующего права; положениям международных договоров должны отвечать акты законодательства Республики Беларусь, регулирующие отношения, подпадающие под действие норм этих договоров (решения от 28 апреля 2021 г. № Р-1260/2021, 30 апреля 2021 г. № Р-1268/2021, 6 июля 2021 г. № Р-1276/2021 и др.).

На основе такого подхода Конституционным Судом формулируются правовые позиции по вопросам взаимодействия норм права ЕАЭС и национального права в конкретных областях отношений, затрагивающих права и свободы граждан. При проверке конституционности изменений Закона «О защите прав потребителей», отвечающих нормам права ЕАЭС в соответствующей области, Конституционный Суд изложил вывод о том, что обязательность соблюдения положений как актов национального законодательства, так и актов наднациональных органов основывается на нормах ст. 8 и ст. 21 Конституции; Республика Беларусь как участник евразийской интеграции, исходя из положений Договора о ЕАЭС, включая Протокол о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей, обязана обеспечивать выполнение соответствующих международных обязательств (решение от 8 июня 2018 г. № Р-1125/2018).

На основе закрепленной в ч. 1 ст. 59 Конституции обязанности государства принимать все доступные ему меры для создания в том числе международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией, Конституционный Суд признал *обоснованность правового регулирования общественных отношений наряду с актами национального законодательства также актами международного*

и наднационального права. При этом в решении Конституционного Суда от 11 марта 2021 г. № Р-1256/202 в числе целей осуществления такого разноуровневого регулирования указано на *создание правовых механизмов эффективного регулирования экономической и иной деятельности в интересах человека и общества.*

Закрепление на основе норм права ЕАЭС соответствующих правовых механизмов в Законе Республики Беларусь «Об оценке соответствия техническим требованиям и аккредитации органов по оценке соответствия» отмечено Конституционным Судом в решении от 13 октября 2016 г. № Р-1069/2016. Приняв во внимание положения Договора о ЕАЭС, согласно которым технические регламенты принимаются в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей; продукция, выпускаемая в обращение на территории Союза, должна быть безопасной, Конституционный Суд пришел к выводу, что закрепление в Законе норм, направленных на обеспечение применения и исполнения права ЕАЭС в области оценки соответствия и аккредитации, усиливает механизмы, гарантирующие право собственности, права граждан на здоровье, благоприятную окружающую среду, предусмотренные ст. 44–46 Конституции, и иные конституционные права граждан.

Важно, что Конституционным Судом изложен ряд соответствующих *критериев конституционности закрепляемых в законах положений, направленных на выполнение международных обязательств Республики Беларусь.*

В решении от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023 Конституционным Судом указано, что в условиях трансформации правовой системы, когда предусматривается регулирование общественных отношений наряду с актами национального законодательства также актами международного и наднационального права, *критерием легитимности такого регулирования, исходя из верховенства Конституции,*

является гарантирование обеспечения и защиты конституционных прав и свобод граждан, сохранения конституционной идентичности.

С учетом данного критерия при проверке конституционности норм законов, базирующихся на нормах права ЕАЭС, Конституционный Суд выявляет и оценивает их роль как гарантии реализации конституционных прав и свобод граждан. В частности, проанализировав нормы Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах», согласующиеся с нормами Договора о ЕАЭС, а также иных международно-правовых актов, составляющих право ЕАЭС, Конституционный Суд пришел к выводу, что закрепляемые Законом требования к производству лекарственных средств на основании лицензии в соответствии с Правилами надлежащей производственной практики ЕАЭС и положениями Соглашения о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС от 23 декабря 2014 г. являются одной из систем контроля качества фармацевтической продукции, а следовательно, гарантией обеспечения конституционных прав граждан на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, и на доступное медицинское обслуживание, надлежащая реализация которых выступает важнейшей составляющей социального государства (решение от 5 мая 2020 г. № Р-1214/2020).

На следующий критерий конституционности законодательного регулирования, основанного на актах права ЕАЭС, Конституционным Судом указано в решении от 11 марта 2020 г. № Р-1211/2020. Отмечено, что *в целях охраны основ конституционного строя необходимо, чтобы в наднациональном законодательстве уровень защиты прав и свобод граждан был не ниже, чем предусмотрено Конституцией Республики Беларусь.*

Исходя из ч. 2 ст. 8 Конституции, Конституционный Суд обратил также внимание, что участие Республики Беларусь в межгосударственных образованиях обуславливает необходимость обеспечивать сохранение правового суверенитета и конституционной

идентичности; при этом *акты международного и наднационального права не могут умалять конституционные права и свободы граждан* (решение от 14 марта 2019 г. № Р-1166/2019).

Конституционный Суд учитывает соблюдение данного требования в конкретных областях правоотношений. Так, проверяя соответствие Конституции Закона Республики Беларусь «Об оценке соответствия техническим требованиям и аккредитации органов по оценке соответствия», в частности, нормы, закрепляющей, что в Республике Беларусь отношения в данной области регулируются техническими регламентами ЕАЭС и иным правом ЕАЭС, а в случаях, предусмотренных указанным правом, либо в части, не урегулированной им и не противоречащей ему, – также этим Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь, Конституционный Суд отметил следующее. Технические регламенты ЕАЭС, решения постоянно действующего регулирующего органа ЕАЭС – Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках ее полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза, признаются в Республике Беларусь актами, регулирующими отношения в области оценки соответствия техническим требованиям технических регламентов ЕАЭС, как государстве – участнике ЕАЭС. Вместе с тем, исходя из верховенства Конституции, а также учитывая указание преамбулы Договора о ЕАЭС на необходимость безусловного соблюдения всеми его сторонами принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, устанавливаемый Законом приоритет права ЕАЭС в соответствующих отношениях не должен приводить к нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией (решение от 13 октября 2016 г. № Р-1069/2016).

Вместе с тем требование недопустимости умаления права и свобод граждан не исключает применение мер юридической ответственности за нарушение обязательных к применению на территории Республики Беларусь норм права ЕАЭС, как это предусмотрено

законами Республики Беларусь. Так, Конституционный Суд признал *обоснованным установление законом уголовной и административной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических, гигиенических требований и процедур, установленных техническими регламентами Таможенного союза, Евразийского экономического союза*. Конституционным Судом отмечено, что такое правовое регулирование обусловлено необходимостью дальнейшего развития евразийской экономической интеграции и проведения скоординированной политики в рамках ЕАЭС; оно призвано способствовать решению общих задач, стоящих перед государствами – членами межгосударственных образований, по устойчивому экономическому развитию, модернизации и усилению конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики в интересах граждан этих государств (решение от 8 июля 2016 г. № Р-1058/2016).

При осуществлении контроля конституционности законов Конституционный Суд исходит из *необходимости определения в них ясных и прозрачных правовых механизмов, обеспечивающих согласованное действие актов национального, интеграционного и международного права в областях, непосредственно затрагивающих права и свободы граждан*.

Так, Конституционным Судом отмечено, что на реализацию в правоотношениях обеспечения качества и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов положений нормативных правовых актов Республики Беларусь, а также международного права и права ЕАЭС направлено закрепление в Законе «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» ряда отсылок к иным актам законодательства Республики Беларусь, а также к международным договорам и международно-правовым актам, составляющим право ЕАЭС. Конституционный Суд подчеркнул, что, исходя из ч. 1 ст. 21 Конституции о гарантировании государством прав и свобод граждан Беларуси, закрепленных в Конституции, законах и предусмотренных международными

обязательствами государства, в процессе применения имеющих бланкетный характер норм закона в их неразрывной взаимосвязи с регулятивными нормами актов законодательства Республики Беларусь, международного и интеграционного права, непосредственно закрепляющими те или иные правила деятельности в данной области, должна обеспечиваться реализация прав и свобод граждан Республики Беларусь, в том числе их право на достойный уровень жизни, на жизнь и охрану здоровья, гарантируемых государством в силу конституционных положений (решение от 10 июля 2018 г. № Р-1137/2018).

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда выражают в совокупности сформулированные им принципиальные подходы к контролю конституционности законов Республики Беларусь, положения которых основаны на актах права ЕАЭС.

В связи с проблематикой, обсуждаемой на Международной конференции, следует обратить внимание на норму Закона «О конституционном судопроизводстве», устанавливающую, что при проверке соответствия Конституции нормативных правовых актов в порядке последующего контроля Конституционный Суд имеет в виду как буквальное значение правовых норм, так и смысл, придаваемый им практикой применения. Данное законоположение предполагает оценку конституционности норм закона с учетом смысла, придаваемого им в том числе судебной практикой, включая истолкование данных норм, выраженное в акте суда общей юрисдикции Республики Беларусь по делу.

В процессе осуществления контроля конституционности норм законов, основанных на положениях права ЕАЭС, для уяснения смысла, придаваемого им практикой применения, Конституционным Судом одновременно могут учитываться акты Суда ЕАЭС, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках ЕАЭС, решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к компетенции Суда ЕАЭС главой IV Статута Суда, включая

правовые позиции, содержащиеся в его консультативных заключениях. Так, правовая позиция Суда ЕАЭС воспринята Конституционным Судом при оценке конституционности Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (решение от 28 декабря 2017 г. № Р-1117/2017). Вместе с тем в *решении Конституционного Суда, содержащем вывод о конституционности закона, может быть указано на необходимость совершенствования законодательного регулирования для обеспечения согласованности судебной и иной правоприменительной практики с положениями Конституции Республики Беларусь.*

Конституцией (ч. 2 ст. 112, ч. 5 ст. 1161) предусмотрен также институт запроса в Конституционный Суд судов общей юрисдикции. Его целями выступают надлежащее толкование конституционных прав и свобод человека в судебной практике и последовательная имплементация в нормотворчестве и правоприменении основополагающих подходов к их обеспечению. *Предметом конституционного контроля по запросам судов могут выступать нормативные правовые акты Республики Беларусь любого уровня, затрагивающие права и свободы граждан, в том числе принятые на основании актов, составляющих право ЕАЭС.* Конституционный Суд призван выполнять указанные полномочия, действуя как орган судебной ветви власти на основе Конституции, учитывая при этом действующие международные обязательства Республики Беларусь.

Использование в полной мере данных механизмов как самостоятельных средств защиты конституционных прав и свобод граждан позволит изначально, с самых первых этапов, решить конкретный правовой вопрос, имеющий конституционно-правовое содержание, который впоследствии может стать предметом обращения гражданином в Конституционный Суд с конституционной жалобой.

Таким образом, конституционная жалоба выступает важнейшим фактором правового государства и утверждения верховенства и прямого действия Конституции в регулируемых правом отношениях.

Конституционная жалоба обуславливает развитие правовых механизмов гарантирования реализации конституционных прав и свобод, в том числе в отношениях, связанных с участием Республики Беларусь в ЕАЭС. Укрепление механизмов судебной защиты прав и свобод личности отвечает целям дальнейшего устойчивого развития евразийской интеграции.

Конституционное правосудие в контексте правовых позиций Суда ЕАЭС (на основе прецедентной практики Конституционного Суда Российской Федерации)

С. Д. Князев,

*судья Конституционного Суда Российской Федерации,
д. ю. н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*

Вопрос о соразмерной, лимитированной разумными пределами возможности осуществления судебного конституционного контроля в отношении договорных и других актов, образующих нормативную основу правопорядка интеграционных объединений (союзов) государств, как и о соотношении полномочий и правовых позиций конституционных и наднациональных судебных органов, привлекает к себе начиная с первых лет образования ЕврАзЭС, а впоследствии и ЕАЭС, повышенное внимание. И хотя, на первый взгляд, применительно к российской действительности – поскольку контроль за соответствием Конституции Российской Федерации вступивших в силу международных договоров Российской Федерации выведен из компетенции Конституционного Суда России – он едва ли предполагает какое-либо положительное решение, по крайней мере с точки зрения буквальной интерпретации соответствующих норм, устанавливающих тотальный запрет проверки конституционности международных соглашений о создании интеграционных объединений, в том числе ЕАЭС, равно как и иных нормативных актов, принятых в их развитие на межгосударственном уровне.

Между тем в юридической литературе справедливо отмечается, что формирование Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, а затем

и ЕАЭС объективно привело к трансформации (превращению) ряда отраслей национального (внутреннего) права, в первую очередь таможенного, в инструменты (средства) наднационального правового регулирования, что вполне предсказуемо повлекло за собой необходимость поиска и внедрения в практику органов конституционной юстиции адекватных подходов к обеспечению реализации и защиты конституционных ценностей не только в границах (масштабах) собственной правовой системы, но и в отношении договорных и иных актов, составляющих нормативную базу правопорядка соответствующих союзов¹. Как следствие, принимая во внимание создание – согласно ст. 19 Договора о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) – в качестве постоянно действующего союзного судебного органа Суда ЕАЭС, целью которого является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами ЕАЭС как упомянутого Договора, так и международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза, это неминуемо означает необходимость согласования правовых позиций конституционных судов и Суда ЕАЭС, высказанных ими при проверке подконтрольных им актов на предмет соответствия национальным конституциям (основным законам), с одной стороны, и Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза, с другой стороны.

По смыслу преамбулы Договора о Евразийском экономическом союзе безусловное соблюдение всеми заключившими его сторонами принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также их приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права предполагает обязанность всех государств – членов этого Союза, равно как и его органов,

¹ См.: Казанцев, С. М. Особенности контроля конституционности Таможенного кодекса Таможенного союза / С. М. Казанцев // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 2. – С. 1–9; Тарибо, Е. В. Проблемы классификации товаров при ввозе на таможенную территорию ЕАЭС: практика конституционного правосудия / Е. В. Тарибо // Журнал конституционного правосудия. – 2023. – № 1. – С. 1–3.

гарантировать реализацию и защиту основных прав и свобод в полном соответствии со своими обязательствами, вытекающими из данного Договора. В силу этого, говоря о правовых позициях Суда ЕАЭС, нельзя упускать из виду, что специфика правопорядка названного Союза требует от него обеспечения бесконфликтного сосуществования интеграционного права как с общепризнанными принципами и нормами международного права, так и с национальными правопорядками, производными прежде всего от конституционных традиций государств-членов². В результате в решениях Суда ЕАЭС обозначился вектор, ориентированный на согласование его аргументационно-интерпретационной деятельности как с общеправовыми принципами, признанными международным сообществом (цивилизованными нациями), так и с закрепленными на уровне каждого входящего в состав Союза государства конституционными гарантиями прав и свобод и тем самым позволяющий именно в формате интеграционного объединения добиваться наиболее высокого стандарта защиты прав человека³.

В то же время демонстрируемое Судом ЕАЭС устойчивое намерение учитывать при принятии своих решений конституционные гарантии основных прав и свобод, являющиеся для его участников категорическим императивом – оправданное в контексте гармоничного сближения правопорядков государств – членов Союза, не может, конечно, само по себе способствовать обеспечению полной согласованности вырабатываемых им правовых позиций с конституционными предписаниями (установками), задающими отправные параметры

² Необходимость применения Судом ЕАЭС при отправлении правосудия общепризнанных принципов и норм международного права, в отличие от его обращения к конституционным ценностям (положениям), прямо зафиксирована в п. 50 (подп. 1) Статута Суда ЕАЭС.

³ Нешатаева, Т. Н. Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза / Т. Н. Нешатаева // Журнал конституционного правосудия. – 2022. – № 4. – С. 27–38; Дьяченко, Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук / Е. Б. Дьяченко. – М. – С. 22.

развития различных национальных правовых систем, особенно в контексте присущей им конституционной идентичности⁴. Думается, что ожидать иного от этого судебного органа было бы излишне опрометчиво, ибо его компетенция в соответствии с п. 39 Статута Суда ЕАЭС ограничена исключительно разрешением споров, возникающих по заявлению государства-члена или хозяйствующего субъекта относительно отдельных аспектов интеграционного правопорядка, и вовсе не охватывает полномочия по обеспечению верховенства и прямого действия конституций государств – членов Союза. Это налагает на конституционные суды, в том числе Конституционный Суд Российской Федерации, особую ответственность за осуществление конституционного контроля в целях защиты основ конституционного строя и основных прав и свобод человека и гражданина, тем более в случаях, когда названные конституционные ценности испытывают на себе непосредственное воздействие правопорядка ЕАЭС.

Несмотря на то, что Конституционный Суд России формально лишен каких-либо возможностей проверять вступившие в силу международные договоры Российской Федерации (ст. 125 Конституции Российской Федерации и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), это, тем не менее, не может служить непреодолимым препятствием для целей осуществления, хотя бы и ограниченного рамками суверенитета Российской Федерации, возложенных на него полномочий, направленных на обеспечение конституционных гарантий прав и свобод, если реализация последних затрагивается (осложняется) договорами, принятыми внутри ЕАЭС, либо решениями наднациональных органов Союза, и в отношении соответствующего межгосударственного (евразийского) правового регулирования. И даже помня о том, что такой взгляд

⁴ Подробнее см.: Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. – М., 2019. – С. 263–278.

имеет немало оппонентов в российской доктринальной среде⁵, можно с определенной долей уверенности утверждать, что накопленный Конституционным Судом Российской Федерации опыт, безусловно, позволяет оценить некоторые из принятых им решений как попытку не уклоняться от осуществления своей правозащитной функции⁶ в делах, касающихся соответствия правовых актов ЕАЭС, пусть и преимущественно посвященных таможенному регулированию, российским конституционным принципам, целям и ценностям.

Впервые Конституционный Суд Российской Федерации, по сути, констатировал возможность конституционной проверки правовых актов, образующих нормативную основу правопорядка ЕАЭС, по запросу Арбитражного суда Центрального округа, в котором тот просил проверить конституционность п. 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза (утв. решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 г. № 728)⁷. В принятом по указанному запросу Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 417-О бы сформулированы ряд принципиальных правовых позиций, заложивших методологическую основу конституционного судопроизводства не толь-

⁵ По понятным причинам они в основном фокусировались на Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решениях Европейского суда по правам человека. См., напр.: Ковлер, А. И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека / А. И. Ковлер // *Международное правосудие*. – 2013. – № 3. – С. 52–63; Морщакова, Т. Г. О некоторых актуальных проблемах конституционного правосудия / Т. Г. Морщакова // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2017. – № 3. – С. 118–120.

⁶ Князев, С. Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации / С. Д. Князев // *Журнал рос. права*. – 2013. – № 12. – С. 6–7.

⁷ Здесь, правда, нужно оговориться, что Конституционный Суд Российской Федерации и ранее (например, в определении от 17 ноября 2011 г. № 1487-О-О) не отрицал возможности конституционной оценки отдельных положений Таможенного кодекса Таможенного союза. Но при этом важно иметь в виду, что в тот момент Конституционный Суд России фактически избегал какого-либо принципиального обоснования такой возможности, а кроме этого, никак не касался решений Суда ЕврАзЭС (ЕАЭС).

ко в вопросе о допустимости конституционной проверки отдельных правообразующих актов ЕАЭС, но и в отношении согласования своих решений с актами, исходящими от Суда ЕАЭС.

В числе этих правовых позиций прежде всего необходимо упомянуть о том, что Конституционный Суд России, опираясь на ст. 79 Конституции Российской Федерации, согласно которой Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя России, и учитывая ее истолкование, предпринятое им в Постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П, сделал фундаментальный вывод о том, что участие Российской Федерации в Таможенном союзе не образует каких-либо предпосылок для отступления от верховенства Конституции России и, следовательно, не освобождает ее как правовое государство от исполнения своей обязанности признавать, соблюдать и защищать права человека и гражданина. В противном случае основанная на всеобщем принципе *pacta sunt servanda* конституционная обязанность Российской Федерации рассматривать заключенные ей международные договоры в качестве части своей правовой системы, имеющей коллизионный приоритет перед российскими законами (ст. 15, ч. 4 Конституции Российской Федерации), и продиктованное данной обязанностью безоговорочное стремление непременно исполнить принятые на себя обязательства в отношениях с другими государствами могут приводить к нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Конечно, при оценке Конституционным Судом Российской Федерации решений Комиссии Таможенного союза (в настоящее время – Евразийской экономической комиссии) не могут не учитываться правовые позиции Суда ЕврАзЭС (ЕАЭС), которые ни при каких обстоятельствах не подлежат пересмотру национальными судебными органами. Но так как они лишь подтверждают соответствие оспариваемых

правовых актов, в частности решений Комиссии, международным договорам, заключенным участниками межгосударственного (интеграционного) объединения (либо признают их не соответствующими таким договорам), и не разрешают вопроса о конституционности таких актов, эти правовые позиции не могут выступать основанием для отступления от содержащегося в ст. 17 (ч. 1) Конституции Российской Федерации требования признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина не только согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и в соответствии с конституционными установлениями. Поэтому применение правовых актов интеграционного объединения, даже если правомерность их издания подтверждена Судом ЕврАзЭС (ЕАЭС), в обязательном порядке подразумевает согласованный учет требований Конституции Российской Федерации и международного договора (соглашения) о создании межгосударственного объединения, а также основанных на них решений конституционного и наднационального судов с тем, чтобы исключить возможность нарушений конституционных прав и свобод граждан и юридических лиц.

Тот факт, что приведенные правовые позиции были высказаны Конституционным Судом России посредством вынесения определения, а не постановления, несколько не снижает их юридического значения. Во-первых, в соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» все его решения – независимо от вида – являются обязательными на всей территории Российской Федерации для всех органов публичной власти, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Во-вторых, не стоит забывать, что они были сформулированы Конституционным Судом Российской Федерации посредством принятия определения не в связи с отказом в проверке конституционности оспоренного наднационального правового акта, а потому что запрос арбитражного суда не требовал дальнейшего рассмотрения дела и вынесения итогового решения в виде постановления.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к определению от 2 апреля 2015 г. № 583-О, в котором Конституционный Суд Российской Федерации, возвращаясь к вопросу проверки конституционности упомянутого решения Комиссии Таможенного союза и не подвергая сомнению правовую оценку Судом Евразийского экономического сообщества относительно его соответствия международным договорам государств – участников Таможенного союза, подчеркнул еще раз, что органы государственной власти Российской Федерации, включая суды, должны, беспристрастно опираясь на тщательное изучение фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе в контексте действия оспоренного решения Комиссии во времени, в пространстве и по кругу лиц, применять его положения на основе согласованного учета требований Конституции Российской Федерации, производных от них правовых позиций Конституционного Суда России и таможенного законодательства Таможенного союза, не допуская нарушения конституционных прав и свобод граждан и их объединений.

Таким образом, суммируя изложенное, можно заключить, что Конституционный Суд Российской Федерации пришел к принципиальному выводу, согласно которому нормы ЕврАзЭС (ЕАЭС) не могут обладать абсолютным приоритетом в правовой системе Российской Федерации, а их имплементация в национальный правопорядок, в том числе в интерпретации, содержащейся в решениях Суда ЕврАзЭС (ЕАЭС), не должна приводить к игнорированию конституционных гарантий основных прав и свобод человека (их объединений), сопряженному с реальным риском их нарушения.

Аналогичного подхода к оценке источников права ЕАЭС, во многом отталкиваясь от правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, придерживается и Верховный Суд Российской Федерации, разъяснивший в целях обеспечения единства практики применения судами таможенного законодательства в условиях функционирования ЕАЭС, что коллизионный приоритет права Союза

не может приводить к нарушению прав и свобод граждан (их объединений), гарантированных Конституцией Российской Федерации; в частности, при применении актов Союза, которые устанавливают (изменяют, прекращают) права и обязанности участников таможенных отношений, в том числе по уплате таможенных платежей и использованию льгот по уплате таможенных платежей, должны учитываться принципы поддержания доверия к закону и действиям государства, недопустимости придания обратной силы новому таможенному регулированию, ухудшающему положение участников внешнеэкономической деятельности (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза»)⁸.

Итогом совместных усилий, предпринятых высшими судами Российской Федерации, стала существенная корректировка практики применения правовых актов ЕАЭС, вследствие которой национальные суды перестали по общему правилу ссылаться на право ЕАЭС в обход внутригосударственного законодательства, тем более когда оно не вполне оптимально согласуется с конституционными принципами⁹. Представляется, что критическая оценка национальными судами значения правовых актов ЕАЭС и, соответственно, решений Суда ЕАЭС – при условии деликатного характера такой оценки – в целом будет способствовать оптимальному сопряжению интеграционного и национального правопорядков, а также взаимному учету Судом ЕАЭС и российскими судами, включая Конституционный Суд Российской Федерации, сформулированных ими правовых позиций при осуществлении своей правосудной деятельности.

⁸ Схожее разъяснение содержалось и в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства», утратившем силу с момента принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49.

⁹ Васякина, Е. В. Применение норм международного права судами Российской Федерации / Е. В. Васякина. – Оренбург, 2020. – С. 47.

Исследование влияния правовых позиций Суда ЕАЭС на отправление конституционного судопроизводства в Российской Федерации было бы неполным без всестороннего анализа определения Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 191-О, в котором перед ним был поставлен вопрос о неконституционности отсутствия в российском законодательстве института пересмотра по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов в связи с определением или изменением решением Суда ЕАЭС практики применения правовой нормы Союза, подтверждающим нарушение прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Конституционный Суд России не усмотрел в оспоренном правовом регулировании (ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) нарушения конституционного права на судебную защиту, поскольку из ст. 46 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, наделяющей каждого правом в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства защиты, в совокупности с ее ст. 1 (ч. 1), 15 (ч. 1, 2 и 4), 17 (ч. 1), 67.1 (ч. 1) и 79 не вытекает, что в случае участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предполагающих создание межгосударственного судебного органа, ее национальным законодательством в обязательном порядке – безотносительно к содержанию соответствующего международного договора – должен предусматриваться пересмотр решений внутригосударственных судов на основе актов межгосударственного суда. Соответственно, принимая во внимание существенные различия, характеризующие статус тех или иных межгосударственных образований, а также полномочия создаваемых ими наднациональных судов, участие России в таких образованиях не может свидетельствовать о наличии конституционно значимых причин для автоматического распространения на решения любых межгосударственных судебных органов, образованных в соответствии

с международными договорами Российской Федерации (в том числе на решения Суда ЕАЭС), правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П, которые главным образом были детерминированы закрепленной в ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод обязанностью Российской Федерации исполнять окончательные постановления Европейского суда по правам человека, в которых она является стороной.

Принятие Конституционным Судом Российской Федерации этого Определения исключает – в системе действующего правового регулирования – какие-либо попытки ретроактивного применения актов Суда ЕАЭС в интересах пересмотра решений национальных судебных органов, что, естественно, не препятствует иному варианту решения данного вопроса, особенно если такой вариант будет оформлен договорным способом государствами – участниками ЕАЭС.

В заключение хотелось бы отметить, что формы (каналы) взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации и Суда ЕАЭС, бесспорно, не исчерпываются обозначенными примерами¹⁰, а потому, пусть и чисто гипотетически, вряд ли могут быть подвергнуты сплошной инвентаризации. Их перечень наверняка будет пополняться как за счет содержательного наполнения практики конституционного судопроизводства на национальном уровне, так и – особенно в перспективном плане – благодаря динамике евразийской экономической интеграции, а также ее влиянию на статус, полномочия и юридическую силу актов Суда ЕАЭС.

¹⁰ Так, в Российской Федерации в последнее время достаточно активно обсуждалось создание – взамен Европейского суда по правам человека – самостоятельного национального или межгосударственного, в том числе в рамках ЕАЭС, суда по правам человека. См.: Зорькин, В. Д. Судебная власть перед вызовом времени / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2023. – № 2. – С. 1–5.

Право на судебную защиту в ЕАЭС: международный и национальный аспекты

С. И. Князькин,

*доцент кафедры гражданского и административного
судопроизводства Российского государственного университета
правосудия, к. ю. н., доцент*

Право на обращение в международные судебные органы является компонентом конституционного права на судебную защиту. Причиной тому служит ратификация странами международных соглашений, которые становятся частью национальных систем права. Не является исключением участие России во многочисленных международных организациях, включая Евразийский экономический союз (далее – Союз).

Право на международную судебную защиту, предоставляемую Судом Евразийского экономического союза (далее – Суд Союза), в силу его соотношения с правом на обращение в национальные суды, характеризуется международным и национальным аспектами.

Разрешение споров национальными судами и Судом Союза фактически представляет собой одно из средств внедрения ценностей международной организации в системы права государств – участников Союза. Эта проблематика представляет собой **международный аспект** права на судебную защиту в рамках Евразийского экономического союза. Он касается судебных способов имплементации союзных ценностей в национальное право каждого из государств.

Способы имплементации могут быть разными и могут существовать параллельно. Условно эти способы можно разделить на прямые и косвенные. К прямому способу внедрения в практику ценностей любой международной организации относится самостоятельное применение и толкование национальными судами норм международного

права при разрешении конкретного спора. Одновременно суд делает вывод о возможности применения нормы права при заявленных требованиях. Эта судебная деятельность в рамках конкретного дела именуется косвенным судебным нормоконтролем¹.

Такой способ является наиболее предпочтительным по ряду причин. Первой причиной является максимальная оперативность такого подхода применительно к многочисленным спорам, разрешаемым на национальном уровне. У судов каждого из государств отсутствует необходимость ожидания завершения разрешения спора наднациональным судом с целью использования типового толкования норм и принципов международного права. Тем самым обеспечивается своевременность судебной защиты как самый очевидный критерий ее эффективности.

Второй причиной выступает возможность дачи такого толкования международному позитивному праву, которое позволит учесть национальную специфику правоотношений, в том числе экономических отношений.

Любое типовое толкование права применимо в его первоначальном виде, только если полностью совпадает с фактическим составом спорного правоотношения. В остальных случаях толкование норм права имеет специфику и подлежит адаптации судом по каждому конкретному делу.

Наднациональный судебный орган может еще не высказать свою позицию по заявленным требованиям, в то время как потребность в такой позиции уже может существовать. В этом случае применение национальным судом принципов и норм международного права будет не только непосредственным, но и первичным.

Непосредственное применение судами права Союза чрезвычайно востребовано еще и по причине того, что Суд Союза обладает компетенцией по толкованию союзного позитивного права и не решает

¹ Никитин, С. В. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации / С. В. Никитин // Журнал рос. права. – 2014. – № 1. – С. 88–101.

вопросы факта, по поводу которых обратился заявитель и в разрешении которых в конечном итоге заинтересован.

Но даже если Суд Союза даст такое толкование, то оно не является обязательным для государства, от имени которого обратился заявитель². Смысл этой нормы заключается в сохранении за национальными судами полномочия по толкованию права Союза любыми способами: прямо или косвенно. В противном случае полномочия Суда Союза обладали бы более жестким и централизованным характером.

В то же время модель гибкого восприятия участниками Союза позиций Суда Союза влечет дополнительную сложность не только для их имплементации в национальное право, но и для исполнения этих решений на территории государств, участвующих в Союзе. Такая ситуация только подтверждает необходимость прямого применения права Союза государственными органами его участников.

В рамках применения судами государств союзного права будет разумным запрос о его аутентичном толковании компетентными органами Союза. Ответ на такой запрос по степени достоверности значимой для дела информации будет близким к экспертному заключению, традиционно существенно влияющему на итоговый судебный акт.

Преимуществом этого вида толкования позитивного права Союза является возможность правотворца, например, Евразийской экономической комиссии, дать ответы на вопросы относительно причин, побудивших его к принятию нормы права именно в такой редакции, целях, которые преследовались правовым регулированием. Для обеспечения разрешения спора правотворец может свидетельствовать о том контексте, в котором была принята та или иная норма права. Изменение общественных отношений, регулируемых нормой права с момента ее принятия, меняет ее толкование.

² Речь идет о том, что предоставление консультативного заключения не лишает государства – участников Союза совместного толкования ими международных договоров (п. 47 Статута Суда Евразийского экономического союза).

Результаты аутентичного толкования норм права, раскрытия их контекстуального смысла чрезвычайно востребованы в их соотношении с результатами судебного толкования этих же норм права. Такой подход позволяет сопоставить идеальные цели, которые были поставлены законодателем, с реальными результатами, проявившимися в ходе разрешения спора судом.

Сопоставление идеала и реальности позволяет разграничить аутентичное толкование позитивного права от внесения в него изменений самим правотворцем³ именно через сопоставление идеала и реальности, отраженной в фактических обстоятельствах спора. Иными словами, любому судебному органу для определения пригодности применяемой нормы права, в том числе международного права, требуется ясность восприятия аутентичной воли законодателя⁴.

Однако в данном компоненте правоприменения также существуют формальные барьеры. Они связаны не только с необязательностью консультативных заключений Суда Союза, но и с отсутствием у Евразийской экономической комиссии права толкования своих же решений, составляющих позитивное право Союза. Представляется необходимым преодолеть и эти ограничения, трудно согласующиеся со здравым смыслом.

К косвенным способам имплементации экономических ценностей Союза, отраженных в его праве, относится учет национальными судами позиций, выработанных Судом Союза.

Традиционным способом такого учета является использование типового толкования Договора о создании Союза, иных союзных договоров, а также правовых актов Евразийской экономической комиссии в решениях по конкретным делам. Подобное использование имеет

³ Егоров, А. В. Изменение закона как форма его аутентичного толкования / А. В. Егоров // Закон. – 2022. – № 5. – С. 14–36.

⁴ Бондарь, Н. С. Правосудие: ориентация на Конституцию / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян // СПС «Консультант Плюс». – М., 2018.

место с самого начала рассмотрения дел, то есть начиная с суда первой инстанции.

Такой подход к внедрению международной судебной практики в практику национальных судов характерен взаимодействию участников Совета Европы с Европейским судом по правам человека. Россия в рамках этого взаимодействия накопила большой опыт, который может быть использован в сотрудничестве с Судом Евразийского экономического союза.

Разграничение судебной компетенции в зависимости от места проверяемых нормативных правовых актов в их общей иерархии не может служить основанием для отказа в разрешении спора прежде всего национальными судами.

Именно судебные органы государств – участников Союза внедряют союзные ценности в национальную систему права. Не оспаривается право Суда Союза проверять правовые акты Союза на предмет их соответствия Договору о Евразийском экономическом союзе. Однако национальные суды не лишены права прямо или косвенно проверять любые международные правовые акты на предмет их соответствия национальной Конституции. Такой подход следует из естественной природы права на судебную защиту.

Если правовой акт применяется в отношении гражданина или организации, то они имеют рациональное право на их судебное оспаривание. Характер правового акта в контексте его судебной проверки является вспомогательным.

Такая проблема сложилась в отношении всего позитивного права Союза. Договор о Союзе, другие союзные договоры, а также решения Евразийской экономической комиссии применяются государственными органами, включая суды, а проверка таких правовых актов невозможна. И причина тому является формальной: отсутствие закрепления такого права в национальных и союзных нормах права.

Вспомогательным способом имплементации международного права в национальное право является пересмотр уже разрешенных споров ввиду изменения практики толкования принципов и норм международного права. Такое восприятие позиций наднациональных судов носит ретроспективный характер.

На современном этапе развития Евразийского экономического союза такой способ практически не используется. Для российского судопроизводства ретроспективная имплементация международного права известна в период участия страны в Совете Европы. Тогда такой инструмент был напрямую закреплен в кодифицированных процессуальных актах в качестве нового обстоятельства. Под ним фактически понималось конвенционное понимание нарушенных прав и свобод Европейским судом по правам человека.

В современный период нерационально отказываться от этого вспомогательного средства имплементации международных ценностей в отечественную систему права.

В настоящее время российские суды придерживаются обратной позиции относительно допуска в правовую систему России результатов деятельности Суда Союза. Например, Конституционный Суд Российской Федерации в серии своих судебных актов не признал толкование Союзного Суда в качестве нового обстоятельства пересмотра судебных актов судов общей и арбитражной юрисдикции⁵. Основным аргументом в пользу такого вывода служит отсутствие закрепленности именно позиций Суда Союза в качестве основания для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам. Вряд ли с таким подходом можно согласиться.

В свою очередь российские суды также отказывают заинтересованным лицам в рассмотрении заявлений об оспаривании

⁵ См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февр. 2022 г. № 191-О; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 689-О; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2022 г. № 1972-О.

нормативных правовых актов Союза. Например, технических регламентов, утвержденных Евразийской экономической комиссией⁶. Обоснованием такого подхода служит международный статус субъектов нормотворчества, который не позволяет осуществлять национальный судебный нормоконтроль, а также отсутствие ретроактивного действия позиций Суда Союза.

В данном вопросе, как и в других аспектах права на судебную защиту в масштабах Евразийского экономического союза, присутствует компонент правовой идеологии, который ставит перед выбором решения проблемы с формальной или содержательной точки зрения.

Формальная точка зрения связана с формальной закрепленностью того или иного права и полномочия. В текущем подходе преобладает позитивистское восприятие права на международную судебную защиту и компетенцию наднационального судебного органа. Обосновывается тезис о том, что если такое полномочие не закреплено в процессуальном законе, то оно отсутствует.

На другой стороне действует содержательный аспект этой проблемы. Он заключается в имплементации ценностей той или иной международной организации, участницей которой добровольно стала Российская Федерация. Представляется рациональным отдавать приоритет именно содержательной стороне данной проблемы.

С правоприменительной точки зрения эта проблема может найти выход через традиционные инструментарию толкования норм

⁶ Определение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 21 октября 2021 г. № М-5160/2021 26RS0029-01-2021-009238-57 об отказе в принятии административного искового заявления [Электронный ресурс] // Официальный сайт судов общей юрисдикции. – Режим доступа: https://piatigorsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=337616115&case_uid=6f3d294b-c544-42f1-8fab-856cd878d7c5&delo_id=41. – Дата доступа: 01.11.2023; Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 сентября 2022 г. №№ 88А-8372/2022 9а-1256/2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт судов общей юрисдикции. – Режим доступа: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3560496&case_uid=dd86fcc7-caed-4fe6-b332-bd7e6e0bc1b2&new=0&delo_id=43. – Дата доступа: 01.11.2023.

процессуального права, которые не именуют конкретные международные судебные органы, чьи позиции признаются в качестве новых обстоятельств.

Например, закрепленная в п. 1 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 1 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 350 КАС РФ норма об отмене не только судебного акта суда общей или арбитражного юрисдикции, но и другого органа. Законодатель использует универсальную формулировку, которая даже с точки зрения ее буквального толкования предоставляет окно возможностей в имплементации позиций любого наднационального судебного органа, юрисдикция которого признана Россией, в отечественное позитивное право. Речь идет не о зависимости национальных судов от международных судебных органов, а об обмене подходами к толкованию позитивного права.

Национальный аспект реализации права на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе отражается в проблеме изъятия компетенции по разрешению споров из ведения национальных судов и ее неполной передаче в юрисдикцию Суда Союза. Речь идет о сложившемся подходе, связанном с отсутствием у физических лиц, не являющихся участниками экономической деятельности, права на обращение в Суд Союза.

Практика Суда Союза исходит из буквального толкования Статута Суда, в соответствии с которым лица, чья деятельность не носит экономический характер, не вправе обратиться за судебной защитой в Суд Евразийского экономического союза. Данный подход был сформирован правопреемником Суда Союза – Судом Евразийского экономического сообщества⁷.

Такой подход влечет ситуацию, при которой целые категории дел не могут быть рассмотрены ни Судом Союза, ни национальными судами. Например, дела об оспаривании нормативных правовых актов

⁷ Постановление Суда Евразийского экономического сообщества от 20.01.2014 по делу № 2-2/1-2014; Постановление Суда Евразийского экономического сообщества от 22.09.2014 по делу № 2-2/3-2014 // СПС «Консультант Плюс».

Союза. Последние имеют ограничение в силу изъятия этой компетенции из ведения национальных судов.

В распоряжении данной обширной категории заинтересованных лиц остается косвенный порядок судебной защиты своих прав. Имеется в виду обращение граждан с запросом в компетентные органы государства – участника Союза с просьбой запроса о консультативном заключении по вопросам толкования союзного права. Но и он в силу придаваемого ему статуса имеет ограниченные рамки.

Ограниченные пределы этого опосредованного способа судебной защиты заключаются, во-первых, в зависимости самого обращения от воли компетентных государственных органов, а во-вторых, в том, что такие заключения Суда Союза носят рекомендательный характер, что объясняется предоставлением автономии национальным органам⁸.

Нормоконтроль вправе осуществляться любыми судами и в любых формах. Разные результаты такого нормоконтроля подлежат обобщению и унификации известными процессуальными и организационными средствами. Также унификация может проводиться и компетентными органами Союза, включая его Суд, а также другие органы.

Вопросы перераспределения международной и национальной судебной компетенции не могут влечь отказ в реализации права на судебную защиту по формальным признакам.

Первичным способом решения этой проблемы является предоставление физическим лицам, которые не являются участниками экономической деятельности, права на обращение в Суд Союза.

Количество дел об оспаривании именно нормативных правовых актов невелико, поэтому при должной организационной модернизации Суда Союза можно предположить возможность разрешения

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] : ред. от 24.03.2022 : с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023 г. // СПС «Консультант Плюс». – Пп. 46–48.

им споров с участием данной категории заинтересованных лиц без ущерба для его нагрузки.

Организационный способ решения проблемы состоит в реформе порядка рассмотрения Судом Союза жалоб, включая создание разветвленного процессуального функционала, характерного многим наднациональным судам. Этот функционал предполагает фильтрацию жалоб и их распределение в зависимости от их характера.

Существует и другой способ решения проблемы бесхозяйности дел об оспаривании нормативных правовых актов Союза физическими лицами, не являющимися хозяйствующими субъектами. Специальные цели наднационального судебного органа, а также его ограниченная пропускная способность призваны быть компенсированы передачей этой компетенции национальным судам.

Первый вопрос, связанный с таким решением этой проблемы, заключается в том, будет ли сохранена идеология Союза, его цели, если споры об оспаривании союзных правовых актов отдадут на уровень национальных судов? На этот вопрос следует ответить утвердительно по нескольким причинам.

Во-первых, национальные суды уже давно применяют право Союза, например, разрешая таможенные споры. В частности, применяются соответствующие решения Комиссии, а также Таможенный кодекс Союза. Применяя эти правовые акты, суды не могут уклониться от как минимум косвенного контроля применимых норм международного права.

В этом смысле следует отметить, что косвенный нормоконтроль является основным по причине его прямой и непосредственной связи с каждым конкретным заявленным требованием.

Во-вторых, национальные суды изначально учитывают идеологию Союза, основываясь на смысле союзного договора, а также практики самого Суда Союза.

В-третьих, национальные суды обладают правом на так называемый абстрактный нормоконтроль в силу приоритета национальных конституций перед международным правом. В этом контексте

достаточно обратиться к обновленным полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, который проверяет любые международные договоры до их ратификации на предмет соответствия Конституции России.

В-четвертых, позитивное право любой международной организации не является ее собственностью в понимании его монопольного толкования только органами этой организации. Наглядным примером служит подход Европейского суда по правам человека, который многократно утверждал о необходимости конкретизации и применения конвенционных положений судами государств – участников Совета Европы.

В-пятых, эволюция международной судебной юрисдикции свидетельствует о повышении ее эффективности, расширении внедрения ценностей той или иной международной организации, а также укрепления контроля за соблюдением прав, которые она культивирует, если лица, не обладающие специальным статусом, наделяются правом на обращение в международные судебные органы.

Именно такая эволюция полномочий характерна Европейскому суду по правам человека, который изначально задумывался в качестве органа, разрешающего исключительно межгосударственные конвенционные споры⁹. Наделение Европейского суда в конце XX в. правом разрешения споров по жалобам физических лиц только укрепило значение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, поспособствовало практической конкретизации ее идей, идеалов и ценностей.

Этот успех объясняется тем, что споры с участием обычных граждан несут в себе больший объем информации о практике реализации тех или иных прав и свобод. Они более репрезентативны по сравнению со спорами, в которых участвуют только публично-правовые образования. Представляется возможным распространить этот опыт на деятельность Суда Евразийского экономического союза.

⁹ Исполинов, А. С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия / А. С. Исполинов // *Lex russica*. – 2017. – № 10. – С. 58–87.

Международное правосудие

Новый формат Экономического Суда Содружества Независимых Государств

А. В. Плотников,

Председатель Экономического Суда СНГ

Экономический Суд Содружества Независимых Государств (далее – Экономический Суд, Суд), первый в истории орган международного правосудия на постсоветском пространстве, создан в 1992 г. в результате заключения государствами – участниками Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество) двух международных договоров – Соглашения о мерах по обеспечению улучшения расчетов между хозяйственными организациями стран – участниц Содружества Независимых Государств от 15.05.1992 и Соглашения о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств от 06.07.1992 (далее – Соглашение) – в целях разрешения межгосударственных экономических споров, которые не могут быть отнесены к компетенции национальных судов государств Содружества.

Соглашением утверждено Положение об Экономическом Суде (далее – Положение), и данные документы составляют правовую основу его организации и деятельности.

Согласно ст. 32 Устава СНГ от 22.01.1993 Экономический Суд получил статус самостоятельного уставного органа в целях обеспечения выполнения экономических обязательств в рамках Содружества.

При этом фактически с 1994 г. с целью совершенствования и повышения эффективности деятельности на постоянной основе проводилась работа по его реформированию.

С целью реформирования, согласно решению Совета глав государств СНГ от 16.09.2004, с 01.02.2005 Экономический Суд был переведен на сессионную основу деятельности.

Продолжая работу по повышению эффективности деятельности Суда, согласно Протоколу от 13.09.2017 Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан договорились о внесении изменений в Соглашение о статусе Экономического Суда.

По результатам реформирования Экономического Суда можно выделить ряд ключевых взаимосвязанных аспектов, составляющих содержание новых условий его деятельности.

Прежде всего определен новый формат деятельности Суда: осуществлен перевод Суда с сессионной основы деятельности на формат ad hoc по рассмотрению дел.

Институциональные изменения Экономического Суда требуют раскрытия содержания его нового формата деятельности как для целей понимания дальнейших направлений развития Суда, так и для правильного определения места Экономического Суда в системе органов, наделенных компетенцией на осуществление судебных функций.

Современное международное право прежде всего определяет международный суд в качестве постоянного органа, осуществляющего международное правосудие, общей или специальной компетенции на универсальном или региональном уровне, имеющий детальное регулирование правил судопроизводства. Как правило, состав международного суда определен заранее и его формирование для рассмотрения конкретного дела не зависит от воли спорящих сторон.

Из ст. 32 Устава СНГ от 22.01.1993 следует, что Экономический Суд – это международный суд, являющийся уставным органом интеграционного объединения (Содружества) со специальной компетенцией, определяемой особенностями предметной и субъектной юрисдикции, учрежденный на основании международно-правового акта, разрешающий споры на основании международного права и в соответствии с утвержденными правилами судопроизводства, закрепленными Соглашением и Положением и их детализацией в Регламенте Суда, утвержденном постановлением Пленума Экономического Суда от 15.06.2023 № 2, не зависящими от воли сторон. Деятельность Экономического Суда обеспечивается его аппаратом на постоянной основе.

Главным для определения и понимания нового формата деятельности Экономического Суда согласно Протоколу от 13.09.2017 является положение о том, что Суд собирается для рассмотрения конкретного спора и запроса о толковании в составе палат из трех судей из числа включенных в реестр судей Суда. Кроме того, стороны спора получили право формировать палату путем предъявления по одному судье из реестра судей (п. 8.2 Положения). Из числа судей на постоянной основе осуществляет деятельность по месту пребывания Экономического Суда только его Председатель (ч. 2 ст. 3.2 Соглашения).

Судье, включенному в реестр судей Экономического Суда, предусмотрена выплата вознаграждения только за рассмотрение конкретного дела и при отсутствии ограничений в связи с его основной работой (службой) (ч. 1 ст. 13 Положения).

Гибридная конструкция формата осуществления Судом своей деятельности по рассмотрению конкретных дел в формате *ad hoc*, которая в большей мере характерна для организации арбитражного разбирательства, не изменяет его правовой статус уставного органа Содружества в качестве постоянного институционального международного суда и не является правовым феноменом в практике международного

правосудия. Образование палат, камер для рассмотрения конкретных дел предусматривает Статут Международного трибунала по морскому праву, созданный в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.

Таким образом, при трактовке природы нового формата деятельности Экономического Суда следует исходить из того, что имеет место не суд *ad hoc* и не система судей *ad hoc* (например, Суд Европейской ассоциации свободной торговли), а **именно образование палат судей *ad hoc*** для рассмотрения каждого конкретного дела, относящегося к компетенции Суда.

Во взаимосвязи с изменением организации Экономического Суда следуют изменения процесса осуществления разбирательства по делам в соответствии с его компетенцией, обеспечить реализацию которых призван новый Регламент Экономического Суда Содружества Независимых Государств, утвержденный постановлением Пленума Экономического Суда СНГ № 2 от 15.06.2023.

Так, одним из важнейших изменений в процессуальной деятельности Экономического Суда является закрепление дистанционной работы на стадии подготовки дела к рассмотрению и общего правила письменной процедуры рассмотрения дел на стадии судебного разбирательства, что является прямым следствием развития системы электронного судопроизводства на основе применения интернет-технологий.

Судьи Экономического Суда (по два от каждого государства-участника) избираются (назначаются) государствами-участниками сроком на 10 лет и составляют реестр судей (всего 10 человек). Судьи продолжают находиться в государствах своего места жительства и участвуют в рассмотрении дел в Экономическом Суде дистанционно. При этом на стадии подготовки дела к рассмотрению в Суде используются только средства дистанционной работы без проведения устных слушаний.

Регламент 2023 г. определяет порядок процессуальной деятельности и регулирует следующие вопросы: общие положения, принципы

судопроизводства, компетенция и организация деятельности Экономического Суда, составы Суда, права и обязанности участников процесса, доказывание и доказательства, порядок обращения в Экономический Суд, порядок подготовки дел, процедура рассмотрения дел, решения и определения Суда, осуществление примирительной процедуры, порядок рассмотрения жалоб, пересмотр решений по вновь открывшимся обстоятельствам, исполнение решений и постановлений Экономического Суда СНГ.

Прежде всего следует отметить, что компетенция Экономического Суда, а также круг субъектов, наделенных правом обращения в Суд, остались прежними.

Так, споры рассматриваются Экономическим Судом по заявлению заинтересованных государств в лице их полномочных органов и институтов Содружества.

Толкование осуществляется при принятии решений по конкретным делам, а также по запросам высших органов власти и управления государств, институтов Содружества, высших хозяйственных, арбитражных судов и иных высших органов, разрешающих в государствах экономические споры.

Новацией Регламента 2023 г. является закрепление в отдельной главе (глава 2) основных принципов судопроизводства. В частности, это такие принципы, как независимость судей, коллегиальность, гласность, публичность, равенство сторон, состязательность.

По Регламенту 2023 г. для рассмотрения спора по заявлению заинтересованного государства Председателем Экономического Суда формируется палата, состоящая из трех судей. Каждая сторона спора назначает в палату по одному судье из реестра судей. Третьего судью палаты, выполняющего функции председательствующего в палате, назначает Председатель Суда или выполняет эти функции самостоятельно.

Полный состав Экономического Суда рассматривает жалобы на решения палат Суда по вопросам правовой квалификации

выносимых решений. Полный состав Экономического Суда назначается его Председателем из судей, входящих в реестр судей Экономического Суда, по одному от каждого государства-участника. Государство-участник, судья которого избран Председателем Экономического Суда, представляется в полном составе Суда только Председателем.

Для рассмотрения запросов о толковании Председателем Экономического Суда формируется палата судей, состоящая из трех судей. Судьи для рассмотрения запросов о толковании назначаются в палату Председателем Экономического Суда на ротационной основе.

С учетом того, что Протоколом от 13 сентября 2017 г. из компетенции Пленума Экономического Суда исключена функция по рассмотрению жалоб на решения коллегий Экономического Суда, из Регламента 2023 г. исключены все положения, касающиеся процессуальной деятельности Пленума Экономического Суда.

В Регламенте 2023 г. (глава 1) по сравнению с Регламентом 1997 г. большее внимание уделено понятийному аппарату. Разработчики исходили из необходимости четкого правового закрепления целого ряда понятий с целью однозначного их понимания, в частности, даны определения судебных актов (определение, решение, постановление).

Правовая основа организации и деятельности Экономического Суда в новом Регламенте 2023 г., в отличие от Регламента 1997 г., разграничена на две составляющие. Так, ст. 3 Регламента 2023 г. установлено, что порядок организации и деятельности Экономического Суда регулируется Уставом Содружества от 22 января 1993 г., Соглашением о статусе Экономического Суда от 6 июля 1992 г. (в редакции Протокола от 13 сентября 2017 г.), международными договорами, заключенными в рамках Содружества, иными актами Содружества, Регламентом и иными документами, регулирующими деятельность Экономического Суда. Этой же статьей, что является новацией Регламента 2023 г., в Регламент включены нормы, определяющие правовую основу деятельности Экономического Суда при разрешении дел: общепризнанные принципы и нормы международного права, международные

договоры, заключенные в рамках Содружества, иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора, иные акты Содружества, международный обычай, законодательство государств – сторон спора, законодательство государств-участников толкуемого международного договора, общие принципы права, признанные в государствах – участниках Содружества.

Впервые нашла закрепление в ст. 3 Регламента 2023 г. норма о том, что при рассмотрении дел Экономический Суд учитывает правовые позиции, содержащиеся в ранее вынесенных решениях.

В главе 1 Регламента 2023 г. определен язык судопроизводства в Экономическом Суде – русский (в Регламенте 1997 г. употреблялся термин «язык межгосударственного общения, принятый в Содружестве»). Определен общий срок рассмотрения дел (6 месяцев с даты вынесения определения о принятии дела к производству). Регламентом 2023 г. установлены случаи приостановления производства по делу и возможность продления сроков рассмотрения дела. Определен состав судебных расходов. В соответствии со ст. 6 Регламента 2023 г. обращения в Экономический Суд пошлиной не облагаются. По сравнению с Регламентом 1997 г. в Регламенте 2023 г. по-иному определен порядок распределения судебных издержек, к которым относятся расходы, связанные с явкой в Экономический Суд, расходы по выплате вознаграждений генеральным советникам, примирителям, экспертам, специалистам и переводчикам, а также иные расходы, связанные с рассмотрением дела, признанные Экономическим Судом необходимыми. Так, в ст. 6 Регламента 2023 г. определено, что издержки, связанные с рассмотрением дела по запросу о толковании возлагаются на Экономический Суд, а издержки по делам по спорам – пропорционально удовлетворенным требованиям.

Важной новацией в работе Экономического Суда является закрепление в Регламенте 2023 г. порядка организации и проведения судебных заседаний посредством видео-конференц-связи. Так, помимо аппарата Экономического Суда, к этой работе активно подключены

и высшие национальные суды. Согласно Регламенту 2023 г. национальные судебные инстанции, разрешающие дела в сфере экономики, должны обеспечить судей Экономического Суда на время проведения судебного заседания служебными помещениями, оборудованными техническими средствами связи, обеспечивающими возможность дистанционного участия в судебной заседании. Поскольку судьи Экономического Суда работают дистанционно, находятся в месте своего постоянного жительства, только тесное взаимодействие Экономического Суда и высших национальных судов позволит создать механизм реального функционирования дистанционного рассмотрения дел.

В Регламенте 2023 г. структурно выделены в отдельную главу положения, регулирующие вопросы, связанные с доказыванием и доказательствами. Так, главой 5 Регламента 2023 г. определено, что является доказательствами по делу, что относится к средствам доказывания, каким образом оцениваются доказательства судьями. Каких-либо существенных новелл по сравнению в Регламентом 1997 г. в этой части нет, однако важным нововведением Регламента 2023 г. является закрепление в качестве средства доказывания электронных доказательств, к которым отнесены электронные документы, базы данных и другие данные в электронной (цифровой) форме, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет информация. В целом закрепление положений, регулирующих вопросы, связанные с доказыванием и доказательствами, в отдельной главе дает более четкое и ясное понимание процесса сбора и изучения доказательств при рассмотрении дела Экономическим Судом.

Глава 10 Регламента 2023 г. «Рассмотрение жалоб на решения и определения палат полным составом Экономического Суда» претерпела существенные изменения. Прежде всего это связано с тем, что по Регламенту 1997 г. жалобы рассматривал Пленум Экономического Суда, а по новому Регламенту 2023 г. жалобы на решения палат рассматривает полный состав Экономического Суда Содружества Независимых Государств. Определены сроки подачи жалобы, требования

к ее форме и содержанию, случаи возврата жалобы, процедура рассмотрения жалобы в судебном заседании, названы пределы рассмотрения, случаи прекращения производства по жалобе и другие важные моменты. Так, жалоба на решение палаты судей Экономического Суда подается в течение 30 дней со дня получения решения. Жалоба на определение палаты судей Экономического Суда СНГ подается в течение 15 дней со дня получения определения.

Решением Совета глав государств Содружества «О Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации» от 18 декабря 2020 г. для Экономического Суда основная задача – завершение реформирования Экономического Суда СНГ и перевод его работы на формат ad hoc по рассмотрению конкретных дел. С принятием Регламента 2023 г. эта задача выполнена – правовая основа для работы Экономического Суда СНГ в новом формате создана.

Международное правосудие на постсоветском пространстве: итоги 30-летия и перспективы

Ю. А. Лепешков,

*доцент кафедры евразийских исследований факультета
международных отношений Белорусского государственного
университета, к. ю. н., доцент*

Уважаемые участники конференции!

Уважаемые представители Суда Евразийского экономического союза!

Позвольте вас поприветствовать от имени Белорусского государственного университета и, в частности, кафедры евразийских исследований факультета международных отношений, которую я представляю.

Проблематике интеграционного правосудия, а именно к нему сводится в принципе на сегодняшний день международное правосудие на постсоветском пространстве, уделяется все больше внимания в последнее время. Хотя не все это словосочетание любят, считают приемлемым, есть разные точки зрения на этот счет. Я отношу себя к представителям той категории ученых, которые вполне допускают возможность использования термина «интеграционное правосудие» наряду с такими устоявшимися категориями, как международное уголовное правосудие, международное правочеловеческое правосудие. Как известно, в учредительных актах ключевых межгосударственных объединений на постсоветском пространстве – Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, Союзного государства – на их интеграционной природе (сущности) акцентировано внимание в самом начале каждого из упомянутых документов¹.

¹ См., в частности, ст. 2–3 Устава СНГ, п. 2 ст. 1 Договора о ЕАЭС, преамбулу и ст. 1 Договора о создании Союзного государства.

Соответственно, те судебные органы, которые созданы в рамках названных межгосударственных объединений, неизбежно оказались привязаны в своей деятельности к интеграционной проблематике.

За три десятилетия, в течение которых функционирует международное правосудие на постсоветском пространстве, удалось достичь довольно значительных успехов. И первое, на что хотелось бы обратить внимание в этой связи, это, собственно, те судебные органы, которые предусмотрены соответствующими основополагающими документами, принятыми в рамках каждого из упомянутых выше межгосударственных объединений. Мы сегодня на данном форуме преимущественно говорим о Суде ЕАЭС, однако важно понимать, что не с него, и даже не с его предшественника – Суда Евразийского экономического сообщества начинало свою жизнь интеграционное правосудие в нашем регионе. Точкой отсчета стало появление около 30 лет назад Экономического Суда СНГ, учрежденного на основании отдельного международного договора, заключенного в 1992 г. рядом (не всеми!) государств – участников Содружества², и приступившего к осуществлению своей практической деятельности два года спустя.

Как, вероятно, многие знают, путь данного международного судебного органа оказался довольно тернист. За три десятилетия существования Экономическому Суду СНГ пришлось пройти немало испытаний: уменьшение квоты представительства судей от государств – участников Соглашения 1992 г. (2002), перевод на сессионную основу деятельности (2004), а в последующем – в формат работы *ad hoc* (2016), выход двух стран (Армения (2006) и Молдова (2010)) из Соглашения 1992 г., кардинальное сокращение численности Аппарата Суда (2017), невозможность осуществления полноценной судебной деятельности на протяжении более чем пяти лет ввиду задержки с формированием реестра судей (осень 2017 г. – весна 2023 г.).

² См. Соглашение о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств, участниками которого на момент его подписания в 1992 г. стали восемь стран СНГ: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан.

Тем не менее Экономический Суд СНГ не только выстоял, но и вполне может похвастаться весьма ощутимыми результатами в части осуществления судебной, а также экспертно-аналитической деятельности. Так, согласно информации, размещенной на его официальном интернет-сайте³, Судом рассмотрены более 120 дел и приняты более 130 итоговых судебных актов (из них порядка 90 % – по делам о толковании, остальные – по делам о разрешении споров). Подготовлены семь обзоров судебной практики по различным категориям дел (о разрешении споров, о толковании различных международно-правовых документов, принятых в рамках Содружества), а также обзор практики применения судебных актов Экономического Суда СНГ в государствах-участниках и органах Содружества. В целом же около семи десятков различных международных договоров и актов органов СНГ стали предметом анализа и последующего толкования со стороны данного судебного органа.

Нельзя не упомянуть и о таком уникальном факте, как выполнение Экономическим Судом СНГ в 2004–2011 гг. функций Суда Евразийского экономического сообщества – предшественника Суда ЕАЭС, что стало возможным благодаря соответствующему соглашению, заключенному двумя интеграционными объединениями. В числе других достижений, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому судебному органу, – учреждение в 2008 г. при Экономическом Суде СНГ на правах некоммерческого партнерства Международного центра по урегулированию споров, а также возложение на Председателя Суда функций определения главы и членов комиссии экспертов, создаваемой для разрешения споров, связанных с выполнением государствами своих обязательств по Договору о зоне свободной торговли, подписанному большинством стран Содружества в 2011 г. (при не назначении соответствующих лиц сторонами спора).

³ Экономический Суд Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudsng.org>. – Дата доступа: 15.11.2023.

Что касается Суда ЕАЭС, то это, как известно, гораздо более молодой международный судебный орган на постсоветском пространстве, который был создан не с нуля, а все-таки на базе своего предшественника – Суда ЕврАзЭС, просуществовавшего три года (2012–2014 гг.) и рассмотревшего за этот период времени чуть более двух десятков дел (14 – о разрешении споров, 8 – о разъяснении, общее число принятых судебных актов – 35)⁴. А раз уж я затронул в своем выступлении предшественника Суда ЕАЭС, стоит упомянуть, что и у него далеко не все складывалось гладко. В частности, несмотря на то, что создание судебного органа было изначально предусмотрено Договором об учреждении Евразийского экономического сообщества 2000 г., тем не менее на протяжении более чем десятилетия он отсутствовал, что и подвигло две межгосударственные структуры – ЕврАзЭС и СНГ – к заключению в 2004 г. упомянутого выше соглашения о временном, до формирования Суда ЕврАзЭС, выполнении функций последнего Экономическим Судом СНГ.

Но вернемся все же к ныне действующему Суду ЕАЭС и попытаемся обозначить основные результаты его работы за полные восемь лет с момента начала функционирования в 2015 г. (без учета статистики за 2023 г.):

- рассмотрены 95 обращений (заявлений), включая обжалование, из которых приняты к производству 77;

- рассмотрены 70 дел, из которых около 65 % – о разрешении споров, остальные – о разъяснении;

- приняты две сотни судебных актов, в том числе более 100 решений и постановлений Коллегии, более 30 решений и постановлений Большой коллегии, четыре десятка решений и постановлений Апелляционной палаты, а также более 20 консультативных заключений⁵;

⁴ Суд ЕврАзЭС – судебные дела [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/. – Дата доступа: 15.11.2023.

⁵ Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза по состоянию на 23 декабря 2022 года [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. – Режим доступа: <https://courteurasian.org/upload/iblock/999/>

– подготовлены пять обзоров практики международных судебных органов и судов государств – членов ЕАЭС по вопросам, представляющим интерес для Суда, обзор влияния практики Суда на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику в рамках ЕАЭС, сборник правовых позиций Суда (по состоянию на середину 2023 г.).

Сопоставив между собой основные итоги деятельности двух международных судебных органов на постсоветском пространстве, нетрудно заметить, что в пересчете на то количество времени, которое они осуществляют, интенсивность работы Экономического Суда СНГ заметно уступает активности Суда ЕАЭС. Это во многом связано с тем, что юрисдикция первого из названных судебных органов является более ограниченной по сравнению с юрисдикцией второго, что легко увидеть, сравнив предоставленные им полномочия в части разрешения споров. Так, если в Суд ЕАЭС по данному поводу могут обращаться и государства – члены Союза, и хозяйствующие субъекты, то Экономический Суд СНГ вправе разрешать исключительно межгосударственные споры, что, по нашему мнению, негативно сказывается на его востребованности на практике.

Еще один недостаток организационно-правового характера, на который хотелось бы обратить внимание, это учреждение Экономического Суда СНГ на основании отдельного соглашения, участие в котором является исключительно добровольным для стран Содружества, а не так, как это сделано в ЕАЭС, ЕС и других интеграционных объединениях, судебные органы которых по умолчанию встроены в институциональную систему исходя из положений учредительных актов соответствующих объединений. С одной стороны, это довольно часто позиционируется как своего рода преимущество так называемой разноскоростной (разноуровневой) интеграции в рамках СНГ (хочешь – участвуешь, не хочешь – не участвуешь). Однако, как нам кажется, отсутствие у государств

Содружества обязанности участвовать в Соглашении 1992 г. также существенно снижает потенциальную востребованность Экономического Суда СНГ в качестве эффективного правового средства для разрешения споров и осуществления толковательной деятельности.

Что касается Суда ЕАЭС, то и этот судебный орган, несмотря на его пока еще достаточно юный возраст, безусловно, есть за что пожуричь:

- отсутствие до настоящего времени фактов обращения в Суд со стороны государств – членов ЕАЭС по поводу соответствия международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС;

- за весь период деятельности Суда им был рассмотрен всего лишь один межгосударственный спор;

- отсутствие востребованности специализированных групп, предусмотренных главой VI Статута Суда;

- низкая востребованность консультативной функции Суда у должностных лиц и сотрудников органов Союза;

- явный перебор с особыми мнениями судей, а также не соответствующая, на наш взгляд, требованиям Регламента Суда практика использования данного правового института отдельными судьями;

- пробел в регламентации вопроса, касающегося возможности пересмотра вынесенного итогового решения;

- отсутствие реальных подвижек в решении давно обсуждаемого вопроса касательно расширения предметной и субъектной юрисдикции Суда⁶.

И все же, оценивая в совокупности ключевые результаты деятельности рассмотренных нами международных судебных органов, можно

⁶ Подробнее см.: Лепешков, Ю. А. Востребованность Суда Евразийского экономического союза: текущее состояние и перспективы / Ю. А. Лепешков // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 3. – С. 28–32; Лепешков, Ю. А. Особые мнения судей Суда ЕАЭС и обеспечение единообразного применения права Союза / Ю. А. Лепешков // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : сб. науч. ст. I Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 февр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2023. – С. 90–96.

констатировать тот факт, что интеграционное правосудие на постсоветском пространстве в основном состоялось. Исключение составляет лишь Суд Союзного государства, который, будучи предусмотренным одноименным белорусско-российским Договором 2000 г., так и не был создан до настоящего времени, и вероятность его появления в обозримой перспективе, как представляется, крайне мала. В то же время Экономический Суд СНГ и Суд ЕАЭС зарекомендовали себя в качестве уважаемых, авторитетных судебных инстанций, стоящих на страже соблюдения соответствующих региональных международно-правовых норм, а также обеспечивающих их единообразное применение, заняли достойное место в ряду представителей международной интеграционной юстиции и в целом оказались достаточно востребованными, хотя и не всеми уполномоченными обращаться в них субъектами в одинаковой степени.

Будущие перспективы Экономического Суда СНГ на данный момент связывают с практической реализацией мер, направленных на повышение эффективности его функционирования, предусмотренных рядом решений Совета глав государств Содружества, принятых в 2016–2017 гг.⁷, Протоколом 2017 г. о внесении изменений в Соглашение 1992 г.⁸, а также Концепцией дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Планом основных мероприятий по ее реализации, одобренных решением Совета глав государств СНГ от 18 декабря 2020 г. Многие из того, что предусмотрено названными документами и направлено на организационное совершенствование деятельности Суда, а также усиление его роли, было осуществлено в текущем году, а именно:

– сформирован реестр судей (хотя и не в полном объеме) и утверждено Положение о нем;

⁷ См., в частности: Об Экономическом Суде Содружества Независимых Государств : решение, 16 сент. 2016 г.; О некоторых вопросах деятельности Экономического Суда Содружества Независимых Государств : решение, 13 сент. 2017 г.

⁸ Вступил в силу в 2019 г.

– избраны Председатель Экономического Суда СНГ и его заместитель;

– утверждены новые регламенты Суда и его Пленума, а также Порядок подачи в Экономический Суд СНГ документов в электронном виде;

– состоялось первое за долгое время заседание Суда по рассмотрению поступившего в его адрес запроса о толковании⁹.

Столь значительные подвижки в деле модернизации Экономического Суда СНГ после многолетнего застоя в его функционировании свидетельствуют, на наш взгляд, о серьезности намерений государств – участников Соглашения 1992 г. не только реформировать данный судебный орган, но и в самое ближайшее время существенно активизировать его работу. Это, безусловно, вселяет оптимизм и позволяет надеяться, что очень скоро все мы сможет стать свидетелями его второй молодости.

Что касается будущих перспектив Суда ЕАЭС, то на сегодняшний день основные ожидания в части оптимизации его функционирования связаны с утверждением высшим органом Союза в самом конце 2020 г. Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. (далее – Стратегия-2025), в которых, среди прочего, акцентировано внимание на необходимости повышения эффективности судебной системы ЕАЭС (п. 9.2). С этой целью предусмотрена, в частности, проработка вопросов, касающихся, во-первых, возможности наделения государств – членов Союза правом обращения в Евразийскую экономическую комиссию с целью досудебного урегулирования возникших между ними экономических споров (подп. 9.2.1) и, во-вторых, совершенствования механизма отбора и назначения судей, квалификационных требований к ним, а также должностным лицам и сотрудникам Аппарата Суда (подп. 9.2.3). Наряду с этим, важным шагом, по мнению разработчиков Стратегии-2025,

⁹ До этого последнее решение было вынесено Экономическим Судом СНГ более шести лет назад – в апреле 2017 г.

должно стать «создание механизма обеспечения обязательного исполнения решений Суда Союза» (подп. 9.2.2), а также предоставление Коллегии Евразийской экономической комиссии права «обращаться в Суд Союза при неисполнении решений органов Союза в части, касающейся выполнения государствами-членами обязательств в рамках внутреннего рынка Союза» (подп. 9.1.3).

Соглашаясь с большинством из указанных выше мер, за исключением, пожалуй, той, что предусмотрена подп. 9.2.1, с сожалением приходится констатировать, что ряд заслуживающих внимания рекомендаций в части организационного совершенствования и повышения эффективности судебной системы ЕАЭС, которые были предложены научной общественностью, оказались за рамками Стратегии-2025. Преимущественно это касается уже упомянутой выше целесообразности расширения предметной и субъектной юрисдикции Суда ЕАЭС, а именно предоставления возможности обращаться в Суд, во-первых, Евразийской экономической комиссии с заявлением о соблюдении государством-членом права Союза и, во-вторых, высшим судебным инстанциям государств-членов в преюдициальном порядке по вопросам толкования норм права ЕАЭС. Кроме того, видится важным наделение должностных лиц и сотрудников органов Союза полномочиями не только запрашивать разъяснение норм права ЕАЭС, связанных с трудовыми правоотношениями, но и обращаться в Суд за разрешением трудовых споров¹⁰. Выражаем надежду, что данные предложения будут приняты во внимание и обстоятельно изучены в ходе работы по дальнейшему совершенствованию положений Договора о ЕАЭС.

¹⁰ Подробнее см.: Лепешков, Ю. А. Востребованность Суда Евразийского экономического союза: текущее состояние и перспективы / Ю. А. Лепешков // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 3. – С. 28–32.

Толкование международных договоров: единство и многообразие

Ж. Э. Эржигитова,

*заместитель директора Правового департамента
Евразийской экономической комиссии*

Толкование положений международных договоров занимает особое место как в судебной практике в целях реализации обеспечения «должного» правоприменения принятых норм, так и у субъектов права, напрямую реализующих такие положения.

Судебная практика толкования международных договоров нашла сочетание подходов к процессу толкования, применяя три основные школы – текстуальную, интенционалистскую и телеологическую. При этом тот факт, что нормы толкования кодифицированы в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – Венская конвенция), не означает, что процесс толкования договоров является четким или подробно регулируется.

Толкование международного договора, будучи самостоятельной международной интерпретационной деятельностью, является одним из видов толкования юридической нормы¹. Для того чтобы перейти к вопросу толкования международных договоров, необходимо определить понятие самого термина «толкование», который в своем определении является достаточно многозначным и требует разъяснения². Термин «толкование» можно определить как уяснение и разъяснение (донесение) смысла правовых норм, их действительного содержания с целью их реализации субъектами права³. При этом понятие «толкование права» объединяет уяснение требований норм как внутренний

¹ Маленкова, В. С. Толкование международных договоров / В. С. Маленкова // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 10 (19). – С. 82.

² Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора / А. Ф. Черданцев. – 2003. – С. 34.

³ Капустин, А. Я. Современная концепция толкования международных договоров / А. Я. Капустин. – М. : Норма, 2023. – С. 15.

интеллектуальный процесс и разъяснение их как выражение воле своих заключений. Так, в Римском праве монополию на толкование Законов XII таблиц в виде респонзов (*responsa prudentium* – ответы, разъяснения юристов), которые были обязательными для судов, имели понтифики (*interpretatio pontificum*). Именно римские юристы заложили фундамент в вопросы толкования положений норм права, уделяя большое внимание содержанию и назначению законов (*sententia legis*), широко применяя аналогию и ориентируясь при толковании на справедливость (*aeguitas*) и пользу (*utilitas*)⁴. Еще со времен Древнего Рима известен принцип: знание законов состоит не в том, чтобы держаться за их букву, а в том, чтобы понимать их смысл и значение⁵. Доктринальное освоение относится к эпохе становления науки международного права в Европе в XVII–XVIII вв., когда в трудах юристов предлагались различные вариации на тему разработки «канонов толкования» (Г. Гроций, С. Пуфендорф, Э. Ваттель и др.)⁶. Тема толкования договоров впервые была включена в проект статей о праве международных договоров четвертым докладчиком Комиссии международного права ООН Х. Уолдоком в 1964 г.⁷ При этом научное изучение практики толкования международных договоров продолжается до настоящего времени. Толкование – это прежде всего познавательный процесс (деятельность), в котором взаимопереплетаются⁸ термины и тексты правовых актов, определения содержания правовых норм, исходя из значений и их смысла; и явлений, отраженных в понятиях таких норм. Без толкования юридической нормы нет ее понимания,

⁴ Капустин, А. Я. Современная концепция толкования международных договоров / А. Я. Капустин. – М. : Норма, 2023. – С. 45.

⁵ Беляева, О. М. Толкование норм права / О. М. Беляева // Ученые записки Казанского государственного университета. – Казань, 2007. – С. 43.

⁶ Капустин, А. Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды / А. Я. Капустин // Междунар. и интеграционное право. – 2021. – № 8. – С. 107.

⁷ Там же. – С. 114.

⁸ Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора / А. Ф. Черданцев. – М., 2003. – С. 34.

а без ее понимания нет ее применения, и норма перестает работать. Целью толкования является установление содержания нормы права, правильного и единообразного понимания и применения закона, выявления его сути и точного смысла правовых норм⁹. Причинами же являются единообразное применение одних правовых норм разными лицами, наличие в них противоречий (коллизий), сложность и неоднозначность правовых актов¹⁰. Так, например, цель осуществляемого Судом Евразийского экономического союза толкования обусловлена его деятельностью, определенной в п. 2 Статута Суда и состоящей в обеспечении единообразного применения права Евразийского экономического союза государствами-членами и органами Союза¹¹.

Право является важным инструментом регулирования общественных отношений, устанавливая правовые связи между членами общества, наделяя их взаимными правами и обязанностями, которые не являются материальными и проявляются как мысли о должном поведении субъектов.

Зачастую международное право при применении абстрактных правовых норм страдает нечеткостью и их неопределенностью, что, собственно, и стало причиной для появления института толкования в международном договорном праве¹². Что в свою очередь влияет на выполнение основополагающего принципа международного права *Pacta sunt servanda*, закрепленного в ст. 26 Венской конвенции и подразумевающего, что каждый действующий договор обязателен и должен добросовестно выполняться его участниками¹³. Цель

⁹ Бошно, С. В. Толкование норм права / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2013. – С. 17.

¹⁰ Там же.

¹¹ Капустин, А. Я. Современная концепция толкования международных договоров / А. Я. Капустин. – М. : Норма 2023. – С. 274.

¹² Маленкова, В. С. Толкование международных договоров / В. С. Маленкова // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 10 (19). – С. 82.

¹³ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 09.11.2023.

толкования международного договора состоит в установлении точного значения того, о чем согласились и договорились стороны. Добросовестность выражается в добросовестном толковании международных договоров, в том числе ограничивая свободу усмотрения при толковании и сдерживая произвол. Также добросовестное толкование предупреждает возникновение межгосударственных споров, в то время как недобросовестное может стать основанием неправомерных действий, таких как невыполнение принятых обязательств или их ненадлежащее выполнение¹⁴. Договор должен толковаться честно, четко и разумно, в соответствии с общим смыслом намерений сторон в договоре, вытекающих из его содержания¹⁵, что, по сути, является стандартом поведения, который применяется ко всему процессу толкования.

Предполагаемые правила толкования подверглись длительным дебатам с самого начала процесса составления соответствующих условий Венской конвенции¹⁶, которые включали разногласие некоторых правительств принять два отдельных положения по рассматриваемой теме, чтобы предотвратить установление иерархии правил¹⁷. Это предопределило дальнейшие обсуждения и юридические споры между публицистами, создав два лагеря: один – в пользу юридической иерархии между обычными правилами толкования и противостоящей, обозначающей отсутствие необходимости толкующего агента следовать такой иерархии; обе стороны остаются конкурентами и сегодня¹⁸. Комиссия по международному праву, признавая

¹⁴ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 09.11.2023.

¹⁵ Engelen, F. Interpretation of Tax Treaties under International Law / F. Engelen. – Amsterdam, 2004. – P. 131.

¹⁶ Рассмотрение вопроса по праву международных договоров в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 2166 (XXI) от 5 декабря 1966 года : Венская конф. по праву междунар. договоров, Вена, 26 марта – 24 мая 1968 г., UN Doc A/CONF.39/C.1/SR.31. – С. 167, параграф 38.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Zamir, E. The Inverted Hierarchy of Contract Interpretation and Supplementation [1997] 97: Columbia Law Review, 1710, 1718.

недостаток в иерархии толкования, отметила, что оно должно быть воспринято как целостная система процесса толкования¹⁹, одновременно поддерживая текстуальную школу толкования²⁰. Практика Международного Суда ООН также варьируется от случая к случаю, свидетельствуя о принятии иерархии в свете важности текстуального подхода в нескольких случаях, в том числе отклоняясь от этого подхода. При этом некоторыми учеными сделан вывод, что практика Международного Суда ООН и Европейского союза и его государств-членов свидетельствует об универсальном стандарте Венских правил в толковании международных договоров²¹.

Нормы, регламентирующие вопросы толкования международных договоров, определены в ст. 31–33 Венской конвенции.

Статьи 31 и 32 Венской конвенции названы соответственно общими и дополнительными правилами толкования. Общие правила толкования структурированы добавляющим образом, в первую очередь акцентируя внимание на обычном значении договорных терминов в их контексте и придавая важное значение объекту и цели договора, а затем рассматривая дополнительные нормы о том, что можно считать контекстом и какие средства толкования могут применяться наравне с контекстом.

Как было отмечено, ст. 31 Венской конвенции называется «Общее правило толкования», а ст. 32 – «Дополнительные средства толкования»²². Мы согласны с определением термина «дополнительный»,

¹⁹ Комиссия по международному праву. Доклад Комиссии о работе ее 65 сессии (6 мая – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2013 г.) UN Doc A/68/10, 16.

²⁰ Комиссия по международному праву, Георг Нольт. Последующие соглашения и последующая практика в отношении толкования договоров (2013) UN Doc A/CN.4/660. – С. 13, параграф 28.

²¹ Капустин, А. Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды / А. Я. Капустин // Междунар. и интеграционное право. – 2021. – № 8. – С. 104.

²² Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 18.10.2023.

означающим нечто «в дополнение к чему-либо другому». Между тем такой выбор может создать впечатление, что при применении соответствующих правил существует так называемая иерархия. На самом деле, если мы попытаемся найти обычное значение слов по мере необходимости, последнее название, как представляется, имеет более низкий приоритет в процессе толкования.

Кроме того, в нем рассматриваются средства, предполагающие перечень методов, применяемых при толковании, в то время как в другой статье Венской конвенции предусматривается правило толкования, которое может подразумевать некоторые правовые указания в отношении порядка толкования. Однако, как представляется, ст. 31 Венской конвенции, используя слова обязательного характера («должен»), не предусматривает никаких других норм, кроме того, что «договор толкуется добросовестно»²³ и что при определенных обстоятельствах термин имеет особое значение. Стоит отметить, что в обоих составах отсутствует точность. Остальная часть статьи Венской конвенции представляет собой перечень средств, которые должны учитываться при толковании: обычное значение слов, контекст, объект и цель, последующие соглашения и практика в отношении толкования договоров и соответствующие применимые нормы международного права. Комиссия по международному праву назвала последующую практику средством толкования²⁴. Между тем ст. 32 Венской конвенции толкуется главным образом как правило, поскольку в ней содержится более подробное разъяснение относительно применения инструментов толкования. По крайней мере, зависимость от дополнительных средств явно возрастает в случае определения

²³ Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 18.10.2023.

²⁴ Доклад Комиссии по международному праву, 66 сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2014 г.) [Электронный ресурс]. – С. 169. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/publisher,UNGA,,,5539eec34,0.html>. – Дата доступа: 15.11.2023.

значения в отличие от подтверждения того, что было обнаружено в соответствии с общим правилом. Тем не менее мы должны обратить внимание на начало статьи Венской конвенции, в которой говорится, что «возможно обращение к дополнительным средствам толкования»²⁵, что, по сути, не имеет обязательной силы.

Наличие правил и средств в рассматриваемых положениях является неоднозначным и создает противоречивое впечатление относительно существующей иерархии. Понимая, что решение о создании двух отдельных статей не было принято с чистого листа, логично взглянуть на то, как эти две статьи понимались при разработке и вызывали ли какие-либо опасения до появления известной нам версии положений Венской конвенции о правилах толкования международных договоров. Фактически проблема установления иерархии правил толкования была рассмотрена делегацией США, которая высказалась за замену двух отдельных статей одной для устранения «излишне жестких и излишне ограничительных требований»²⁶. Тот факт, что обсуждения по-прежнему ведут к выработке двух отдельных статей, может означать, что составители по-прежнему предпочитают устанавливать первичные и вспомогательные правила толкования.

Сама Комиссия по международному праву рассматривает оба свода правил как сохраняющие единство толкования, которое «должно рассматриваться вместе как составляющее целостную систему процесса толкования»²⁷. Таким образом, с одной стороны, рассматриваемые статьи отличаются друг от друга и названы в порядке преимущества,

²⁵ Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 18.10.2023.

²⁶ Рассмотрение вопросов права договоров в соответствии с Резолюцией 2166 (XXI), принятой Генеральной Ассамблеей 5 декабря 1966 г. (Вена, 26 марта – 24 мая 1968 г.), параграф 38.

²⁷ Доклад Комиссии по международному праву, 66 сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2014 г.) [Электронный ресурс]. – С. 16. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/publisher,UNGA,,5539eec34,0.html>. – Дата доступа: 15.11.2023.

а с другой – представляют собой единую систему, обычно называемую составным элементом в процессе толкования международных договоров.

Возвращаясь к текстуальному подходу, необходимо тщательно изучить все его элементы. Очевидно, что обычное значение привлекает большую часть внимания как носящее обязательный характер. Обычное значение договорных терминов можно найти в различных источниках, таких как словари, научные работы или другие соответствующие международные соглашения. Регулярное обращение к словарям в процессе устного толкования особенно актуально для Органа ВТО по урегулированию споров, который всегда ссылается на ст. 31 и ст. 32 Венской конвенции для уточнения положений охватываемых соглашений. Так, например, этот подход был полезен для определения того, может ли статья XX ГАТТ ВТО 1994 г. применяться в качестве защиты Китаем в отношении его обязательств по Протоколу о присоединении Китая. Апелляционный орган признал неприменимость статьи XX ГАТТ ВТО 1994 г. как не имеющей какой-либо текстовой связи с Протоколом о присоединении Китая к ВТО²⁸. В другом случае, по решению Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), Суд счел значение слова «свободный» однозначным при анализе права на бесплатную помощь переводчика²⁹. Тем не менее Суд переходит к контексту договора, чтобы удостовериться в правильности своего определения. В целом есть решения, которые включают те, которые сначала пытаются сконцентрироваться на обычном значении только слов, и те, с которыми немедленно соотносится контекст³⁰.

Помимо дискреционного применения источников для установления обычного значения, одной из главных проблем, с которой

²⁸ Кейс ВТО, Китай – Меры Китая по управлению экспортом соответствующих сырьевых материалов (30 января 2012 г.) WT/DS395/AB/R, параграф 306.

²⁹ Case of Luedicke, Belkacem and Koç v Germany (App no 6210/73;6877/75;7132/75) (1978) 2 EHRR 149 para 40.

³⁰ Кейс ВТО США – Меры, влияющие на производство и продажу сигарет с гвоздикой (4 апреля 2012 г.) WT/DS406/AB/R, параграф 266.

сталкивается подход обычного значения, является множественность значений. Прежде всего само слово «значение» имеет более шестнадцати различных значений³¹.

В п. 2 ст. 31 Венской конвенции уточняется, что может рассматриваться как контекст, – текст, преамбула и приложения к договору, а также соглашения, заключенные всеми сторонами в связи с заключением договора и связанные с ним, и другие документы, имеющие одинаковые характеристики, за исключением принятых одной или несколькими сторонами и принятых другими сторонами³². Следует отметить, что контекст, как мы используем его в повседневном значении окружающих обстоятельств, не имеет ничего общего с концепцией контекста по Венской конвенции³³.

Основная функция контекста – помогать толкующему субъекту там, где обычный смысл термина не так очевиден. Контекстуальные элементы четко определены. Тем не менее даже на первый взгляд возникает проблема; контекст включает в себя слишком много вещей, которые необходимо принять во внимание, чтобы создать любой шаблон, которому необходимо следовать. Вместе с тем это правило сформулировано в обязательном порядке, предусматривающем, что контекст включает перечисленные элементы³⁴. Особое место занимают преамбула, текст и приложения, поскольку элементы п. 2 ст. 31 Венской конвенции должны применяться в дополнение к первому. Однако в п. 3 ст. 31 Венской конвенции говорится, что перечисленные в ней инструменты толкования «принимаются во внимание вместе с контекстом»³⁵, предполагающим применение на той же основе. Это

³¹ Gardiner, R. *Treaty Interpretation* (OUP 2008), *Myths and Realities of Treaty Interpretation: Articles 27–29 of the Vienna Draft Convention on the Law of Treaties* (1968).

³² https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml [Электронный ресурс]. – П. 2 ст. 31. – Дата доступа: 19.10.2023.

³³ Gardiner, R. *Op. cit.* – С. 364–367.

³⁴ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml [Электронный ресурс]. – П. 2 ст. 31. – Дата доступа: 19.10.2023.

³⁵ Там же. – П. 3 ст. 31.

мнение также отражено в доктрине и практике ВТО, где последующие соглашения и практика называются «аутентичными средствами толкования»³⁶. Международный Суд ООН заявил, что последующая практика должна быть рассмотрена «на более позднем этапе»³⁷. Таким образом, общее правило представляет собой комбинацию различных элементов, порядок которых не применяется последовательно.

Дж. Фицморис выделял принцип единства (*principle of integration*). Так, в Консультативном заключении Постоянной палаты международного правосудия о компетенции МОТ регулировать сельскохозяйственный труд указывалось: «Очевидно, что международный договор должен восприниматься целостно, а его смысл не должен определяться только через отдельные фразы, так как, будучи вырванными из контекста, они могут иметь двойственное значение»³⁸. В Консультативном заключении о создании Комиссии по морской безопасности Международный Суд ООН отметил, что какой-либо термин не может быть определен изолировано от его обычного значения. Термин приобретает свое значение в связи с контекстом, в котором используется. Если контекст допускает расширительное толкование термина или, напротив, ограничительное, то формулировки должны быть соответствующими³⁹. В решении по делу Англо-Иранской нефтяной компании Международный Суд ООН также подчеркнул, что недопустимо использовать чисто грамматическое толкование текста договора. Необходимо искать такую интерпретацию, которая будет находиться в гармонии с естественным и разумным способом прочтения текста⁴⁰.

³⁶ Доклад Комиссии по международному праву, 2 часть 17 сессии и 18 сессия (1966); Доклад Комиссии по международному праву, 66 сессия (5 мая – 6 июня and 7 июля – 8 августа 2014). – С. 168.

³⁷ Кейс *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia v Malaysia)*, кейс относительно навигационных и сопутствующих прав (*Costa Rica v Nicaragua*).

³⁸ Постоянная палата международного правосудия. – 1922. – № 2, 3. – С. 23.

³⁹ Доклад Международного Суда ООН. – 1960. – С. 158.

⁴⁰ Доклад Международного Суда ООН. – 1952. – С. 105.

Телеологическое толкование направлено на понимание целей договора и придает этому элементу первостепенное значение. Такой подход к толкованию вытекает из формулировки статьи п. 1 ст. 31 Венской конвенции, которая гласит, что договор толкуется «в свете его объекта и цели»⁴¹. Данное положение толкуется таким образом, что объект и цель ставятся на ту же основу, что и другие предшествующие элементы, а именно обычное значение договорных терминов и контекст. Как правило, цели международного соглашения изложены в его преамбуле⁴², однако они могут быть также изложены в другом положении⁴³. Преамбула является вводной частью договора с указанием причин заключения договора, его целей и принципов.

Сторонники телеологического подхода считают, что значение слов, подлежащих толкованию, не может быть ясно без анализа цели договора, заявляя, что обычное значение терминов может быть найдено только после рассмотрения цели договора⁴⁴.

Основная проблема телеологического подхода как отдельной школы толкования заключается в том, что он не получил широкой поддержки. Хотя объем практики в пользу или против каждого подхода не является основным критерием, может быть довольно трудно обойти твердую и обоснованную позицию противников подхода.

Комиссия по международному праву ясно дала понять, что телеологическая школа не обладает автономией, поскольку объект и цель являются составными элементами доминирующего текстуального подхода. Международный Суд ООН начал со ссылки на «цель и сферу охвата» и с тех пор варьировал комбинацию слов. Например, один из судей Международного Суда ООН также выделил

⁴¹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml [Электронный ресурс]. – П. 1 ст. 31. – Дата доступа: 19.10.2023.

⁴² Права граждан Соединенных Штатов Америки в Марокко (Франция против США) (1952) : доклад Комиссии по международному праву.

⁴³ Устав ООН от 24 октября 1945 г. – Раздел XVI, ст. 1.

⁴⁴ Толкование Конвенции о занятости женщин в ночное время от 1919 PCIJ Rep Ser. A/B № 50. – С. 383.

понятия «предмет и цель» при вынесении своего мнения; он назвал защиту прав работников объектом, но позднее смешал эти два понятия, заявив, что единообразная цель заключается в защите труда. Еще одна ссылка была сделана на «смысл и дух договоров»⁴⁵.

Комиссия международного права «намеренно указывает на объект и цель договора как на неотъемлемую часть его контекста, а не как на независимый элемент, так как во втором случае может появиться искаженное толкование, откроется дверь для телеологического метода, который, в свою очередь, может повлечь субъективный и своекорыстный подход к толкованию»⁴⁶. По мнению Р. Гардинера, преамбула просто имеет двойственную природу, которая подразумевает различные элементы и не смешивает текстуальный и телеологический подходы⁴⁷.

Апелляционный орган ВТО заявил, что одно из положений преамбулы Соглашения по техническим барьерам в торговле «обеспечивает соответствующий контекст для толкования в свете пункта 2 статьи 2 Венской конвенции»⁴⁸. Практика Международного Суда ООН показывает, что при наличии сомнений Суд должен принять такое толкование, которое позволит международному договору действовать в свете объекта и цели⁴⁹.

Общий подход заключается в том, что телеологический метод не может рассматриваться в качестве альтернативного, отличительного способа определения значения договорных терминов⁵⁰. По мнению

⁴⁵ Оговорки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (консультативное заключение), 1951 : доклад Международного Суда ООН.

⁴⁶ UNCLT-1. – С. 170, параграф 67.

⁴⁷ Gardiner, R. Op. cit. – С. 212–215.

⁴⁸ ВТО, США – Меры, касающиеся импорта, сбыта и продажи тунца и продукции из тунца (20 ноября 2015 г.) WT/DS381/AB/R (США – креветки), параграф 316.

⁴⁹ Симонова, Н. С., Добросовестность толкования международных договорных обязательств как элемент механизма обеспечения их выполнения: вопросы международного права и сравнительного правоведения / Н. С. Симонова // Сибир. юрид. вестник. – 2015. – № 4 (71). – С. 129.

⁵⁰ Gardiner, R. Op. cit. – С. 212–215.

И. Синклэра, объект и цель договора имеют второстепенное значение при применении общего правила толкования договорных положений. Первостепенную же роль играет определение обычного значения положений договора исходя из контекста последнего⁵¹. Такая точка зрения находит подтверждение в практике Международного Суда ООН.

Позиция, которой придерживается интенционалистская школа толкования, отражена в ее названии. Сторонники такого подхода считают, что самое главное в процессе толкования – это понять, что было на уме составителей договора, подлежащего толкованию. Этот подход также называют субъективным. Он во многом отличается от объективного текстового подхода, поскольку последний предполагает включение в текст намерений сторон. Однако школа интенционализма предполагает, что текст может отклоняться от того, что изначально предполагалось внести в заключенное соглашение, и преобладает последнее⁵².

Венская конвенция о праве международных договоров текстуально умалчивает, следует ли считать намерения средством толкования. Однако в п. 4 ст. 31 Венской конвенции говорится, что некоторые договорные термины могут иметь особое, а не обычное значение, если стороны намереваются это сделать⁵³. Бремя доказывания в этом отношении лежит на стороне, ссылающейся на особый смысл⁵⁴.

Что касается дополнительных средств, то они могут свидетельствовать о первоначальных намерениях сторон, изложенных

⁵¹ Sinclair I. M. *The Vienna Convention on the Law of Treaties*. 2nd ed. Manchester; Dover, N. H., 1984. – P. 130.

⁵² Рис, М. Толкование договоров и обращение Международного Суда ООН к подготовительным материалам: к предлагаемой поправке статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров / М. Рис // *Обзор международного и сравнительного права Бостонского университета*. – 1991.

⁵³ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml [Электронный ресурс]. – П. 4 ст. 31. – Дата доступа: 23.10.2023.

⁵⁴ Правовой статус Восточной Гренландии (Дания против Норвегии) : решение Международного Суда ООН, 1933 г. : доклад А/В No 53. – С. 49.

в подготовительных работах к договору. Использование подготовительных материалов может быть оправдано формулировкой Венской конвенции «если будет установлено, что стороны намеревались».

Подготовительные работы включают все документы, подготовленные до заключения договора: это могут быть протоколы конференций, протоколы переговоров, переписка. Часто бывает, что вопросы, возникающие в ходе толкования, уже рассматривались участниками договора при его разработке. Если какой-то вопрос живо обсуждался и голоса показывают общее согласие сторон по результату, это может служить доказательством намерений сторон. Ряд ученых особое значение при толковании придают различным вспомогательным материалам, на основе которых был разработан и принят международный договор, другие считают, что имеют значение лишь те намерения, которые зафиксированы в договорном тексте, где только последние юридически значимы и могут быть предметом толкования⁵⁵. Таким образом, обсуждение вопроса о том, меняет ли слово его обычное значение и становится ли оно своеобразным в том же контексте в ходе переговорного процесса, может выявить истинное желание сторон в отношении этого термина.

Так, по делу Локерби Соединенное Королевство Великобритании поддержало, что при принятии Устава ООН не предусматривалось намерения дачи полномочий Международному Суду ООН на юридическую оценку решений Совета Безопасности, что также подтверждено подготовительными работами к Уставу ООН⁵⁶.

Новый элемент – намерения сторон – вносится в общую картину процесса толкования международных договоров без объяснения своего места. Это приводит к тому, что суды отказываются от прямого применения п. 4 ст. 31 Венской конвенции. Было бы полезно дать

⁵⁵ Маленкова, В. С. Толкование международных договоров / В. С. Маленкова // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 10 (19). – С. 83.

⁵⁶ Lockerbie (Libya v. United Kingdom) : доклад Международного Суда ООН, 1998 г., с. 9, параграф 4.17–4.18.

четкую ссылку на дополнительные средства толкования. Однако в настоящее время применение п. 4 ст. 31 Венской конвенции является абсолютно нерациональным, если не существует процедуры ее применения.

Международный Суд ООН, как правило, высоко оценивая помощь дополнительных средств⁵⁷ в качестве вторичного средства толкования, указанного в Англо-Иранской нефтяной компании, говорит, что толкование должно «согласовываться с естественным и разумным способом чтения текста с должным учетом намерения правительства Ирана»⁵⁸. С одной стороны, именно такой стиль Международного Суда ООН должен учитывать сначала текст, а затем намерения сторон, отраженные в дополнительных средствах.

Школа интенционалистов страдает от отсутствия авторитета. Единственные триггеры его существования – особый смысл и подготовительные работы. Однако не существует процедуры определения особого значения, в отличие от обычного значения. Интуитивное применение дополнительных средств толкования для установления намерений сторон относительно такого значения не обосновано правовыми рамками. Что касается самих дополнительных правил толкования, то они могут и не являться основным источником толкования, даже если обращение к ним является более полезным, чем к другим элементам. Это происходит из-за зависимости применения ст. 32 Венской конвенции от применения ст. 31 Конвенции. Кроме того, значение слов «двусмысленный», «неясный», «абсурдный» и «неразумный» почти не оставляет шансов дать какой-либо рациональный ответ на вопрос о том, когда могут быть фактически применены дополнительные средства толкования. Однако этот подход получил определенную поддержку на практике Международного Суда ООН, что привело к ярким дискуссиям и аргументам относительно его особого характера.

⁵⁷ Территориальный спор. – Параграф 41.

⁵⁸ Дело об Англо-Иранской нефтяной компании.

В ходе анализа были исследованы три основные школы толкования – текстуальная (выяснение смысла договора путем анализа его содержания), интенционалистская (большое значение придается подготовительным материалам) и телеологическая (толкование видится в уяснении объекта и целей договора), их научный вклад в процесс толкования, приоритетность в процессе толкования любого из вышеупомянутых подходов и их способность заполнить все юридические лазейки. В конечном счете было выявлено, что процесс толкования не подчиняется установленному порядку, предусмотренному в ст. 31–32 Венской конвенции.

Правовое наследие Суда ЕАЭС 2015–2023 гг.: сравнительно-правовое измерение

А. С. Исполинов,
д. ю. н., доцент

В конце 2023 г. закончился девятилетний срок полномочий судей первого состава Суда ЕАЭС. К этой дате Судом ЕАЭС за девять лет было получено 55 заявлений о разрешении споров и 33 заявления о разъяснении.

Глядя на эти цифры, можно задаться двумя вопросами. Во-первых, это много или мало для начала деятельности суда регионального интеграционного объединения, каким является Суд ЕАЭС? Во-вторых, есть ли среди вынесенных Судом ЕАЭС решений некий аналог решения Суда ЕС по делу *Van Gend en Loos* (1963)¹ или Верховного Суда США по делу *Marbury vs Madison* (1803)², коренным образом изменивших роль этих судов и правопорядок ЕС и США и вошедших в историю и в учебники?

Отвечая на эти вопросы, можно для начала отметить, что Суд ЕАЭС по итогам первых девяти лет в целом вышел на вполне понятную нагрузку с очевидной небольшой тенденцией к росту и, что является самым важным, избежал ситуации полного отсутствия дел (как у ЕСПЧ в середине 1960-х).

В отношении евразийского аналога решения Суда ЕС по делу *Van Gend*, думается, что было бы ошибкой ждать революции от Суда, у которого был перед глазами крайне неоднозначный опыт того же Суда ЕврАзЭС, ряд решений которого привел к тому, что полномочия

¹ ECJ, case 26/62 *NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration* [1963] ECR 1.

² *Marbury v. Madison*, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803).

пришедшего ему на смену Суда ЕАЭС оказались сильно урезанными³. Заметно очевидные предпочтения Суда ЕАЭС в пользу эволюционного подхода, при котором концепции правопорядка ЕАЭС внедряются Судом понемногу, оценивая при этом реакцию государств – членов ЕАЭС. Иными словами, вместо одного революционного решения есть группа решений и заключений Суда ЕАЭС, которые в совокупности показывают неоспоримые политико-правовые достижения судей первого состава Суда ЕАЭС. К тому же не надо забывать факторы, приведшие тот же Суд ЕС к принятию решения по делу *Van Gend*, среди которых специально отобранный и срежиссированный Комиссией ЕС запрос национального суда, а также приход в Суд ЕС новых судей, что обеспечило в итоге принятие этого решения минимальным большинством (голоса судей разделились 4 на 3)⁴. При этом формулирование концепции о приоритете права ЕС было сознательно оставлено Судом ЕС на год позже и было сделано в решении по делу *Costa/Enel* (1964)⁵.

Оценивая итоги деятельности первого состава Суда ЕАЭС, необходимо, на наш взгляд, также отметить, что не произошло за эти 9 лет. Во-первых, Суд избежал открытых конфликтов с верховными и конституционными судами стран – членов ЕАЭС. У того же Суда ЕС и высших судов стран ЕС уже высветились разные подходы к приоритету права ЕС и верховенству национальных конституций. Именно на срок первого состава Суда пришелся открытый конфликт Конституционного суда ФРГ (далее – КС ФРГ) и Суда ЕС, когда в 2020 г. КС ФРГ в своем решении по делу *PSPP*⁶ реализовал на практике

³ Исполинов, А. С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств – членов Евразийского экономического союза / А. С. Исполинов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2016. – № 4. – С. 152–166.

⁴ Rasmussen, M. *Revolutionizing European law: A history of the Van Gend en Loos judgment* / M. Rasmussen // *International Journal of Constitutional Law*. – 2014. – Vol. 12, № 1. – P. 154, 136–163.

⁵ ECJ, Case 6/64 *Costa v. E.N.E.L.*, [1964] E.C.R. 585.

⁶ *Bundesverfassungsgericht [BVerfG] [Federal Constitutional Court], Case No. 2 BvR 859/15.*

зарезервированное им еще в 1974 г. право конституционного контроля нормативных актов Европейского союза. В этом решении КС ФРГ признал *ultra vires* актов, принятых Европейским центральным банком, и поэтому отказал в их применении на территории Германии. КС ФРГ также посчитал принятым с превышением полномочий полученное преюдициальное заключение Суда ЕС⁷ и отказался ему следовать.

Что же касается Суда ЕАЭС, то наиболее вероятный потенциал для конфликта с Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ) можно найти в решении Суда ЕАЭС по Польским машинам в части правовых последствий решений Суда ЕАЭС (смотри в этом отношении особое мнение судьи А. А. Федорцова).

Помимо этого, нужно отметить, что, к счастью, остались спящими нормы приложения № 16 к Договору о ЕАЭС (Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций), где говорится о праве инвестора из государства – члена ЕАЭС инициировать разбирательство в инвестиционном арбитраже против другого государства – члена Союза в отношении любых споров, «возникших в связи с инвестициями». Иными словами, в этом протоколе предусмотрена возможность оспорить в инвестиционном арбитраже (а не в Суде ЕАЭС) действия государства, принятые во исполнение им обязательств по праву ЕАЭС, и даже получить за это компенсацию (как известно, Суд ЕАЭС лишен права рассматривать вопрос о компенсации). В этом случае очевидны риски появления другого толкования права ЕАЭС и нарушения монополии Суда ЕАЭС на такое толкование. Тому же Суду ЕС и Комиссии ЕС потребовалось почти 20 лет, чтобы зачистить правовое поле ЕС от параллельной юстиции в виде арбитражного рассмотрения внутренних инвестиционных споров⁸.

⁷ CJEU, Case C-493/17 Weiss and Others ECLI:EU:C:2018:1000.

⁸ Смотри по этому поводу: Исполинов, А. С. Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Часть 1. Дело Achmea / А. С. Исполинов // Рос. юридический журнал. – 2021. – № 2 (137). – С. 56–77.

Большой точкой первых лет деятельности Суда ЕАЭС стала проблема целеполагания Суда ЕАЭС, т. е. проблема выявления целей, которые могут различаться у разных судов. Различные цели приводят к разному толкованию сходных положений, к различному распределению бремени доказывания и, соответственно, к различным итогам рассмотрения дел в этих судах. Например, провозглашенная Судом ЕС цель в виде создания «более тесного Союза» в результате приводит к необходимости ограничения доступа частных лиц к Суду, который предпочитает заниматься преюдициальными заключениями, т. е. диалогом с национальными судами, а не рассмотрением исков частных заявителей. В свою очередь, Суд ЕАЭС зачастую (например, в делах по искам о бездействии ЕЭК) действует как суд по защите прав частных лиц (предпринимателей). Такой подход открывает дорогу таким аргументам, как: а) первоочередной целью Договора является защита прав человека, поэтому все пробелы и нечеткости таких договоров должны толковаться в пользу частных лиц; б) материальные и процессуальные права частных лиц должны толковаться, насколько это возможно, в свете практики региональных судов по правам человека (отсюда ссылки в решениях Суда ЕАЭС на такую практику); в) представление о частных лицах как о слабой стороне и возложение в таких делах бремени доказывания законности своего решения на ЕЭК.

Если же целью Суда ЕАЭС является развитие интеграции, то это радикально меняет подход к толкованию Договора о ЕАЭС. При таком подходе Суду ЕАЭС требуется искать баланс между задачами создания единого рынка и обязательствами государств – членов ЕАЭС по договорам о защите прав человека. При этом итоговый баланс не всегда может быть в пользу прав человека. Также в этом случае по-другому решается вопрос бремени доказывания. Тот же Суд ЕС в исках частных лиц об аннулировании актов, принятых институтами ЕС, исходит из презумпции законности нормативных актов институтов ЕС.

Очень непросто складывались за 9 лет отношения Суда ЕАЭС и академического сообщества. Здесь ситуация напоминает другие международные суды в их первые годы, когда складывались две группы постоянных авторов, освещающих деятельность соответствующего суда. Первая группа состояла из судей и сотрудников аппарата Суда ЕАЭС, которые публиковали обзоры, разъяснения и обобщение правовых позиций Суда и в целом занимались популяризацией деятельности Суда. В силу статуса этой группы авторов их оценки Суда носили в целом комплиментарный характер по отношению к Суду. Однако бесспорным плюсом этих авторов был постоянный характер их публикаций. Во вторую группу авторов входили ученые и практики, чьи оценки деятельности Суда ЕАЭС носили более критический характер. Минусом этой группы был ее неустойчивый характер. Так же, как в случае интереса академического сообщества к ЕСПЧ и ВТО, в случае Суда ЕАЭС можно отметить первоначальный всплеск публикаций о Суде ЕАЭС, который затем сменился sporadическим интересом (можно лишь отметить статьи по поводу решения Суда ЕАЭС по спору между Российской Федерацией и Республикой Беларусь⁹ и по поводу заключения Суда ЕАЭС по делу о спортсменах¹⁰). К сожалению, не сложилась пока группа внешних авторов, анализирующих решения Суда ЕАЭС на постоянной основе (как, например, за рубежом, где иногда комментарии к решениям

⁹ Толстых, В. Л. «Небесная» и «земная» жизнь Суда Евразийского экономического союза: обзор Решения Суда от 21 февраля 2017 года по делу о соблюдении Белоруссией Договора о ЕАЭС / В. Л. Толстых // *Международное правосудие*. – 2017. – № 4 (24). – С. 18–25; Кожеуров, Я. С. Вопросы права международной ответственности в решении Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 года по делу «Российская Федерация против Республики Беларусь» / Я. С. Кожеуров // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2017. – № 12 (133). – С. 133–146.

¹⁰ Захарова, Л. И. Влияние консультативного заключения Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года на осуществление трудовой деятельности профессиональных спортсменов / Л. И. Захарова // *Международное правосудие*. – 2020. – № 1 (33). – С. 97–106; Pirker, B. *Bosman's second life? The Eurasian economic union court and the free movement of professional athletes* / B. Pirker, K. Entin // *Legal Issues of Economic Integration*. – 2019. – Vol. 46, № 2. – P. 129–148.

судов выглядят почти как апелляционные жалобы). Причины такого положения дел самые разные. Во-первых, обусловленная начальным этапом евразийской интеграции концентрация дел в Суде вокруг таможенной проблематики и вызванное этим нежелание внешних авторов вкладывать время и силы на погружение в эти достаточно сложные и при этом сухие вопросы. Кроме того, свое влияние оказывает до сих пор сохраняющееся недоверие в научных кругах к успеху евразийской интеграции, равно как и уходящая на наших глазах в прошлое концепция интеграционного права, которая мешает сосредоточиться на ЕАЭС и размывает саму идею о самобытности правопорядка ЕАЭС.

Однако надо отметить предпринятые Судом шаги, направленные на изменение к лучшему этой ситуации, среди которых в первую очередь надо отметить проведение ежегодной конференции Суда ЕАЭС. Среди мер, которые можно предложить новому составу Суда ЕАЭС, сразу на ум приходит идея о создании научно-консультативного совета при Суде ЕАЭС (на замену запросам Суда в вузы, выбираемые по усмотрению судьи-докладчика). В этом случае такой совет смотрелся бы как один из источников легитимизации решений Суда. Кроме того, витает в воздухе идея создания Ассоциации права ЕАЭС, тем более что скоро станет заметным ожидаемый прирост интеллектуального потенциала второй группы авторов за счет выходящих в отставку судей, многие из которых, возможно, пойдут в науку, при этом прекрасно разбираясь в праве ЕАЭС. Это группа авторов представляет собой бесценный потенциал для Суда ЕАЭС, который надо не потерять и умело его использовать.

Последним вопросом в оценке деятельности Суда ЕАЭС нужно отметить проблематику особых мнений судей этого Суда, которая вызвала критические оценки в доктрине¹¹. Фактом остается то, что в отличие от других судов региональной

¹¹ Толстых, В. Л. Проблема *bona fide* в деятельности международных судей / В. Л. Толстых // Международное правосудие. – 2021. – № 1 (37). – С. 57–80.

экономической интеграции в Суде ЕАЭС особые мнения разрешены. При этом практика Суда ЕАЭС показывает, что, так же, как и в Международном Суде ООН, особые мнения заявляются судьями не только применительно к решениям по спорам, но и к консультативным заключениям Суда (как в МС ООН). В разных количествах, но все без исключения судьи первого состава Суда ЕАЭС писали особые мнения, что представляет собой богатейший эмпирический материал для исследований поведения судей при принятии ими решений (за 2015–2023 гг. – 88 особых мнений). Это дает возможность не только заглянуть за кулисы Суда ЕАЭС, но и оценить влияние права на особые мнения на легитимность Суда, независимость судей и развитие правовых доктрин.

В качестве выводов можно выразить искреннюю признательность первому составу Суда ЕАЭС от всех сторонников международного правосудия и евразийской интеграции за то, что они были первыми, сумев при этом сохранить Суд и заложить основы правопорядка ЕАЭС. Новому составу судей Суда ЕАЭС остается достойное правовое наследие, которое должно послужить фундаментом для дальнейшего развития права ЕАЭС.

Формы участия интеграционных объединений в разрешении международных торговых споров: современные тенденции

А. А. Наку,

*доцент кафедры интеграционного права и прав человека
Московского государственного института международных
отношений МИД России (Москва), к. ю. н.*

Одной из форм реализации международной правосубъектности интеграционных объединений (далее – ИО) является их участие в разрешении международных споров. Однако наличие подобных правомочий свойственно далеко не всем существующим ИО и, как правило, прямо не предусмотрено в их учредительных актах. Тем не менее международные договоры, заключаемые некоторыми ИО (такими как ЕАЭС, ЕС, МЕРКОСУР, Южноафриканский таможенный союз) с третьими сторонами или между собой, содержат механизмы разрешения споров, а внутренние нормативно-правовые акты этих объединений устанавливают полномочия их органов (институтов) представлять общие интересы государств-членов в процессе урегулирования.

Согласно решению Совета ЕЭК от 2 декабря 2015 г. № 85 о порядке взаимодействия между государствами-членами и ЕЭК по вопросам международных торговых споров с третьими сторонами, под международными торговыми спорами (далее – МТС) понимаются споры, относящиеся к двум категориям: 1) споры, стороной которых является сам ЕАЭС на основании заключенных им международных договоров; 2) споры в отношении принятых Союзом мер, в которых ответчиком (ответчиками) выступает одно или несколько государств-членов на основании либо Соглашения об учреждении ВТО, либо международного договора Союза с третьей стороной.

Отталкиваясь от приведенного выше определения, можно предложить аналогичную категоризацию МТС и для иных ИО: 1) споры, стороной в который выступает само ИО; 2) споры, сторонами в которых выступают одно или несколько государств-членов, но предметом которых являются общие меры, принятые на уровне ИО в отношении торговли с третьими сторонами.

Соответственно, исходя из наличия, объема и механизмов реализации международной правосубъектности ИО, их участие в разрешении МТС можно свести к **четырем модельным формам**:

1. ИО участвует в разрешении споров первой категории как сторона спора;
2. Только государства-члены участвуют в разрешении споров второй категории;
3. Совместное участие ИО и его государств-членов в разрешении МТС;
4. ИО и государства-члены не участвуют в спорах ни первой, ни второй категории; государства-члены выступают сторонами в МТС, затрагивающих только их национальные меры регулирования торговли с третьими странами.

Классическим примером реализации **первой модели** является Европейский союз (ЕС). Еще в 1962 г. в ходе многосторонних торговых переговоров в рамках ГАТТ 1947 г. был подписан Протокол о согласовании единой схемы тарифных уступок Европейского экономического сообщества (ЕЭС) вместо ранее согласованных уступок тогдашних государств – членов Сообщества. Как следствие, ЕЭС стало формально фигурировать в качестве стороны в торговых спорах, разрешаемых по ГАТТ 1947 г. Первый такой спор по условиям импорта мяса птицы был инициирован между ЕЭС и США в октябре 1963 г. Став в 1994 г. членом – учредителем ВТО совместно с его государствами-членами, Сообщество (а после вступления в силу Лиссабонского договора – Союз) признало обязательную силу Соглашения об учреждении ВТО и приложений к нему, в том числе Договоренности в отношении

правил и процедур разрешения споров (ДРС). По состоянию на февраль 2023 г. ЕС является стороной в 54 текущих спорах, рассматриваемых в Органе по разрешению споров (ОРС) ВТО: в 30 как истец и в 24 как ответчик. Споры в ОРС с участием ЕС охватывают вопросы применения антидемпинговых и компенсационных мер, нетарифных ограничений, налогов и паратарифных сборов на импорт, условия доступа к государственным закупкам и доступа на рынки услуг, торговые аспекты прав интеллектуальной собственности и т. д. Противниками ЕС в текущих спорах являются 17 стран – членов ВТО, наибольшее количество споров ведется с США, Россией и КНР. После выхода Великобритании из ЕС в 2020 г. в ОРС был инициирован спор между этими сторонами: в марте 2022 г. ЕС потребовал консультаций в связи с претензиями о несоответствии британских мер поддержки производства низкоуглеродной электроэнергии обязательствам страны по ГАТТ 1994 г.

Парадоксальным примером участия ЕС в разрешении споров в ВТО является спор по жалобе Дании, государства – члена ЕС, против самого ЕС. В 2013 г. Дания, представляющая в ВТО интересы своего автономного региона Фарерских островов, не входящего в таможенную территорию ЕС, запросила ОРС о консультациях с ЕС относительно предпринимаемых последним мер экономического давления на рынке сельди и макрели. До рассмотрения в третейской группе дело не дошло – в 2014 г. стороны уведомили ОРС об урегулировании спора.

Для преодоления невозможности апелляционного рассмотрения решений докладов третейских групп в связи с длительным (с декабря 2019 г.) отсутствием кворума в Апелляционном органе ВТО, ЕС совместно с 25 другими членами ВТО участвует в Многостороннем временном апелляционном арбитражном соглашении. Первой апелляционной жалобой, поданной ЕС на основе этого соглашения, стала жалоба на решение третейской группы по спору с Колумбией в связи с ее антидемпинговыми мерами в отношении замороженного картофеля, происходящего из ряда государств – членов ЕС.

ДРС и многосторонние торговые соглашения ВТО являются не единственной международно-правовой базой участия ЕС в МТС. Так, на основании Договора к Энергетической хартии ЕС в качестве ответчика принимал участие в двух инвестиционных спорах, инициированных в 2019 г.: с латвийским банком AS PNB Banka и связанными с ним инвесторами-гражданами Великобритании и со швейцарской компанией Nord Stream 2 AG (оператором газопровода «Северный поток – 2»). (Прямые иностранные инвестиции вошли в исключительную компетенцию ЕС в сфере общей торговой политики после вступления в силу Лиссабонского договора.) Другой пример – участие ЕС в спорах, разрешаемых на основании Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Как сторона Конвенции ЕС может выступать истцом или ответчиком в Международном трибунале по морскому праву (МТМП) или участвовать в альтернативных арбитражных процедурах. В процессе рассмотрения некоторых дел в МТМП (спора между Ирландией и Великобританией в 2001 г. относительно строительства завода по переработке ядерного топлива, запроса Субрегиональной комиссии по рыболовству в 2013 г. о консультативном заключении по толкованию некоторых положений Конвенции) ЕС выступал лишь в качестве участника публичных слушаний, тогда как в арбитражном разбирательстве по жалобе Фарерских островов в 2013 г. ЕС фигурировал как ответчик – эта жалоба касалась тех же претензий, которые легли в основу вышеупомянутого спора между Данией и ЕС в ОРС.

Но если МТС с участием одного или нескольких государств – членов ЕС возникает на основании международного договора (конвенции), в котором сам ЕС не участвует, то применяется **вторая модель**.

ЕС участвует в целом ряде двусторонних соглашений с третьими сторонами, предусматривающих собственные механизмы разрешения МТС (соглашения о свободной торговле, взаимных торговых преференциях, защите инвестиций, непреференциальные соглашения,

в т. ч. с Арменией и Казахстаном). На текущий момент ЕС имеет опыт участия в рассмотрении трех споров, инициированных на основе таких двусторонних торговых соглашений¹. Кроме того, ЕС имеет опыт участия в споре с другим ИО – рассмотренная в 2019–2022 гг. жалоба ЕС на защитные меры, введенные Южноафриканским таможенным союзом (ЮАТС) в отношении мороженого куриного мяса из ЕС. Для подачи и рассмотрения жалобы были задействованы правила рассмотрения споров, установленные Соглашением об экономическом партнерстве 2016 г. между ЕС и шестью государствами, состоящими в Сообществе развития Юга Африки: Ботсваной, Лесото, Мозамбиком, Намибией, Эсватини (бывший Свазиленд) и ЮАР. В ЮАТС состоят только четыре из этих шести государств: Ботсвана, Лесото, Эсватини и ЮАР. Тем не менее Соглашение об экономическом партнерстве прямо предусматривает коллективное участие государств – членов ЮАТС в спорах с ЕС, если такие споры затрагивают их совместные действия в рамках ЮАТС (каковыми и являлись оспариваемые защитные меры). Окончательный доклад арбитражной панели по этому спору был опубликован в августе 2022 г., претензии ЕС были удовлетворены частично.

Отдельной, характерной для ЕС категорией МТС являются споры, инициируемые Европейской комиссией (ЕК) на основе так называемого регламента о торговых барьерах. Понятие «торговые барьеры» для целей применения данного регламента включает любые меры регулирования торговли, допустимые в третьих странах, но запрещенные международным правом (в том числе нормами ВТО

¹ Спор с Южной Кореей по вопросу несоблюдения последней вытекающих из соглашения о свободной торговле с ЕС обязательств по устойчивому развитию – в 2021 г. панель арбитров подтвердила обоснованность претензий ЕС; спор по соглашению об ассоциации с Украиной в отношении запрета на экспорт леса – доклад арбитражной панели 2020 г.; консультации между ЕС и Алжиром, начатые в 2020 г. по правилам заключенного между ними в 2002 г. соглашения об ассоциации, связанные с введенными Алжиром запретами и ограничениями импорта.

и двусторонними соглашениями ЕС), которые затрудняют или могут затруднить экспорт товаров или услуг из ЕС. По жалобе производителей ЕС или аффилированных с ними предприятий из третьих стран ЕК проводит расследование на предмет наличия торгового барьера и его негативных последствий для ЕС и по результатам расследования предпринимает ответные меры, которые в том числе могут выражаться в возбуждении спора в ОРС ВТО либо в ином соответствующем характеру торгового барьера судебном, арбитражном или переговорном порядке. Так, в 1998 г. ЕК провела расследование в отношении введенного Чили запрета на транзит и перегрузку в своих портах рыбьей икры; был возбужден спор в ОРС ВТО, но в ходе консультаций между ЕК и Правительством Чили в 2010 г. удалось достичь взаимоприемлемого решения. В 1999 г. ЕК рассмотрела жалобу Консорциума производителей Пармской ветчины на незаконное использование товарного знака Parma канадским производителем конкурирующей продукции и вынесла спорный вопрос на рассмотрение подкомитета по торговле и инвестициям, образованного в рамках действовавшего в тот период торгового соглашения между ЕС и Канадой. Позиция ЕК способствовала регистрации в Канаде товарного знака Prosciutto di Parma европейскими производителями и отклонению Федеральным судом Канады требования канадского конкурента отменить эту регистрацию. В том же 1999 г. ЕК провела расследование по жалобе Европейской федерации фармацевтических предприятий и ассоциаций на дискриминационные условия доступа некоторых видов лекарств на рынок Южной Кореи. Результатом консультаций с правительством Южной Кореи стало подписание специального приложения по фармацевтической продукции к Соглашению о свободной торговле. В 2020 г. в ЕК поступила жалоба Европейской ассоциации производителей керамической плитки на новые технические регламенты Саудовской Аравии, существенно затрудняющие экспорт плитки в эту страну из ЕС. В марте 2022 г. по результатам переговоров было получено согласие Саудовской Аравии на изменение технических

регламентов, и в настоящее время ЕК осуществляет мониторинг исполнения достигнутых договоренностей.

Характерным для ЕС явлением является наличие вторичного права, регулирующего последствия проигрыша международного спора. Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 2015/476 о мерах, принимаемых Союзом после одобрения отчета ОРС в отношении антидемпинговых и компенсационных мер, предусматривает определенные действия ЕК, в частности отмену или изменение оспариваемой антидемпинговой или компенсационной меры, с целью выполнения решений и рекомендаций ОРС. Последствия проигрыша международных инвестиционных споров для ЕС установлены Регламентом Европейского парламента и Совета ЕС № 912/2014, который содержит правила распределения финансовой ответственности между Союзом и государствами-членами.

Потенциально к **первой модели** можно отнести и ЕАЭС. Хотя Договор о ЕАЭС не упоминает о возможности Союза участвовать в разрешении споров с третьими сторонами, но в ст. 7 наделяет Высший Евразийский экономический совет правом устанавливать порядок осуществления Союзом международного сотрудничества. Решение Высшего совета от 23 декабря 2014 г. № 98 о Регламенте работы ЕЭК вместе с дополняющим его решением от 16 октября 2015 г. № 21 уполномочивают Совет ЕЭК утверждать порядок взаимодействия ЕЭК и государств-членов при возникновении торгового спора между Союзом и третьей стороной, а также принимать решения об инициировании МТС от имени Союза. Тем самым из совокупности норм ст. 7 Договора о ЕАЭС и вышеуказанных решений Высшего совета вытекает наличие у Союза компетенции по участию в МТС, а у ЕЭК – по координации позиций государств-членов в процессе возбуждения и разрешения таких споров.

Практический опыт участия ЕАЭС в разрешении МТС первой категории на данный момент отсутствует, но правила и процедуры разрешения таких споров, если они возникнут в будущем, заложены во всех

действующих торговых соглашениях ЕАЭС с третьими странами. При этом если Соглашение 2018 г. о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР предполагает лишь дипломатический механизм урегулирования вытекающих из него споров – путем консультаций с целью достижения взаимоприемлемого решения, то другие соглашения содержат многоступенчатые процедуры разрешения споров, включающие в том числе формирование арбитражных органов. Согласно Временному соглашению, ведущему к образованию зоны свободной торговли с Ираном, сторонами в споре могут выступать либо государства – члены ЕАЭС индивидуально, либо государства-члены совместно с Союзом, либо сам Союз самостоятельно (то есть **и первая, и вторая, и третья модели**). Если оспариваемая Ираном мера принята Союзом, ответчиком в споре будет ЕАЭС, а если одним или несколькими государствами-членами – соответствующие государства-члены. Аналогичная норма установлена в приложении 5 «Разрешение споров» Соглашения о зоне свободной торговли с Сербией. Соглашение о свободной торговле с Вьетнамом предусматривает, что споры по одному и тому же вопросу между одними и теми же сторонами, возникающие одновременно и на основании данного соглашения, и на основании Соглашения об учреждении ВТО, могут разрешаться в рамках любого из предусмотренных указанными соглашениями способа по выбору стороны-истца; при этом выбранный истцом способ разрешения спора исключает использование другого способа.

Государства – члены ЕАЭС имеют опыт рассмотрения МТС второй категории в ОРС. Первый спор подобного рода затрагивал обстоятельства, возникшие еще до образования ЕАЭС, а именно введение Коллегией ЕЭК в 2013 г. антидемпинговых пошлин в отношении легких коммерческих автомобилей, производимых в Германии и Италии. Другой спор в ОРС был возбужден ЕС против России в отношении несоответствия размера некоторых ставок пошлин Единого таможенного тарифа максимальным ставкам, зафиксированным в протоколе об условиях вступления

России в ВТО. Наконец, в 2017–2018 гг. Украина запросила ОРС о проведении консультаций с Казахстаном, Арменией и Кыргызстаном относительно антидемпинговых пошлин, введенных решением Коллегии ЕЭК в 2016 г. на некоторые виды стальных труб украинского происхождения. На данный момент все три спора формально остаются на стадии консультаций, третейские группы по ним не сформированы.

МЕРКОСУР также демонстрирует тенденцию к параллельному применению и **первой, и второй модели**. Опубликованный в 2019 г. проект торговой части расширенного торгового соглашения МЕРКОСУР с ЕС содержит положения, позволяющие ЕС инициировать торговый спор с МЕРКОСУР в целом или с отдельными его государствами-членами в зависимости от того, на каком уровне принимаются затрагивающие ЕС меры. В свою очередь МЕРКОСУР и его государства-члены могут инициировать спор только в отношении ЕС в целом, даже если оспариваемые меры принимаются на уровне отдельных государств – членов ЕС. При этом МЕРКОСУР, как и ЕАЭС, не является коллективным членом ВТО и не может выступать стороной спора в ОРС. Государства – члены МЕРКОСУР участвуют в рассмотрении споров в ВТО самостоятельно и, более того, обращаются в ОРС для разрешения торговых разногласий между собой².

Процедуры разрешения споров установлены и в действующем с 2016 г. Преференциальном торговом соглашении между МЕРКОСУР и ЮАТС. Сторонами спора могут выступать как сами ИО, так и их государства-члены (**первая и вторая модели**). У истца есть выбор между процедурами разрешения споров по Соглашению или по ДРС, но споры по специальным защитным, антидемпинговым и компенсационным мерам могут быть рассмотрены только в ОРС.

² Например, спор DS355 по жалобе Аргентины на антидемпинговые меры Бразилии в отношении смол из Аргентины и спор DS241 по жалобе Бразилии на введение Аргентиной антидемпинговой пошлины на мясо птицы из Бразилии.

Наличие у ЮАТС полномочий выступать в качестве единой стороны международного спора в силу рассмотренных выше соглашений с ЕС и МЕРКОСУР свидетельствует о возможности реализации международной правосубъектности этого объединения через участие в МТС также по **первой модели**, а рассмотренный спор с ЕС наделят ЮАТС и практическим опытом такого участия.

Для большинства современных ИО характерна **четвертая модель**. Одним из примеров является АСЕАН, чьи государства-члены, хотя не образуют ни таможенный, ни экономический союз, выступают единым блоком при заключении торговых соглашений с третьими странами. Так, в развитие Рамочного соглашения о всестороннем экономическом сотрудничестве между государствами – членами АСЕАН и КНР стороны в 2004 г. заключили отдельное Соглашение о механизме разрешения споров. Стороной спора по Соглашению может выступать одно или несколько государств – членов АСЕАН, но не сам АСЕАН, который не имеет необходимой для этого международной правосубъектности. Другие примеры: Андское сообщество, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Центральноамериканский общий рынок (с 1965 г. функционирует как Таможенный союз). Всем им свойственно отсутствие механизмов совместного участия в международных спорах с третьими сторонами и использование ДРС для разрешения споров между собой³.

С целью укрепления своей международной правосубъектности ЕАЭС необходимо осуществить переход к первой модели участия в МТС. В этой связи имеет смысл обеспечить следующее.

Во-первых, переход на безальтернативные условия участия ЕАЭС в спорах, вытекающих из торговых соглашений с третьими

³ Примеры: спор DS496 по жалобе Вьетнама на введенные Индонезией специальные защитные меры в отношении изделий из железа и стали; спор DS575 по жалобе Венесуэлы на введенные Колумбией ограничения на дистрибуцию жидкого топлива; спор DS527 по жалобе Катара на меры Бахрейна по регулированию торговли товарами, услугами и объектами интеллектуальной собственности; спор DS201 в отношении действий Никарагуа по ограничению импорта товаров из Гондураса.

сторонами. Стороной спора должен выступать только ЕАЭС в целом, даже если оспариваемые меры приняты отдельными государствами-членами (аналогично соглашениям ЕС). Для разрешения споров со странами-партнерами по торговым соглашениям должны использоваться процедуры, предусмотренные самими соглашениями, с минимизацией возможности передачи спора в ОРС ВТО.

Во-вторых, развитие механизмов противодействия «иностранным торговым барьерам» (по примеру ЕС) с наделением ЕЭК компетенциями по представлению интересов экспортеров ЕАЭС в ходе судебных, арбитражных и переговорных процедур с третьими странами.

В-третьих, формирование механизмов исполнения решений по итогам рассмотрения МТС на уровне Союза и распределения финансовой ответственности между Союзом и государствами-членами в случае проигрыша споров (хотя в идеале таких случаев быть не должно).

В-четвертых, недопущение возможности разрешения споров между государствами-членами вне рамок Договора о ЕАЭС, в том числе за счет необходимого расширения полномочий Суда ЕАЭС.

Прямые и косвенные налоги: подходы в практике судов интеграционных объединений¹

К. А. Пономарева,

*ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики
Научно-исследовательского финансового института
Министерства финансов Российской Федерации, д. ю. н., доцент*

Развитие налогового права интеграционных объединений обусловлено дуализмом прямых и косвенных налогов. Несмотря на условность, деление налогов на прямые и косвенные имеет основополагающее значение². Соотношение прямых и косвенных налогов в структуре доходов национальных бюджетов является одним из структурных показателей налоговой системы государства.

Экономические и политические процессы в интеграционных объединениях сопровождаются сближением правовых систем их государств-членов. Направлением гармонизации, которое одновременно важно с точки зрения формирования внутреннего рынка (косвенные налоги) и чувствительно с точки зрения суверенитета (прямые налоги), является сфера налогообложения.

Рассмотрим отдельные аспекты интеграционных процессов в налоговой сфере на примере практики Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС). Он как наднациональный судебный орган наделен полномочиями по разрешению споров по вопросам

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10160 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>. – Дата доступа: 15.11.2023.

² Пономарева, К. А. Правовой режим налогообложения прибыли юридических лиц и доходов физических лиц в Российской Федерации и Европейском союзе: сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / К. А. Пономарева. – М., 2020. – С. 148.

применения источников права ЕАЭС, а также по разъяснению их положений. В силу Договора о ЕАЭС Суду ЕАЭС подсудны налоговые споры, связанные с толкованием соглашений о косвенном налогообложении в рамках ЕАЭС и споры об интерпретации договорно-правовой базы ЕАЭС об особенностях определения резидентства физических лиц – налогоплательщиков из стран ЕАЭС.

Вопросы трансграничного налогообложения могут становиться предметом исследования Суда ЕАЭС, в том числе в процедуре реализации консультативной компетенции. Акты Суда ЕАЭС позволяют не только разрешить спор, но и устранить возможные коллизии в праве, а также противоречивость его понимания. Растет роль актов Суда как актов толкования.

Правовая природа прямых и косвенных налогов

Косвенные налоги, в отличие от прямых, гармонизированы на уровне любого интеграционного объединения, поскольку являются прямым препятствием свободной торговле. Прямое налогообложение стало предметом наднационального регулирования относительно недавно и имеет меньшее влияние на функционирование союзной экономики по сравнению с косвенным³.

В отличие от косвенных прямые налоги не оказывают столь ощутимого влияния на ценообразование и величину торгового оборота между государствами, однако различия в размере ставок, порядке формирования налоговой базы и перечне применяемых налоговых льгот могут создать неравные условия осуществления экономической деятельности в государствах – членах ЕАЭС и привести к различиям в инвестиционной привлекательности этих стран, создавая налоговую конкуренцию. Единственное, чем может быть обусловлена необходимость гармонизации в сфере налогообложения прибыли и доходов, – обеспечение равных условий осуществления экономической деятельности в государствах – членах ЕАЭС: разный уровень налоговой

³ Пономарева, К. А. Указ. соч. – С. 103.

нагрузки ведет к обострению конкуренции государств-членов и стимулирует налогоплательщиков к оптимизации налоговых платежей, нередко посредством искусственного перераспределения средств.

Вопросы налоговой интеграции в практике Суда Евразийского экономического союза

Проблемы налоговой интеграции в практике Суда ЕАЭС исследовались в контексте достаточно широкого круга правовых вопросов. Так, в деле о лизинге⁴ запрос был подан с целью разъяснения неопределенности в отношении статуса лизинговых компаний, которые не являются банками, в контексте применения норм Договора о Евразийском экономическом союзе⁵ и соответствующих протоколов. В консультативном заключении Суд ЕАЭС поддержал позицию Министерства юстиции Российской Федерации, признав, что лизинговые услуги, предоставляемые лизинговыми компаниями, не являющимися банками, подпадают под регулирование Протокола по финансовым услугам.

Интересно, что правовая природа лизинговых платежей вызывала вопросы и в российской судебной практике. Более того, налогово-правовая характеристика трансграничных выплат по договорам лизинга является одним из самых сложных вопросов международного налогообложения: в зависимости от того, какая статья соглашений об избежании двойного налогообложения будет соответствовать этим платежам, будет определять размер ставки, применяемой к ним (проценты, роялти, доходы от предпринимательской деятельности, иные доходы). Подобная ситуация возникла в деле «Койлтубинг-сервис», в котором суды оценивали возможность применения статьи «Проценты»

⁴ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза по делу *P-1/20 о лизинге* [Электронный ресурс] : 10 июля 2020 года. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaecu/P-1.20/. – Дата доступа: 15.11.2023.

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 16.01.2015.

к вознаграждению лизингодателя, представляющему собой доход от предоставления финансирования⁶.

Примером налогового спора, рассмотренного Судом ЕАЭС в 2022 г., стало дело, основанием которого стало обращение в Суд ЕАЭС Министерства экономики и коммерции Кыргызской Республики с заявлением о разъяснении п. 6 ст. 72 Договора о ЕАЭС, в частности того, облагается ли косвенными налогами импорт товаров на территорию одного государства – члена Союза с территории другого государства – члена Союза в связи с их передачей в пределах одного юридического лица для дальнейшей реализации. 22 октября 2022 г. Суд ЕАЭС вынес консультативное заключение по данному заявлению⁷.

Указанное заключение продолжило практику консультативных заключений Суда ЕАЭС по запросу государств – членов ЕАЭС, которая в свое время укрепилась после рассмотрения дела о лизинге, инициированным по запросу Министерства юстиции Российской Федерации. До этого запросы на консультативные заключения, как правило, исходили от Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК).

Компания, зарегистрированная в Республике Казахстан, осуществляла передачу товаров со склада по месту регистрации на склад своего филиала, зарегистрированного в Кыргызской Республике. Передача товаров оформлялась внутренней накладной на перемещение, так как филиал и компания являются одним юридическим лицом и переход права собственности при перемещении товара не происходил. После этого товары реализовывались на территории Кыргызской Республики, в отношении чего выставлялись первичные акты и уплачивался налог на добавленную стоимость (далее – НДС) на внутренние поставки

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2020 № 302-ЭС20-7898 по делу № А33-5439/2019.

⁷ О разъяснении пункта 6 статьи 72 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс] : консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза по делу *P-2/22 о косвенных налогах*, 12 октября 2022 г. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/. – Дата доступа: 15.11.2023.

в Кыргызской Республике. По результатам выездной внеплановой проверки филиала компании Государственная налоговая служба Кыргызской Республики предъявила требование по уплате НДС с момента начала деятельности с учетом пени и штрафов.

Следует отметить принципиальную разницу между двумя правовыми режимами НДС, которые требуют закрепления правил места налогообложения для реализации принципа назначения не только для поставок В2С (от бизнеса к конечному потребителю), которые связаны с конечным потреблением, но и для поставок В2В (между компаниями с целью последующей реализации), даже если такие поставки не связаны с конечным потреблением. Поставки В2В облагаются налогом в соответствии с поэтапным процессом взимания НДС, и в этом контексте правила места налогообложения должны облегчить налогообложение конечного потребления по принципу назначения.

Соответственно, и Большая коллегия Суда ЕАЭС исходит из того, что экспортер не является конечным потребителем экспортируемого товара, и полагает, что налоговое бремя в виде косвенного налога уже им оплачено и не должно возлагаться на такого налогоплательщика.

В данном деле необходимо отметить особое мнение Т. Н. Нешатаевой, в котором было отмечено, что «из взаимосвязанных положений п. 6 ст. 72 Договора о ЕАЭС следует узкий перечень случаев, при которых косвенные налоги не взимаются при импорте на территорию государства-члена... а термин “передача”, употребленный в пп. 3 п. 6 ст. 72 Договора, означает, что филиал является конечным получателем импортируемого товара, не облагаемого НДС, который будет использован исключительно индивидуально, для нужд функционирования филиала, а не реализовываться в рамках торговых (коммерческих) сделок с третьими лицами»⁸. Таким образом, в особом мнении рассматривается ранее описанная нами дихотомия налогообложения

⁸ Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. по делу *P-2/22 о косвенных налогах* [Электронный ресурс] : 12 октября 2022 г. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/. – Дата доступа: 15.11.2023.

в секторах В2В и В2С. Более того, предмет рассмотрения расширен с налоговых вопросов до вопросов международного частного права, которые не рассматривались Судом ЕАЭС при рассмотрении налогового спора.

В особом мнении существенное внимание уделяется классической для налогового права концепции существа над формой. С одной стороны, Т. Н. Нешатаева справедливо указывает, применяя, выражаясь в терминологии налогового права, сквозной подход, что общество и его филиал в Кыргызской Республике являются в совокупности дочерним предприятием зарегистрированной в Швеции материнской компании, а фактическим бенефициаром налоговой льготы, установленной в подп. 3 п. 6 ст. 72 Договора, является транснациональная корпорация «Эпирок». Однако формально налогоплательщиками государств – членов ЕАЭС являются дочерние общества, учрежденные по национальному законодательству соответствующих государств. Круг налогоплательщиков НДС определен ст. 253 Налогового кодекса Кыргызской Республики⁹. И даже вывод о том, что фактическим получателем дохода в такой цепочке является материнская компания, находящаяся за пределами ЕАЭС, не позволяет формально применить к данной группе нормы иностранного права, поскольку нормы международного частного права и национального налогового права здесь не соотносятся между собой. В данном случае применяется установленный во многих странах подход к национальному налогоплательщику с точки зрения страны учреждения организации.

Если проводить параллели с национальным правом отдельных государств – членов ЕАЭС, то для российских налогоплательщиков рассмотренное разъяснение Суда ЕАЭС совпадает со сложившейся практикой применения аналогичной нормы. Минфин России неоднократно указывал на отсутствие необходимости уплаты ввозного НДС

⁹ Налоговый кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: 18 янв. 2022 г., № 3. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31756556&pos=6;-106#pos=6;-106. – Дата доступа: 15.11.2023.

в случае, когда филиал российской компании, созданный на территории иностранного государства, закупил и передал товар на территорию Российской Федерации в головную организацию¹⁰.

Заключение

Договор о ЕАЭС и другие наднациональные акты показывают весьма ограниченные пределы налоговой гармонизации: это в основном косвенное налогообложение, в частности установление принципов взимания косвенных налогов в государствах-членах, установление общего перечня подакцизных товаров, гармонизация (сближение) ставок акцизов по наиболее чувствительным подакцизным товарам, а в части прямого налогообложения – запрет дискриминации при налогообложении доходов физических лиц.

В отличие, например, от Суда справедливости Европейского союза, Суд ЕАЭС не наделен полномочиями по рассмотрению дел о несоблюдении норм права ЕАЭС национальными правительствами или о неисполнении решений ЕЭК и применению соответствующих санкций¹¹. Наделение Суда ЕАЭС подобными полномочиями, включая наложение штрафных санкций в отношении государства-члена или уполномоченного органа государства – члена ЕАЭС за неисполнение принятых решений Комиссии, позволило бы повысить эффективность механизмов евразийской интеграции.

¹⁰ Письма Минфина России от 30.11.2020 № 03-07-14/104263, от 30.05.2022 № 03-07-13/1/50416, от 30.05.2017 № 03-07-13/1/33118.

¹¹ Пономарева, К. А. Указ. соч. – С. 213.

Актуальные вопросы применения отраслевых положений права ЕАЭС

Применение таможенной процедуры
транзита товаров в свете перспективных
технологий в рамках таможенного
администрирования

Н. К. Байназаров,

*заместитель директора Департамента таможенного
законодательства и правоприменительной практики
Евразийской экономической комиссии*

Добрый день, уважаемые участники нашей
тематической сессии «Актуальные вопросы применения
отраслевых положений права Союза»

Одной из важнейших задач таможенного блока Комиссии на самую ближайшую перспективу является обеспечение эффективного таможенного администрирования в условиях увеличения объема

транзитных грузоперевозок и повышение качества услуг для всех участников процесса.

Таможенное регулирование всегда находится на стыке интересов государства и бизнеса. Государственным органам важно обеспечить экономическую безопасность. Бизнесу нужны простое и понятное таможенное регулирование, выборочный и прогнозируемый таможенный контроль, отсутствие неоправданных финансовых затрат.

Упрощение и ускорение таможенных операций достигается за счет совершенствования и внедрения современных технологий, которые обеспечивают прозрачность всего процесса перевозки.

Главой 22 Таможенного кодекса Таможенного союза регламентировано применение таможенной процедуры транзита, где установлены содержание, условия помещения, сроки, места доставки, обеспечение исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов и завершение таможенной процедуры транзита.

В соответствии со ст. 142 Кодекса, таможенная процедура таможенного транзита – эта таможенная процедура, в соответствии с которой товары перевозятся (транспортируются) от таможенного органа отправления до таможенного органа назначения без уплаты таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин при соблюдении условий помещения товаров под эту таможенную процедуру.

Однако на практике возникают различные вопросы применения таможенной процедуры транзита: это задержки контролирующими органами Союза транспортных средств, досмотры и осмотры грузовых отсеков транспортных средств, а также вопросы экспорта и перемещения товаров во взаимной торговле, что негативно влияет на бизнес государств – членов Союза.

В этой связи Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. была предусмотрена работа по разработке Соглашения о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок,

которое подписано 19 апреля 2022 г. и вступило в силу с 3 апреля текущего года.

Данное соглашение является основополагающим документом, которым в Союзе вводится регулирование нового института контроля за перевозкой товаров и транспортных средств – навигационных пломб.

Сфера действия Соглашения распространяется исключительно на перевозки, осуществляемые по территориям двух и более государств – членов Союза.

Использование указанной технологии позволяет на расстоянии сотен и тысяч километров в онлайн-режиме наблюдать за транспортным средством и фиксировать каждое незаконное действие с товарами, находящимися в опломбированном грузовом отсеке, если они будут иметь место.

Соглашение направлено на минимизацию мер государственного контроля при перевозках товаров (при транзите, экспорте и в рамках взаимной торговли) и обеспечение их законного оборота.

Отслеживаться будут автомобильные и железнодорожные перевозки. Предполагается, что использование навигационных пломб позволит государствам-членам оптимизировать систему управления рисками и минимизировать случаи досмотров и осмотров содержимого грузовых отсеков транспортных средств. В Соглашении напрямую предусмотрена соответствующая норма.

За счет минимизации мер государственного контроля сократятся издержки перевозчиков, в первую очередь это время, которое сейчас теряют перевозчики на проведение физического контроля различными контролирующими органами.

Также применение отслеживания гарантирует прозрачность перевозки, снизится доля «серого», теневого товарооборота, от которого страдают добросовестные производители и потребители.

В промышленную эксплуатацию данный механизм планируется запустить уже в начале 2024 г. Сейчас активно идет процесс подготовки к его запуску.

Для начала практического применения Соглашения необходима реализация ряда мероприятий как на уровне Комиссии, так и на национальном уровне. Перечень таких мероприятий закреплен в Плане мероприятий (дорожной карте, утвержденной распоряжением Совета Комиссии от 21 апреля 2023 г. № 12) и включает:

- ***со стороны Комиссии:***

- разработку и принятие актов Совета и Коллегии Комиссии в течение **180 дней** – с даты вступления Соглашения в силу;

Справочно:

Большинство актов Совета и Коллегии Комиссии уже приняты (за исключением двух актов, перечень изъятий и снятие НП в пути следования).

- принятие решения Комиссии о старте применения навигационных пломб.

- ***со стороны государств-членов:***

- определение уполномоченных операторов или органов исполнительной власти, выполняющих функции национального оператора (30 дней) – с даты вступления Соглашения в силу;

Справочно:

Практически во всех странах национальные операторы уже определены.

- разработку уполномоченными операторами (органами) временных интеграционных технологических решений информационного взаимодействия (**90 дней**) – с даты вступления в силу актов Комиссии;

- получение от государств-членов уведомлений о готовности уполномоченных операторов (органов) к принятию временных интеграционных технологических решений (п. 4 ст. 18);

– заключение соглашения о взаимодействии между уполномоченными операторами (органами) государств – членов Евразийского экономического союза;

Справочно:

Межоператорское соглашение имеет высокую степень готовности.

– взаимодействия между контролирующими органами государства-члена и уполномоченным оператором (органом);

– определение цен (тарифов) на услуги национальных операторов и др.

– предоставление сведений о товарах, к которым применяются специальные экономические меры.

Вместе с тем, понимая, что и участникам ВЭД, и контролирующим органами нужно подготовиться к указанным изменениям, государствами-членами организовано проведение ряда экспериментов по применению навигационных пломб:

1) в отношении лесоматериалов и продуктов деревообработки, перевозимых автомобильным транспортом, помещенных под таможенную процедуру экспорта в Республике Беларусь и убывающих с территории **Российской Федерации** (в рамках распоряжения Совета Евразийской экономической комиссии от 17 октября 2022 г. № 29);

2) в отношении перевозок товаров во взаимной торговле между **Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией** железнодорожным и автомобильным видами транспорта (в рамках распоряжения Евразийского межправительственного совета от 21 октября 2022 г. № 25).

Проверка и отработка работоспособности данного механизма в условиях экспериментов позволит плавно приступить к применению навигационных пломб на всей территории Союза, которое в соответствии с Соглашением разбито на 3 этапа, исходя из категорий товаров и видов транспорта, которыми они будут перемещаться.

На 1 этапе (*ориентировочно с января 2024 г.*) это новшество коснется:

– санкционных и отдельных видов подакцизных товаров (алкоголь/табак), перевозимых автомобильным и (или) железнодорожным видами транспорта в соответствии с таможенными процедурами транзита, экспорта, а также перемещаемых между государствами-членами в рамках взаимной торговли;

– отдельных категорий товаров (одежда, обувь, техника), перевозимых автомобильным транспортом в соответствии с таможенной процедурой транзита.

На 2 этапе (*ориентировочно с июля 2024 г.*):

– иных категорий товаров, не охваченных 1-м этапом, перевозимых автомобильным транспортом в соответствии с таможенной процедурой транзита;

– отдельных категорий товаров (одежда, обувь, техника), а также иных товаров, определенных Комиссией, перевозимых железнодорожным транспортом в соответствии с таможенной процедурой транзита.

Ну и на последнем, 3 этапе (*ориентировочно с мая 2025 г.*) применение навигационных пломб будет распространено на перевозки иных категорий товаров, не охваченных 2-м этапом, осуществляемые железнодорожным транспортом в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита.

Одновременно проектом Соглашения государствам-членам предоставлена возможность до дат начала отслеживания перевозок в соответствии с Соглашением применения навигационных пломб в одностороннем порядке, если это предусмотрено их национальным законодательством.

На данный момент в ряде государств – членов Союза навигационные пломбы уже применяются для контроля за перевозкой товаров в пределах своих территорий.

Применение навигационных пломб на единых для всех государств-членов условиях, предусмотренных Соглашением, выводит таможенное администрирование ЕАЭС на новый уровень.

Сегодняшние реалии свидетельствуют о том, что новый современный инструмент контроля отвечает интересам как контролирующих органов, так и субъектов ВЭД.

Также хочу отметить, что механизм отслеживания перевозок товаров с использованием навигационных пломб является одним из элементов **единой системы таможенного транзита**, соответствующая работа над дальнейшим развитием которой в настоящее время также проводится на площадке Комиссии (п. 3.1.8 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утверждено решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12).

Одной из основных задач в этом направлении является создание благоприятных условий для осуществления перевозок товаров через таможенную границу Союза и таможенные границы третьих сторон, а также повышение уровня безопасности трансграничных поставок с использованием перспективных технологий.

Обеспечение открытости транзитной системы ЕАЭС позволит заинтересованным странам (не являющимся членами Союза) присоединиться к ней, создав фактически единое транзитное пространство, которое будет достигнуто за счет использования одного электронного таможенного документа на всем пути следования товаров по территории Союза и третьей стороны, контроля за перевозкой с применением навигационных пломб, а также взаимных упрощений для субъектов ВЭД при осуществлении таких перевозок (*предположительно такие соглашения могут быть заключены с Узбекистаном, Ираном и т. п.*).

В настоящее время проект Соглашения о единой системе таможенного транзита прошел стадию внутригосударственного согласования в странах Союза, до конца текущего года планируется направить сторонам для проведения процедуры ВГП.

Союз является «мостом» между Европой и Азией в части осуществления торговых операций, поэтому обеспечение транспарентной и максимально простой для участников внешнеторговой деятельности транзитной системы позволит содействовать инвестиционной привлекательности Союза в целом и государств – членов Союза в частности, а также будет способствовать развитию их экономик. Развитие интеграционного взаимодействия в сфере таможенного администрирования предлагается реализовывать совершенствованием действующей правовой базы с учетом правоприменительной практики.

Мы живем в эпоху всеобщей цифровизации, технологии стремительно развиваются, и нужно успевать идти в ногу со временем.

Безусловно, применение перспективных технологий таможенными органами при осуществлении своей деятельности обеспечивает интеллектуальное, гибкое, предсказуемое и незаметное для бизнеса таможенное регулирование и повысит взаимное доверие бизнеса и таможни.

Спасибо за внимание!

Трансформация законодательства о таможенном регулировании в современных реалиях

О. А. Полховский,

*начальник международно-правового управления
Государственного таможенного комитета
Республики Беларусь*

Уважаемая Эрна Владимировна!

Уважаемые представители Аппарата Суда Евразийского
экономического союза, участники конференции!

Сегодняшнее мероприятие, собравшее ведущих специалистов в области права ЕАЭС, является, без сомнения, уникальной диалоговой площадкой, позволяющей всем нам обменяться мнениями и перспективными наработками в различных сферах регулирования.

Позвольте мне от имени Председателя ГТК выразить Вам, Эрна Владимировна, особую признательность за приглашение принять участие в столь представительном форуме.

Суд ЕАЭС и таможенную службу Республики Беларусь связывают давние конструктивные взаимоотношения. Ведь именно решения Суда зачастую позволяют поставить точку в конкретном спорном вопросе, предмет которого, как правило, затрагивает не только сферу таможенного регулирования, но и целый ряд смежных отраслей права.

По моей просьбе коллеги из Суда предоставили некоторую статистику. Так вот, с 2021 г. по истекший период 2023 г. в Суд ЕАЭС поступило 22 заявления о разрешении споров и апелляционных жалоб в сфере функционирования Таможенного союза (2021 г. – 10, 2022 г. – 8, 2023 г. – 4). Это составляет более 42 % от общего числа заявлений и жалоб, поступивших в Суд за трехлетний период. Такие

статистические данные позволяют нам констатировать, что вопросы правоприменения в сфере таможенных правоотношений представляют высокую степень заинтересованности у участников внешнеэкономической деятельности (что подтвердили многие из предыдущих спикеров) и в этой связи регулярно являются предметом исследования Суда ЕАЭС.

О чем это говорит? Как следует оценивать такой объем обращений за судебной защитой – с положительной или отрицательной точки зрения? На мой взгляд, такая практика, без сомнения, несет в себе конструктивный аспект, так как подразумевает под собой соотнесение альтернативных позиций в отношении конкретного факта или решения. Соответственно, такой подход позволяет всем участникам процесса наиболее предметно погрузиться в суть вопроса и обратить внимание на аргументы и доводы, которые, возможно, не всегда лежат на поверхности.

Кроме того, конечно же, это свидетельствует о высокой степени доверия субъектов хозяйствования к Суду как к инстанции, способной досконально разобраться и вынести обоснованное и взвешенное решение в ситуациях, вызывающих неоднозначное толкование правовых норм, регламентирующих сферу таможенного администрирования. В первую очередь это касается спорных вопросов по классификации товаров в целях их таможенного декларирования, которая является одним из наиболее сложных институтов в сфере таможенного регулирования.

Подтверждением этому может служить та работа, которая ведется специализированными рабочими органами ВТамО по рассмотрению подобных запросов заинтересованных стран-членов о классификации конкретных товаров.

В 2020 г. Секретариатом ВТамО было выдано 120 классификационных советов, в 2021 г. – 147, в 2022 г. – 154. Процедура остается востребованной и в 2023 г.

При этом решение о применении таких классификационных советов оставляется на усмотрение национальных администраций, так

как в соответствии положениями Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Секретариат ВТамО не имеет полномочий на арбитражное разбирательство споров между договаривающимися сторонами.

С учетом вышесказанного полагаю, что выносимые Судом ЕАЭС решения и заключения являются важным инструментом формирования единой правоприменительной практики в сфере таможенного регулирования на всем пространстве Союза.

На вчерашней сессии я с большим интересом выслушал спикеров, особенно представителей академического сообщества, затронувших таможенную проблематику в части исполнения вынесенных Судом ЕАЭС решений и предложений по совершенствованию норм материального и процессуального права. Я же в своем выступлении хотел бы остановиться на некоторых вопросах корректировки законодательства в таможенной сфере и его практического применения в современных реалиях.

Сегодня все мы являемся свидетелями того, как быстро меняется окружающий мир вообще и архитектура экономических отношений в частности. Своевременная, быстрая и эффективная адаптация экономической модели к тем внешним условиям, в которых вынуждена осуществляться внешнеэкономическая деятельность, является определяющим фактором экономической безопасности государства.

Таможенные службы всех пяти государств – членов Союза четко понимают те задачи, которые стоят перед нами в целях обеспечения бесперебойного функционирования рынка. Совместно с бизнес-сообществом ведется непрерывная работа по совершенствованию нормативных предписаний в сфере таможенного регулирования и внедрению наилучших практик администрирования товарных потоков.

Вместе с коллегами из ЕЭК мы активно работаем над упрощениями, способными оптимизировать для участников ВЭД алгоритмы взаимодействия с таможней и обеспечить в рамках своей компетенции максимальное содействие в вопросах интенсификации торговых отношений с дружественными странами.

Необходимой основой расширения таких связей, безусловно, является право ЕАЭС, призванное обеспечить баланс интересов всех государств-участников.

Таможенное регулирование является сферой, в которой государствам – членам ЕАЭС удалось достигнуть наибольшей степени интеграции. Однако практика показывает, что невозможно достичь какой-то точки совершенства, когда законодательство в полной мере будет удовлетворять запросам и государств, и бизнес-сообщества, и конкретных граждан. Реальность каждый день ставит перед нами новые задачи, которые, в свою очередь, требуют новых правовых решений. Поэтому в условиях серьезного внешнего давления мы ищем те точки роста, которые окажут стимулирующее воздействие на бизнес-процессы, а также принесут благо всем гражданам нашего Союза, о чем вчера неоднократно упоминали уважаемые коллеги, – предпринимать такие шаги, чтобы люди видели конкретную пользу для себя от членства страны в ЕАЭС.

На сегодняшний момент перед государствами – членами ЕАЭС в качестве приоритетных задач, затрагивающих таможенную сферу, стоят вопросы формирования механизмов комплексного правового регулирования трансграничной электронной торговли, а также обеспечения реализации достигнутых договоренностей по применению инновационных технологий в рамках контроля перевозок товаров с использованием навигационных устройств.

С целью выполнения данных задач на площадке Евразийской экономической комиссии проводится работа по подготовке проекта Протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) от 11 апреля 2017 г.

Изменения, вносимые в ТК ЕАЭС, предусматривают:

– выделение товаров, приобретенных в рамках внешней электронной торговли, в отдельную категорию и установление специального таможенного администрирования в отношении данных товаров,

в том числе применение таможенных пошлин и налогов, мер нетарифного и технического регулирования;

- введение в Евразийском экономическом союзе института оператора электронной торговли, который будет в комплексе обеспечивать логистику операций с товарами электронной торговли, а также осуществлять взаимодействие с таможенными органами, обеспечивая процессы таможенного декларирования товаров. ТК ЕАЭС будут определены условия и основания для включения субъектов хозяйствования в реестр операторов электронной торговли и исключения из данного реестра, права и обязанности оператора электронной торговли;

- введение декларации на товары электронной торговли, т. е. будет введен новый вид таможенной декларации;

- обеспечение возможности реализации физическим лицам товаров электронной торговли с использованием таможенных (бондовых) складов.

Кроме того, в рамках ТК ЕАЭС будут определены особенности временного хранения, таможенного декларирования и выпуска товаров электронной торговли, особенности применения таможенной процедуры таможенного склада.

На площадках ЕЭК продолжается планомерная работа по цифровизации транзитных перевозок. В целях снижения временных потерь, связанных с администрированием транзитных потоков товаров, а также минимизации мер государственного контроля при перевозках товаров и обеспечение их законного оборота 19 апреля 2022 г. подписано Соглашение о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок.

Соглашение устанавливает правовую основу для применения в ЕАЭС нового технологического инструмента контроля при перевозках товаров и транспортных средств по территориям двух и более государств – членов ЕАЭС.

В данный момент на площадке ЕЭК в завершающей стадии обсуждения находится проект договора о взаимодействии между национальными операторами.

Реализация Соглашения позволит:

- обеспечить контроль перемещения товаров и транспортных средств на всем пространстве ЕАЭС в онлайн-режиме, обеспечив абсолютную прозрачность перевозок;
- упростить и ускорить процедуру доставки грузов получателю;
- минимизировать контрольные мероприятия на внутренних границах.

В этой связи хотел бы отметить, что в Республике Беларусь пилотные проекты по использованию навигационных устройств проводятся с июня 2020 г. в рамках постановления Совета Министров Республики Беларусь от 25 мая 2020 г. № 311 «О применении навигационных устройств (пломб)». На текущий момент уже применено более 1,2 млн навигационных пломб при перемещении товаров по территории Республики Беларусь. ГТК отмечает высокую эффективность данного инструмента и готов приступить к практической реализации Соглашения с января 2024 г.

Далее я хотел бы остановиться на тех нормотворческих инициативах, которые были реализованы ГТК, в том числе о проводимой работе по унификации и гармонизации национального таможенного законодательства в рамках ЕАЭС и Союзного государства Беларуси и России.

Безусловно, эффективное и своевременное нормотворчество, подкрепленное действенными правоприменительными механизмами и обеспечивающее высокий уровень нормативно-правовой защиты, в современных условиях является особенно важной задачей, и Государственный таможенный комитет уделяет ей повышенное внимание.

В 2022–2023 гг. работа по корректировке законодательства обновлялась на двух ключевых факторах – адаптация нормативных

предписаний к реалиям сегодняшнего дня в целях противодействия санкционному давлению и поддержки экономики, а также совершенствование актов с учетом практики их правоприменения.

Исходя из данных приоритетов ГТК вместе с представителями бизнес-союзов и коллегами из других ведомств активно работал над совершенствованием нашего основного национального акта в таможенной сфере – Закона о таможенном регулировании.

Нововведения проекта Закона призваны внедрить дополнительные механизмы, обеспечивающие поддержку стабильного функционирования экономики в условиях санкций, снизить административную нагрузку на лиц, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, а также направлены на гармонизацию таможенного законодательства Республики Беларусь в рамках принятых международных обязательств.

Так, проект Закона предусматривает следующие основные нововведения **в части таможенно-тарифного регулирования:**

1) в целях поддержки субъектов хозяйствования в сложившейся экономической ситуации закрепляется возможность поэтапной уплаты неуплаченных таможенной платежей, пеней, процентов, иных платежей, взимание которых возложено на таможенные органы;

2) право применения отсрочки или рассрочки уплаты ввозных таможенных пошлин и налога на добавленную стоимость на ввозимые товары распространяется на все случаи их ввоза независимо от факта подачи декларации, в том числе в отношении товаров, выпуск которых произведен до подачи декларации;

3) в целях уменьшения негативного давления, вызванного введением рядом иностранных государств ограничительных мер, Правительству Республики Беларусь предоставляется право в необходимых случаях определять сроки, в течение которых не осуществляется взимание таможенных платежей.

В части организации таможенного контроля и совершения таможенных операций проектом Закона:

– снимается ограничение на совершение сделок с транзитными товарами, находящимися на складах временного хранения, в части возможности их реализации на территории Республики Беларусь. Указанная норма позволит создать условия для формирования новых логистических цепочек при осуществлении отечественными субъектами хозяйствования внешнеэкономической деятельности, а также предоставит возможность заключения сделок и совершения таможенных операций с товарами, в отношении которых недружественными странами приняты ограничения при их поставке в Республику Беларусь;

– уполномоченным экономическим операторам предоставляется возможность совершать операции по маркировке находящихся на временном хранении иностранных товаров без получения разрешения таможенного органа;

– физическим лицам предоставляется безвозмездный доступ к общегосударственной автоматизированной информационной системе, в том числе единому portalу электронных услуг. Такие меры позволят физическим лицам подавать пассажирскую таможенную декларацию в виде электронного документа, что ускорит и упростит процедуру предоставления в таможенные органы электронной предварительной информации о товарах для личного пользования, планируемых к перемещению через таможенную границу;

– исключается более жесткое условие ввоза на таможенную территорию ЕАЭС в Республике Беларусь физическими лицами, признанными переселившимися на постоянное место жительства в Республику Беларусь, транспортных средств для личного пользования с освобождением от уплаты таможенных пошлин, налогов, чем установлено актом, составляющим право ЕАЭС.

В проект Закона внесены важные изменения, направленные на снижение административной нагрузки на субъекты хозяйствования посредством дальнейшего сокращения и упрощения административных процедур.

Целесообразно также отметить о создании новых правовых институтов в сфере таможенного дела – принятие предварительных решений по вопросам применения методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров и проведение консультаций между таможенным органом и декларантом в целях обоснованного выбора стоимостной основы для определения таможенной стоимости ввозимых товаров.

Обеспечивая унификацию и гармонизацию национального таможенного законодательства, в проекте Закона учтены положения международных договоров, заключенных в рамках ЕАЭС и Союзного государства Беларуси и России. В частности, в Закон о таможенном регулировании включены новые положения, регулирующие институт уполномоченного экономического оператора, которые повысят статус и ответственность таких лиц.

Помимо работы над новой редакцией Закона, мы принимали активное участие в разработке иных нормативных правовых актов. С учетом внешних факторов в последние 2–3 года заметно сместился акцент по сути и предмету подготавливаемых ГТК проектов нормативных правовых актов. Во взаимодействии с коллегами из иных ведомств сегодня мы активно работаем в плоскости подготовки проектов, обеспечивающих создание условий для повышения внутренней устойчивости экономики и принятия своевременных мер в связи с недружественными действиями иностранных государств.

Среди таких документов отмечу:

– Указ Президента Республики Беларусь от 1 августа 2022 г. № 264 «О реструктуризации таможенной задолженности», которым закреплена возможность поэтапного погашения задолженности по таможенным платежам на срок до 1 года, имеющейся у юридических лиц, которые осуществляют приоритетные виды деятельности и являются производителями товаров, определенных Советом Министров Республики Беларусь. При применении норм Указа у предприятий сохраняются условия для стабильного функционирования путем

планового погашения таможенной задолженности, а также рационального использования денежных средств;

– постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 апреля 2022 г. № 246 «О применении специальных мер в отношении отдельных услуг», которым установлен запрет на оказание услуг по маркировке акцизными марками Республики Беларусь алкогольных напитков, ввозимых на территорию Республики Беларусь, оказываемых юридическими и физическими лицами государства, включенного в перечень государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических или физических лиц. Данный запрет был продлен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 апреля 2023 г. № 245;

– постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 ноября 2022 г. № 805 «Об отсрочке или рассрочке уплаты ввозных таможенных пошлин, налога на добавленную стоимость», которым закреплена возможность предоставления отсрочки уплаты налога на добавленную стоимость юридическим лицам – плательщикам, указанным в перечне системообразующих или градообразующих предприятий, которым оказывается поддержка в целях реализации мер, направленных на повышение устойчивости экономики. Перечень таких лиц определен приложением к постановлению;

– постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 января 2023 г. № 53, которым введен мониторинг за перемещением транспортных средств с использованием навигационных устройств, перевозящих опасные грузы, что позволяет в режиме реального времени отслеживать маршруты движения таких транспортных средств;

– постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2023 г. № 391 введены дополнительные ограничения на перемещение по территории Республики Беларусь отдельных категорий транспортных средств.

В завершение хотел бы выразить мнение относительно перспектив институционального развития Суда ЕАЭС. Полагаю, что принятие решений по данному вопросу должно быть основано на той проблематике, которая была поднята в ходе конференции, и с безусловным учетом интересов всех пяти государств.

К сожалению, зачастую мы видим, что не обеспечивается выполнение одного из базовых принципов Договора о ЕАЭС – условия о свободе перемещения товаров. Полагаю, что принятие каких-либо защитных мер одним из государств Союза не должно ни в коей мере оказывать негативное влияние на экономические интересы иных государств нашего интеграционного объединения.

В этой связи полагаю, что расширение компетенций Суда в урегулировании вопросов устранения препятствий на пространстве Союза является залогом повышения уровня взаимного доверия и одним из факторов экономического роста.

Подводя итог, хотел бы поблагодарить весь судейский корпус и сотрудников Суда ЕАЭС за их целенаправленную работу по обеспечению соблюдения всеми субъектами права Союза. С учетом постоянного расширения и совершенствования нормативной базы ЕАЭС и предстоящей кадровой ротации судей желаю нынешнему и будущему составам Суда профессиональных успехов в вопросах обеспечения эффективных механизмов судебной защиты в рамках дальнейшего формирования транспарентного и качественного правового поля Союза.

Благодарю за внимание!

Пределы солидарной обязанности и ответственности таможенного представителя

Е. А. Дмитрикова,

*доцент кафедры административного и финансового права
Санкт-Петербургского государственного университета*

Декларант – лицо, которое декларирует товары либо от имени которого декларируются товары (пп. 6 п. 1 ст. 4 ТК ТС, пп. 7 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС).

Солидарная обязанность (405 ТК ЕАЭС).

При наступлении обстоятельств, при которых обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин подлежит исполнению, такая обязанность исполняется таможенным представителем солидарно с представляемым им лицом.

Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2018 № 09АП-50395/2018.

Исключение из реестра. Жалоба о неправомерном исключении из Реестра. Заявитель не уклонялся от исполнения обязанности, но рассчитывал на добросовестность декларанта, обязавшегося оплатить требования надлежащим образом. Декларант нарушил обязательство.

Статья 405 ТК ЕАЭС.

При наступлении обстоятельств, при которых обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин подлежит исполнению, такая обязанность исполняется таможенным представителем солидарно с представляемым им лицом.

Постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.08.2018 № А56-75875/2017.

- *Отказ во включении в реестр владельцев таможенных складов.*
- *На момент обращения в таможенный орган.*
- *Приостановление действия ненормативного акта не отменяет факта наличия солидарной обязанности.*
 - *Не воспользовалось правом на судебную защиту и не погасило задолженность*

...от имени, по поручению, за счет клиента... услуги в сфере таможенного дела...

...мог провести качественную независимую или таможенную экспертизу до таможенного декларирования...

...заявителю следует предъявить претензию не таможенному органу, а контрагенту...

...убедиться и подстраховаться, прежде чем заявлять сведения в таможенный орган...

...таможенный представитель – профессиональный участник таможенных правоотношений, должен знать...

Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 27.04.2021 по делу С-4/21 ДХЛ Глобал Форвардинг: публичная природа обязанности?

Природа-отношений – отраслевая принадлежность применимого права

Право на регресс?

Исполнение солидарной обязанности?

Способы защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2405-О: ст. 405 ТК ЕАЭС не регламентирует вопросы возмещения убытков.

Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2011 г. № 191-О-О: уплата таможенных платежей – необходимое условие таможенного оформления, оно представляет собой, по существу, не гражданско-правовое обязательство, а публично-правовую обязанность;

- *конструкция солидарной ответственности не только гарантирует удовлетворение фискального интереса государства, но и учитывает специфику договорных отношений... и только в случае, если декларирование производится таможенным брокером (представителем), декларант и таможенный брокер несут солидарную ответственность.*

ТК ЕАЭС – Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗоТР) – таможенный представитель.

Ограничение солидарной обязанности, когда исполнение такой обязанности связано с:

- 1) несоблюдением условий использования товаров в соответствии с таможенной процедурой, под которую помещены товары;
- 2) изменением сроков уплаты таможенных пошлин, налогов в соответствии с ТК ЕАЭС;
- 3) совершением действий в нарушение целей и условий предоставления льгот по уплате таможенных пошлин, налогов и (или) ограничений по пользованию и (или) распоряжению товарами в связи с применением таких льгот.

Законодательством государств-членов могут устанавливаться иные случаи, когда **обязанность**, возникшая солидарно с декларантом, не подлежит исполнению таможенным представителем.

ФЗоТР (ст. 346), а также, если исполнение такой обязанности связано с использованием при подаче декларации на товары поддельных документов, документов, полученных незаконным путем,

документов, не имеющих юридической силы, и при условии, что таможенный представитель доказал, что он не знал и не должен был знать о незаконности перемещения товаров через таможенную границу Союза, что будет установлено решением суда или таможенного органа.

Публично-правовой характер солидарной обязанности по уплате таможенных платежей. Исполнение, включая размер, не зависит от договора. Публичная ответственность разграничена национальным законодательством

В случае добровольного сообщения декларантом и (или) таможенным представителем в таможенный орган...с одновременным представлением таможенной декларации или документа, необходимого для внесения изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в ранее поданной таможенной декларации, на основании которых указанная таможенная декларация или документы заполнены, ... **освобождается от административной ответственности за указанное правонарушение**, если на дату, предшествующую дате поступления сообщения и регистрации документов, соблюдены в совокупности следующие условия.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях:

ст.15.5.

Примечание.

Лицо, совершившее деяние, предусмотренное ч. 1 или 3 настоящей статьи, освобождается от административной ответственности в случае добровольного письменного обращения декларанта или таможенного представителя в таможенный орган о допущенном нарушении...

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях.

Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях.

Кодекс Республики Армения об административных правонарушениях.

Особенности подготовки и принятия решений Коллегии Евразийской экономической комиссии о классификации отдельных видов товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС

В. И. Солопов,

*начальник отдела классификации товаров Департамента
таможенного законодательства и правоприменительной
практики Евразийской экономической комиссии*

Классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД является одним из наиболее актуальных вопросов как для участников внешнеэкономической деятельности и таможенных органов, так и для других заинтересованных лиц и государственных органов государств – членов Союза.

Во-первых, от того, к какому классификационному коду будет отнесен товар, зависят ставки ввозной/вывозной таможенных пошлин, а соответственно, и размер уплачиваемых таможенных платежей и налогов, применение к товарам и транспортным средствам нетарифных мер, запретов и ограничений.

Во-вторых, отнесение товара к тому или иному классификационному коду зачастую требует наличия специальных технических знаний и проведения в некоторых случаях экспертиз, связанных с определением состава товара, его технических характеристик, способов производства и многое другое.

В-третьих, точность классификации товаров имеет большое значение и для повышения объективности таможенной статистики внешней торговли, используемой при выработке таможенной политики государств – членов Союза и соответственно принятию конкретных мер по ее реализации в процессе таможенного декларирования и контроля товаров и транспортных средств.

В основе ТН ВЭД заложена номенклатура ГС и ТН ВЭД СНГ.

Согласно **Международной конвенции о ГС под ней понимается номенклатура, включающая** в себя тексты товарных позиций и субпозиций, относящиеся к ним цифровые коды, сгруппированные по определенным признакам в группы и разделы, примечания, а также основные правила толкования ГС.

Таким образом, неотъемлемыми структурными элементами ГС, имеющими одинаковую юридическую силу, являются:

- **классификационная часть** – товарные позиции, субпозиции и относящиеся к ним цифровые коды;
- **примечания к разделам**, группам, позициям, субпозициям, подсубпозициям, а также дополнительные примечания;
- **Основные правила интерпретации**, так называемые ОПИ.

Классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД означает определение их цифровых классификационных кодов, т. е. отнесение товаров к конкретным товарным позициям, субпозициям, подсубпозициям ТН ВЭД с соответствующими им цифровыми кодами, и осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ.

В соответствии с пунктом 1d) ст. 7 и п. 2 ст. 8 Конвенции о ГС Пояснения относятся к рекомендациям, призванным обеспечить единообразную интерпретацию и применение ГС и, соответственно, ТН ВЭД. При этом ст. 3 Конвенции о ГС не содержит положений, предписывающих обязательность применения Пояснений. В абсолютном большинстве стран – подписантов Конвенции о ГС, в том числе и государствах – членах Союза, Пояснениям никогда не придавался статус обязательного применения.

Конечно, Пояснения могут и применяются, но при этом они не содержат и не могут содержать перечень и всеобъемлющую информацию обо всех товарах, обращающихся в международной торговле и подлежащих классификации в соответствии с ТН ВЭД.

Таким образом, решающее значение для классификации товаров в таможенных целях имеют их объективные характеристики и свойства, как это определено в текстах позиций и соответствующих примечаниях.

Товарная номенклатура в основном охватывает материальные объекты, т. е. изделия, которые имеют материальное выражение, но также включает и электричество. ГС и ТН ВЭД не охватывают услуги, но включают физические проявления услуг (например, архитектурные планы, дискеты или другие носители с программным обеспечением и т. д.).

Большое внимание при классификации товаров следует обращать на значение знаков препинания – запятой и точкой с запятой, которые имеются в текстах позиций, поскольку это является очень важным моментом понимания характеристик и критериев, указанных в них.

Всегда следует помнить, что после точки с запятой начинается совершенно новое описание товара с классификационными критериями, указанными именно для этой группы товаров.

Итак, для целей классификации товаров в первую очередь необходимо ответить на ряд вопросов:

- **Что это (наименование)?**
- **Из чего сделан, чем является товар (химический элемент, соединение, материал изготовления, компоненты)?**
- **Функциональное назначение товара.**
- **Является товар самостоятельным готовым товаром или частью какого-либо другого товара?**

Только после получения ответов на эти основные вопросы следует классифицировать товары с учетом совокупности их признаков (критериев), применяемых в номенклатуре.

К критериям, используемым при классификации товаров в соответствии ТН ВЭД, относятся классификационные признаки, указанные в текстах товарных позиций, субпозиций, подсубпозиций и соответствующих примечаниях к разделам или группам, товарным позициям, субпозициям и подсубпозициям.

Признак классификации, или критерий, – это свойство или характеристика товара, положенные в основу классификации (материал изготовления (вид сырья), химическая природа, состав, структура, свойства, функции товара, его конструкция, технология изготовления, внешние признаки (размер, форма, цвет), вид отделки, степень обработки и другое).

Классификация товаров должна быть проработана с точки зрения обоснования позиции их классификации с учетом критериев, закрепленных только в ТН ВЭД, а несоблюдение вышеуказанного алгоритма может привести к ошибкам классификации.

Соответственно, для точной классификации товара необходимо хорошо знать химический состав, материал, из которого он изготовлен, его функцию, назначение и устройство, принцип работы, иногда нужно знать также технологию изготовления, узкопрофессиональные термины, которыми характеризуются многие товары в описаниях товарных позиций.

Согласно положениям ст. 20 ТК Союза декларант и иные лица осуществляют классификацию товаров в соответствии с ТН ВЭД при таможенном декларировании и в иных случаях, когда таможенному органу заявляется код товара.

Проверка правильности классификации товаров осуществляется таможенными органами в следующих случаях:

1) выявление таможенным органом как до, так и после выпуска товаров их неверной классификации при таможенном декларировании. В этом случае таможенный орган принимает решение о классификации товаров. Форма решения о классификации товаров, порядок и сроки его принятия устанавливаются в соответствии с законодательством государств-членов о таможенном регулировании;

2) исчисление таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, подлежащих уплате;

3) иные случаи, предусмотренные главой 3 ТК Союза.

При этом коды товаров, указанные в коммерческих, транспортных (перевозочных) и (или) иных документах, а также в заключениях, справках, актах экспертиз, выдаваемых экспертными учреждениями, не являются обязательными для классификации товаров.

Кроме вышеуказанных случаев классификации товаров таможенными органами, дополнительно по запросу заинтересованного лица таможенные органы могут принимать предварительные решения по классификации товаров в отношении конкретного наименования товара.

Предварительное решение об отнесении конкретного товара к определенной десятизначной подсубпозиции ТН ВЭД принимается таможенным органом до момента представления в таможенный орган товара и выдается на каждое наименование товара, включающее определенную марку, модель, артикул, модификацию.

Предварительное решение о классификации товара принимается таможенным органом на основании заявления лица, поданного в виде электронного документа или документа на бумажном носителе.

Заинтересованным лицом (заявителем) является лицо, определенное в ст. 3: п. 16 ТК Союза (лицо – физическое лицо, юридическое лицо, а также организация, не являющаяся юридическим лицом), п. 9 (*заинтересованное лицо – лицо, интересы которого в отношении товаров затрагиваются решениями, действиями (бездействием) таможенных органов или их должностных лиц*).

Процедура принятия предварительных классификационных решений осуществляется на основании ст. 23–27 ТК Союза.

Заявитель направляет в уполномоченный таможенный орган заявление о принятии предварительного решения, которое должно содержать полное коммерческое наименование, фирменное наименование (товарный знак), основные технические и коммерческие характеристики товара и иную информацию, позволяющую однозначно классифицировать товар. При необходимости представляются пробы и (или) образцы товара, фотографии, рисунки, чертежи, паспорта

изделий и другие документы, необходимые для принятия предварительного решения о классификации товара.

В случае, если представленных заявителем сведений недостаточно для принятия предварительного решения о классификации товара, таможенный орган направляет заявителю запрос о необходимости представления дополнительной информации.

Если дополнительная информация не представлена в установленный срок либо представленная дополнительная информация не содержит сведений, позволяющих принять предварительное решение о классификации товара, таможенный орган отказывает в принятии такого предварительного решения о классификации товара и уведомляет об этом заявителя с указанием причин отказа.

Предварительное решение о классификации товара действует в течение 3 лет со дня его принятия, если законодательством государств-членов о таможенном регулировании не установлен более продолжительный срок действия предварительного решения о классификации товара. По окончании этого срока предварительное решение автоматически утрачивает силу.

Предварительное решение действует, если оно не изменено, не отозвано либо его действие не прекращено таможенными органами в определенных случаях.

Таможенный орган принимает решение о внесении изменений в принятое им предварительное решение о классификации товара, а также решение о прекращении действия или решение об отзыве предварительного решения о классификации товара, принятого им либо нижестоящим таможенным органом.

1. Решение о внесении изменений в предварительное решение о классификации товара принимается в случае выявления таможенным органом или заявителем ошибок, которые допущены при принятии этого предварительного решения о классификации товара и которые не влияют на сведения о коде товара в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности.

Решение о внесении изменений в предварительное решение о классификации товара вступает в силу со дня принятия такого предварительного решения о классификации товара.

2. Решение о прекращении действия предварительного решения о классификации товара принимается в следующих случаях:

1) если таможенным органом установлено, что заявитель для принятия этого предварительного решения о классификации товара представил документы, содержащие недостоверные и (или) неполные сведения, подложные документы либо недостоверные и (или) неполные сведения. В этом случае решение о прекращении действия предварительного решения о классификации товара вступает в силу со дня принятия такого предварительного решения о классификации товара;

2) если таможенным органом выявлены ошибки, которые допущены при принятии этого предварительного решения о классификации товара и которые влияют на сведения о коде товара в соответствии с ТН ВЭД.

В этом случае решение о прекращении действия предварительного решения о классификации товара вступает в силу со дня принятия этого решения о прекращении действия предварительного решения о классификации товара. При этом таможенный орган, выдавший предварительное решение о классификации товара, не позднее 10 рабочих дней со дня принятия решения о прекращении действия предварительного решения о классификации товара принимает новое предварительное решение о классификации товара на основании сведений, представленных заявителем при подаче заявления о принятии предварительного решения о классификации товара, действие которого прекращено. Такое новое предварительное решение о классификации товара вступает в силу с даты его принятия.

3. Решение об отзыве предварительного решения о классификации товара принимается в следующих случаях:

1) если в ТНВЭД внесены изменения, влияющие на классификацию товара, в отношении которого принято это предварительное решение о классификации товара;

2) либо Комиссией принято решение о классификации отдельных видов товаров, влекущее изменение классификации товара, указанного в этом предварительном решении о классификации товара.

В этих случаях решение об отзыве предварительного решения о классификации товара принимается таможенным органом не позднее 30 календарных дней со дня официального опубликования соответствующего решения Комиссии и вступает в силу со дня вступления в силу такого решения Комиссии;

3) если таможенными органами приняты решения или даны разъяснения о классификации отдельных видов товаров в соответствии с п. 6 ст. 21 настоящего Кодекса, влекущие изменение классификации товара, указанного в этом предварительном решении о классификации товара. В этом случае решение об отзыве предварительного решения о классификации товара принимается таможенным органом не позднее 30 календарных дней со дня официального опубликования соответствующих решений или разъяснений о классификации отдельных видов товаров и вступает в силу одновременно с такими решениями или разъяснениями о классификации отдельных видов товаров;

4) если Всемирной таможенной организацией приняты решения о классификации товаров, применяемые государствами-членами.

В этом случае сроки принятия таможенным органом решения об отзыве предварительного решения о классификации товара и вступления его в силу устанавливаются законодательством государств-членов о таможенном регулировании.

При этом решение о внесении изменений в предварительное решение о классификации товара, решение о прекращении действия предварительного решения о классификации товара, решение об отзыве предварительного решения о классификации товара направляются заявителю с указанием причин принятия таких решений, а также

доводятся до сведения таможенных органов не позднее дня, следующего за днем принятия таких решений.

Заявитель, получивший предварительное решение, представляет его оригинал и копию в таможенный орган одновременно с декларацией, а должностное лицо таможенного органа после сверки копии предварительного решения с оригиналом возвращает оригинал заявителю. В случае утраты заявителем предварительного решения он может получить дубликат ранее полученного предварительного решения.

Рассматривая международную практику принятия предварительных решений по классификации товаров, нужно отметить, что порядок в Союзе во многом схож с методикой в других странах, в том числе странах Европейского союза (таможенно-тарифные определения, содержащиеся в базе Европейского союза ВТИ).

Например:

В Австралии вопросами принятия предварительных решений занимается Консультативная служба тарифной классификации, куда собственник товара должен обратиться с ходатайством о выяснении правильной классификации товаров, к которому должно быть приложено описание товаров, необходимое для принятия решения о классификации. Австралийская таможенная служба выдает собственнику товара так называемое тарифное извещение, которое содержит сведения о товаре и классификационный код, а также может содержать сведения о ставке пошлины и нетарифных мерах, применяемых в отношении этого товара. Данный документ может быть выдан на любой таможне на конкретные товары и не может быть передан другому лицу. Однако он имеет юридическую силу для всех регионов и действует в течение 5 лет с даты оформления.

В Австрии классификацию в таможенных целях проводит Федеральное министерство финансов. Заявитель должен подать письменное заявление на официальном бланке, в котором должны содержаться все сведения, необходимые для принятия решения по классификации

(состав, назначение и т. д.), а также должны прилагаться четыре одинаковых образца товара. После принятия решения заявителю выдается на специальном бланке предварительное решение, именуемое тарифной информацией, к которому прикладывается официально маркированный образец (иллюстрации, описание). Действует данный документ один год. Расходы по предварительной классификации (исследования в лабораториях, обращение к экспертам) лежат на заявителе. Порядок отзыва, изменения и прекращения действия предварительных решений такой же, как в Союзе.

В Новой Зеландии заключения о тарифной классификации выдает Тарифно-консультативная служба при Таможенном департаменте, которое имеет силу на всей территории страны с даты выдачи и до тех пор, пока оно не будет аннулировано или пока не произойдет изменений в тарифах.

При этом любое аннулированное заключение продолжает действовать:

- для товаров, импортированных в течение 6 месяцев с даты аннулирования;
- если товары уже отправлены с места изготовления или со склада;
- когда товары импортированы не позднее даты аннулирования письменного заключения, но еще не ввезены для внутреннего потребления. Выдача письменных классификационных решений платная. Практически все участники внешнеэкономической деятельности проходят процедуру предварительной классификации еще до пересечения границы, хотя это и не предусмотрено в обязательном порядке.

В Швеции классификацию ведет Департамент таможи. Заявитель заполняет специальную форму ходатайства о предоставлении обязательной информации и представляет образец, брошюру или другую документацию по данному товару. Обязательная информация по классификации действительна в течение 2 лет, если не будет изменена классификация товаров. Порядок отзыва, изменения и прекращения действия предварительных решений во многом схож с порядком

в Союзе. Копии обязательных решений по классификации пересылаются в управление по таможенному контролю импортера. Особо важные обязательные решения отбираются и рассылаются по главным таможенным управлениям. Сборник классификационных решений, подготавливаемый таможенными органами, размещается в интернете для использования всеми заинтересованными лицами.

В Швейцарии предварительную классификацию осуществляет Генеральный директорат таможни. Заявитель подает в письменной форме ходатайство и информацию о товаре, после этого ему выдается информация по тарифной классификации. Принятие решения бесплатное, но бланк ходатайства платный. Экспертные оценки товаров обычно не проводятся, но если они требуются, то экспертиза проводится бесплатно. Выданная информация действует 8 лет. Порядок отзыва, изменения и прекращения действия предварительных решений схож с порядком в Союзе.

В США предварительные решения выдают Федеральный специалист по импорту (ФСИ) и помощник Федерального специалиста по импорту (ПФСИ). Документ носит название «Классификационное постановление пограничной проверки», который является обязательным. Предварительно помощник Федерального специалиста по импорту проводит проверку импортера для принятия решения о признании его потенциальным кандидатом на предварительную классификацию. Импортеры, подавшие наибольшее количество ходатайств о классификационных решениях, имеют определенные льготы при таможенном оформлении. В обязанности импортера входит извещение таможни об имеющихся судебных разбирательствах в отношении перемещаемых ими товаров. По окончании классификационного рассмотрения помощником Федерального специалиста по импорту классификационный пакет отсылается в адрес Таможенной информационной биржи, которая его регистрирует и отправляет пакет на рассмотрение Федеральному специалисту по импорту. Федеральный специалист по импорту рассматривает пакет в течение 45 дней с даты

получения, затем подписывает его и отправляет в Таможенную информационную биржу для датирования и распространения. Оригиналы письма с подписанным решением отправляют импортеру. Решения по предварительной классификации являются обязательными с даты вступления в силу; могут аннулироваться в установленном порядке. Импортер может оспорить принятое классификационное решение, если декларация уже зарегистрирована и оплачена.

Дополнительно к принимаемым уполномоченными таможенными органами предварительным решениям центральные таможенные органы государств – членов Союза принимают решения и разъяснения о классификации отдельных видов товаров и публикуют их для обязательного применения на территории своих государств в виде национальных нормативных документов (п. 6 ст. 21 ТК Союза).

Вместе с тем, несмотря на имеющуюся в государствах – членах Союза возможность получения предварительных решений о классификации товаров, а также решений и разъяснений о классификации отдельных видов товаров, принимаемых центральными таможенными органами, существуют случаи, когда классификация одинаковых товаров может быть не единообразна на территории Союза, т. е. одни и те же товары могут классифицироваться разными кодами.

Такое положение дел недопустимо, поскольку ставит в неравные условия участников ВЭД, влечет неправильное применение ставок таможенных пошлин, нетарифных мер, запретов и ограничений, а также искажает таможенную статистику торговли и ухудшает сопоставимость статистических данных.

В таких случаях в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД на всей территории Союза Комиссия наделена полномочиями по принятию решений и разъяснений о классификации отдельных видов товаров на основании предложений центральных таможенных органов Союза и по собственной инициативе (абз. 2 п. 1 ст. 22 ТК Союза) по результатам анализа сборника предварительных решений, принятых таможенными органами государств – членов Союза.

По своей сути, решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров не изменяют ставки пошлин, меры нетарифного регулирования, запреты и ограничения. Их главной целью является принятие единообразных подходов при классификации одинаковых товаров на всей территории Союза.

Это означает лишь тот факт, что с момента принятия решения Комиссии товары, поименованные в нем, должны классифицироваться на всей территории Союза только тем классификационным кодом, который в них указан и определен в соответствии с принципами и правилами, принятыми только в самой ТН ВЭД.

Следует отметить, что решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров имеют принципиальные особенности, отличающие их от всех других решений, принимаемых Коллегией Комиссии.

В первую очередь, порядок рассмотрения и принятия таких решений осуществляется не только в соответствии с положениями Регламента работы Комиссии, а также в соответствии с особым Порядком подготовки Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным отдельным решением Комиссии (решение от 02.12.2013 № 284).

Во-вторых, предложения таможенных органов о принятии решений о классификации отдельных видов товаров поступают в Комиссию в основном с разногласиями сторон, соответственно, и сами проекты решений вносятся на Коллегию с разногласиями. Это обусловлено тем, что классификация товаров – это спор узких специалистов вокруг тонких технических или функциональных характеристик товаров, при этом сама ТН ВЭД зачастую содержит только очень краткое описание товаров. Кроме того, к тому моменту, когда Комиссией подготовлен проект решения о классификации отдельного вида товаров, в странах уже накоплена разная правоприменительная практика, закрепленная в их решениях, нормативных актах таможенных служб, и добровольный отказ от ранее занятых позиций бьет по их авторитету.

В-третьих, следует отметить, что значительная часть проектов решений о классификации отдельных видов товаров поступает в Комиссию после того, как классификация спорного товара уже проработана таможенными службами. Например, на площадке Объединенной коллегии таможенных служб Союза, где службы не смогли договориться и принять решение, поскольку там решение принимается консенсусом.

В таких случаях решение Комиссии – это единственный способ устранить разногласия, поскольку решение Коллегии Комиссии принимается голосованием. В вопросах классификации, учитывая, что, как правило, каждая из сторон имеет свою позицию, принятие волевого решения путем голосования – нормальная общемировая практика. Например, именно таким образом ставятся точки по многолетним общемировым спорам на площадке главного органа по классификации товаров во всем мире – комитета по ГС Всемирной таможенной организации.

В-четвертых, классификация товаров различными кодами может привести к тому, что часть государств-членов взимает таможенные пошлины по одним ставкам, распределяя их в пользу тех стран, которые в свою очередь классифицируют эти товары другим кодом и такие пошлины взимают по меньшим ставкам или вообще не взимают в связи с нулевой ставкой.

По этой причине могут возникать серые зоны, и у участников ВЭД появляется соблазн и возможность переместить товаропотоки в те государства-члены, где товар декларируется с классификационным кодом, по которому пошлины ниже или вообще не предусмотрены.

Таким образом, принятие решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров решает главную цель по обеспечению единообразных подходов о классификации одинаковых товаров на всей территории Союза.

Таможенное регулирование классификации товаров по ТН ВЭД: правовые проблемы и новые подходы

А. В. Кирильченко,

*руководитель практики таможенного права
и международной торговли юридической фирмы БГП
Литигейшн*

Значение классификации товаров по ТН ВЭД для евразийской интеграции

Классификация товаров по ТН ВЭД – один из основополагающих аспектов таможенного регулирования, от которого зависят ставки таможенных пошлин и иных ввозных налогов, применение мер нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности (лицензирование, санитарные меры и т. д.).

По мере углубления и расширения экономической интеграции на пространстве Союза таможенная классификация товаров по ТН ВЭД оказалась востребованной и для других сфер правового регулирования как на уровне Союза, так и на национальном уровне. В качестве примеров можно привести:

- мониторинг торговли внутри Союза через так называемое статистическое декларирование;
- техническое регулирование (ни один технический регламент не обходится без идентификации товаров через механизм классификации по ТН ВЭД);
- регулирование рынка медицинских товаров;
- налоговое регулирование;
- сфера государственных закупок и др.

Тем самым ТН ВЭД приобретает статус универсального для целей экономической интеграции на территории ЕАЭС и влечет

правовые последствия не только в сфере таможенного регулирования, но и в других сферах обращения товаров.

Полагаю, что при классификации товаров следует учитывать весь спектр правовых последствий или относиться к классификации как к объективной товарной характеристике, не пытаясь подстроить ее под интересы таможенной политики или иных сфер регулирования товаров.

ТН ВЭД Союза является составной частью международного классификатора – Гармонизированной системы описания и кодирования товаров, а последний является основой для национальных товарных классификаторов всех стран ВТО. Тем самым создается основа для сквозного учета движения товаров в международной торговле.

С учетом данных факторов можно утверждать, что объективность и единообразие в вопросе классификации товаров по ТН ВЭД имеет самостоятельную ценность, превалирующую над потребностями таможенной политики, что, однако, не ограничивает государства и их союзы регулировать таможенные вопросы с помощью инструментов таможенного тарифа.

Единообразие классификации в странах ЕАЭС

На пути движения к единообразному и объективному применению правил классификации по ТН ВЭД видны препятствия, некоторые из которых можно решить с помощью институтов ЕАЭС.

В странах ЕАЭС возникают разночтения в вопросах классификации отдельных товаров. Так, например, Судом ЕАЭС по делу *С-4/20 Поларис Инт II*¹ было выявлено, что три страны применяли разные подходы к классификации одного и того же товара (бытовые отпариватели).

¹ Дело *С-4/20 Поларис Инт II* от 11.05.2017 № 51:

«Исходя из материалов дела, Коллегия Суда констатирует, что один и тот же товар – отпариватель – до принятия Решения № 51 классифицировался в государствах-членах по трем разным кодам ТН ВЭД ТС, что не отвечало целям обеспечения единообразного толкования и применения ТН ВЭД ТС в рамках Союза».

Задача органов Союза – обеспечить единообразие товарной классификации в наших странах – и Комиссия, и Суд Союза ведут эту работу.

ЕЭК проводит мониторинг классификационной практики в странах, корректирует ее, детализирует классификацию отдельных видов товаров, что имеет принципиально важное значение для обозначенных целей.

Суд ЕАЭС дает судебную оценку работе Комиссии в этом направлении.

Так, по делу *ИП Тарасика*² Суд ЕАЭС обозначил более широкие границы для проведения мониторинга классификационной практики, указав, что

- мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения;
- при отсутствии прямого запрета на направление в Комиссию требования по проведению мониторинга для хозяйствующих субъектов они могут быть не только источниками информации, но и поводом проведения мониторинга.

Такой подход способствует достижению целей единообразия в вопросах классификации товаров.

В то же время источник сигналов о рассинхронизации подходов к классификации товаров не должен иметь решающее значение, если эти сигналы подтверждены. В противном случае учет мнения таможенных администраций при игнорировании мнения хозяйствующих субъектов создает условия для перекоса в сфере классификации в пользу фискальных интересов в ущерб целям единообразия в классификации товаров.

Обозначенные проблемы требуют решения и новых подходов. Например, было бы полезным дополнить процедуру принятия Комиссией решений о классификации обязательным сбором мнений как

² Дело С-4/15.

таможенных администраций, так и бизнес-ассоциаций, отраслевых союзов, научных учреждений.

Предлагаемая мера может сделать решения о классификации более взвешенными, сбалансированными и в результате более устойчивыми, в том числе в контексте их возможной судебной оценки.

Правовые позиции органов Союза по классификации товаров с позиции национальных правопорядков

Наблюдаются проблемы с применением норм, вырабатываемых органами Союза в сфере классификации товаров, на территориях стран ЕАЭС, в частности Российской Федерации.

Верховным Судом РФ утвержден Пленум по таможенным вопросам, который начинается с иерархии правовых актов в области таможенных правоотношений³.

На вершине этой пирамиды находится Договор о ЕАЭС и ТК ЕАЭС⁴, далее следуют решения Комиссии⁵. Решения Суда ЕАЭС также подлежат учету со стороны российской системы правосудия.

При толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза

³ Пункты 1–4 постановления Пленума ВС РФ № 49 от 26.11.2019.

⁴ При этом положения Таможенного кодекса имеют приоритет перед иными регулирующими таможенные отношения международными договорами, входящими в право Союза, за исключением Договора (абзац первый п. 3 ст. 6 Договора и п. 4 ст. 1 Таможенного кодекса).

⁵ Решения постоянно действующего регулирующего органа Союза – Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), принятые в рамках ее полномочий, признаются актами, регулирующими таможенные правоотношения в Российской Федерации как государстве – участнике Союза, на основании ст. 6, 18 и 32 Договора. В случае возникновения противоречий между положениями Договора, Таможенного кодекса и принятыми в области таможенного регулирования решениями Комиссии применению подлежат нормы Договора и Таможенного кодекса (абзац второй п. 3 ст. 6 Договора).

и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции согласно главе IV Статута Суда.

Однако вынужден отметить, что в российской правоприменительной практике встречается и иное отношение к актам Суда ЕАЭС.

Так, Суд ЕАЭС в двух судебных делах⁶ утверждал свою позицию по вопросу классификации судовых двигателей, обозначая критерии и подходы к их классификации. Однако это не помешало арбитражным судам РФ настаивать на ином толковании этого вопроса и на иной классификации судовых двигателей⁷.

Подобные ситуации наносят серьезный удар по единообразию правоприменения в сфере товарной классификации и разрушают единство правоприменения на союзной территории. Такие проблемы требуют пристального внимания со стороны ВС РФ в Российской Федерации и высших судов в других странах ЕАЭС.

Роль актов ВТамО в сфере классификации товаров

Суд ЕАЭС, отмечая международный характер вопросов классификации товаров, относится к актам ВТамО как к полезным и важным рекомендациям.

Наряду с Пояснениями к ГС, Классификационные мнения (решения) по ГС следует считать актами рекомендательного характера, не обладающими юридической силой, но призванными обеспечить единообразное толкование и применение Гармонизированной системы. Классификационные мнения (решения) Комитета по ГС, не являясь юридически обязательными актами, способны оказать существенную помощь в определении объема правового регулирования товарных позиций ГС и ТН ВЭД⁸.

Судебные органы в РФ придерживаются такого же подхода. ВС РФ указывает, что при разрешении споров, вызванных неоднозначностью

⁶ Дело С-1/19 *Шинтрейд*. Дело С-1/23 *ТранспортейшнРус/Шинтрейд*.

⁷ Дело № А56-16549/2021.

⁸ Дело С-6/15 *Дженерал Фрейт*.

возможных вариантов классификации товаров, российские суды могут принимать во внимание рекомендации и разъяснения по классификации, данные Всемирной таможенной организацией в соответствии со ст. 7 Конвенции, относимые к спорным товарам и в отношении которых Российская Федерация не заявила об отказе в их применении⁹.

Исполнение решений Суда ЕАЭС по вопросам классификации

Недостатки процедур или практик взаимодействия между исполнительными и судебными органами Союза также создают препятствия для единообразного применения правил классификации товаров и дезориентируют как национальные таможенные администрации, так и хозяйствующих субъектов.

Так, при рассмотрении спора о классификации судовых двигателей была вскрыта проблема исполнимости актов Суда ЕАЭС и правовых возможностей у Комиссии издавать решения, не приводящие к исполнению судебных актов по существу правового регулирования.

В связи с этим общеправовую значимость приобретает позиция Суда ЕАЭС о важности мотивов и доводов Суда, приводимых в его решениях, в контексте их исполнения.

Принятие Комиссией нового решения без устранения недостатков, содержащихся в решении, признанном Судом не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, является неисполнением решения Суда.

В целях исполнения вступившего в силу решения Суда Комиссии необходимо учитывать не только резолютивную часть решения, но и основания принятия Судом решения, которые являются неотъемлемой частью судебного акта, поскольку мотивировочная часть решения содержит фактическое и правовое обоснование выводов Суда по делу и является обязательной в контексте исполнения судебного решения.

⁹ Пункт 22 постановления Пленума ВС РФ № 49 от 26.11.2019.

Недопустимо формальное изменение решения во исполнение резолютивной части решения Суда без учета правовых позиций, изложенных в его мотивировочной части. Норма права, признанная Судом не соответствующей праву Союза, должна быть исключена из правового регулирования Союза. В противном случае судебная оценка на уровне ЕАЭС утрачивает свою роль и пользу для регулирования правоотношений на союзном пространстве¹⁰.

На примере этого же дела Суд ЕАЭС дает Комиссии правовые ориентиры, а именно, к каким результатам должно приводить классификационное решение в контексте его регулирующего воздействия.

В этой связи установление Судом несоответствия решения ЕЭК Договору и (или) международным договорам в рамках Союза требует от Комиссии исправления такого несоответствия независимо от того, приведет это к восстановлению прав конкретного лица или неограниченного круга лиц.

Комиссия может определить форму и способ исполнения решения Суда, но должна сделать это «без ущерба» для правовой позиции Суда, а также подчеркнула, что решения Комиссии, признанные Судом не соответствующими праву Союза, должны быть приведены в соответствие «без ущерба» для единообразия, установленного Судом.

С учетом окончательности вступивших в силу решений Суда дискреция Комиссии по принятию решений ограничена обязательными для исполнения решениями Суда по идентичным вопросам¹¹.

Стоит признать, что проблема исполнения Комиссией решений Суда ЕАЭС имеет место и требует решения, поскольку она не ограничивается вопросами классификации и имеет важное значение для правильной работы институтов ЕАЭС в целом и, очевидно, требует дальнейшей доработки.

¹⁰ Решение Суда Евразийского экономического союза от 13.06.2023 по делу С-1/23 *ТранспортишинРус/Шиптрейд*.

¹¹ Там же.

Следует ли признавать недействующим неправомерное классификационное решение с момента его принятия?

Мы знаем, что после признания решения ЕЭК не соответствующим праву Союза оно продолжает действовать как нормативный акт и продолжает оказывать свое неправильное регулирующее воздействие, если Суд ЕАЭС не приостановит его действие по ходатайству хозяйствующего субъекта.

Решением этой проблемы могло бы стать обязательное приостановление действия таких решений Комиссии, ведь неправомерный классификационный акт Комиссии оказывает негативное регулирующее воздействие не только на истца, но и на неопределенный круг лиц, не участвующих в споре.

Остается вопрос с обратной силой решений Суда ЕАЭС. Классификационное решение Комиссии, признанное не соответствующим праву Союза, было таковым и до того, как состоялась его судебная оценка, а именно с даты его принятия.

Полагаю справедливым поставить вопрос об отмене неправомерных классификационных актов Комиссии с момента их принятия, а не с момента их судебной оценки.

Практика рассмотрения Судом ЕАЭС дел о классификации товаров

Е. В. Бабкина,

советник судьи Суда Евразийского экономического союза

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 2020 г. устанавливается: **«Участники внешнеэкономической деятельности вправе ожидать, что классификация товаров, имеющая значение, в том числе для определения размера таможенных платежей, будет носить объективный, предсказуемый и прозрачный характер, унифицированный в большинстве государств, и не будет зависеть от усмотрения таможенных органов»**. Тезис, адресованный национальному правоприменителю, может быть экстраполирован и на региональное судопроизводство по делам о классификации.

Практика последних лет демонстрирует рост споров, связанных с таможенной классификацией товаров, как в национальном, так и международном судопроизводстве. Это объясняется как технической сложностью самой категории дел, требующей порой экспертного уровня оценки свойств и функционального назначения товара, так и широтой круга источников правового регулирования.

Названная тенденция довольно ярко проявляет себя и на евразийском пространстве. В практике Суда ЕАЭС дела, связанные с функционированием Таможенного союза, по большей части в сфере таможенной классификации товаров, составляют 60 % от количества дел, рассмотренных Судом в период с 2015 по 2022 г., и порядка 92 % от количества споров по заявлению субъектов хозяйствования, что свидетельствует о формировании достаточно устойчивой и последовательной практики Суда Союза.

С чем связано такое большое количество обращений субъектов?

С тем, что этот вопрос имеет существенную финансовую составляющую: от него напрямую **зависит размер ставки** ввозной/вывозной таможенной пошлины, представляющей собой определенный процент от таможенной стоимости товара. Код ТН ВЭД влияет на размер налогов, включая НДС, а также **меры нетарифного регулирования**, в том числе запреты и ограничения и **меры технического регулирования**, санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры, меры экспортного контроля, а это, в свою очередь, определяет перечень разрешительных документов при перемещении товара через таможенную границу ЕАЭС. Негативным правовым последствием неправильного определения кода товара по ТН ВЭД является риск привлечения к административной ответственности в случае занижения размера таможенной пошлины.

Вместе с тем применение к товару более высокой ставки ввозной таможенной пошлины вследствие неправильной таможенной классификации товара **нарушает принцип равенства хозяйствующих субъектов и придает данным платежам характер санкции**, налагаемой на добросовестных участников внешнеэкономической деятельности ... в отсутствие противоправности их поведения (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 марта 2020 г.).

Внушительная практика Суда ЕАЭС по делам о таможенной классификации позволяет сделать определенные выводы как в части рекомендаций всем участникам правоприменительного процесса: Комиссии, субъектам, так и обозначить несовершенства, которые требуют анализа и пересмотра правового регулирования.

Во-первых, обязательным условием обращения в Суд ЕАЭС является **соблюдение досудебной процедуры**, т. е. заявитель должен обратиться в Комиссию с оспариванием решения ЕЭК о классификации для урегулирования вопроса в досудебном порядке.

В этом вопросе практика Суда претерпела определенную модификацию. Суд ЕврАзЭС довольно формально толковал норму Статута Суда о том, что спор не принимается к рассмотрению без предварительного обращения к Комиссии Таможенного союза¹. Так, одним из оснований отказа в принятии заявления к рассмотрению являлось **неисчерпание всех возможностей урегулирования спора**, выразившееся в представлении в исковом заявлении дополнительных аргументов, которые не были изложены в обращении в Комиссию в рамках досудебной процедуры (постановление от 7 октября 2014 г. по заявлению компании «Фольксваген»).

Суд ЕАЭС в своей практике отошел от названного подхода и не лишает стороны спора представлять аргументы и доказательства непосредственно в процессе рассмотрения дела.

Вторым формальным моментом, который необходимо учитывать сторонам при подготовке искового заявления, является статутная норма о необходимости соблюдения следующих обязательных кумулятивных условий:

а) решение Комиссии **непосредственно затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской деятельности**; когда соответствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью, т. е. имеет прямое действие.

б) решение Комиссии **повлекло нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза**.

В этой связи хозяйствующим субъектам при подготовке искового заявления следует указать, какие конкретно нормы Договора о ЕАЭС и (или) международных договоров в рамках ЕАЭС (например, Таможенного кодекса) были нарушены принятым решением и в **чем выразились негативные последствия** данных норм для истца. Такими

¹ Каменкова, Л. Э. Экономический Суд СНГ и Суд ЕврАзЭС: сходства и различия / Л. Э. Каменкова, Е. В. Бабкина // Российская юстиция. – 2012. – № 8. – С. 24–28.

негативными последствиями могут выступать: изменение практики национальных таможенных органов по классификации товара и, как следствие, применение более высокой ставки импортной таможенной пошлины, необходимость уплачивать НДС на импорт с невозможностью его последующего отнесения в зачет против НДС по реализации. Все аргументы стороны в споре должны подтверждаться соответствующими документами (товарно-транспортными накладными, налоговыми декларациями и др.).

Недоказанность названных обстоятельств может повлечь отказ в принятии заявления к рассмотрению. Так, в постановлении об отказе в принятии к производству заявления ЗАО «Компания автоприцепов», которая занимается разработкой, изготовлением и продажей на территории Таможенного союза автоцистерн для транспортировки нефтепродуктов, Суд указал: «В нарушение требований в заявлении ЗАО “КАПРИ” и приложенных документах не указано, каким образом Решение № 294 непосредственно затрагивает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Кроме того, хозяйствующий субъект не представил доказательств того, что оспариваемое решение повлекло нарушение прав и законных интересов общества, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. ЗАО “КАПРИ” не осуществляет ввоз на таможенную территорию Таможенного союза бывшего в употреблении (эксплуатации) товара, тогда как Решение № 294 в оспариваемой части регулирует порядок ввоза на таможенную территорию Таможенного союза товара, бывшего в употреблении (эксплуатации), в отношении которого устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза».

Одним из первых вопросов, которым задается Суд, рассматривая дела о таможенной классификации товаров, является **проверка: 1) компетенции Комиссии; 2) порядка принятия Комиссией решения о классификации отдельных видов товаров.**

1. Проверка компетенции Комиссии

В соответствии с ТК ЕАЭС Комиссия имеет право на принятие решений о классификации отдельных видов товаров в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД на основании либо предложений таможенных органов государств-членов, либо по собственной инициативе.

В решении от 7 марта 2016 г. по делу *C-5/15 Севлад* Суд подчеркнул, что право Союза, предоставляя Комиссии полномочия по классификации отдельных видов товаров, ограничивает случаи принятия решений о классификации целями **обеспечения единообразного толкования ТН ВЭД ЕАЭС**. Таким образом, основанием принятия решения ЕЭК о классификации является такая формулировка товарной позиции или субпозиции ТН ВЭД, которая допускает неоднозначное толкование, **что подтверждается неединообразной практикой классификации товаров в государствах-членах**. Следовательно, Суд проверяет факт существования неединообразной практики на момент принятия Комиссией решения о классификации.

Как устанавливается неединообразие практики классификации товаров в государствах-членах?

На практике оно выявляется на основании подходов, высказанных центральными таможенными органами.

Наличие различных подходов национальных таможенных органов к классификации товара в рамках одного государства (национальный уровень) не является основанием для принятия Комиссией решения о классификации отдельного вида товаров. Единообразие на национальном уровне достигается посредством принятия решения центральным таможенным органом государства-члена. Полномочия ЕЭК на принятие решения о классификации отдельного вида товаров имеют место исключительно в случае наличия различий в классификации данного товара как минимум в двух государствах – членах ЕАЭС (наднациональный уровень).

2. Проверка порядка принятия решения Комиссии о классификации отдельных видов товаров

Судом при рассмотрении дела осуществляется проверка не только компетенции, но и порядка принятия решения Комиссией, установленного решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 г. № 284 «О Порядке подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров» (решение ЕЭК № 284), поскольку несоответствие решения Комиссии праву Союза, в том числе решению ЕЭК № 284, фактически представляет собой несоответствие нормам Договора и Таможенного кодекса ЕАЭС, которые уполномочили Комиссию на принятие такого рода решений.

Предложение о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД вносится в Комиссию таможенными органами государств – членов ЕАЭС с приложением весомого пакета документов:

– справки, включающей в себя краткое обоснование необходимости принятия решения Комиссии о классификации; описания отдельного вида товара с указанием его функционального назначения и характеристик; информации об области его использования, его основных свойствах и характеристиках, а также других сведений, влияющих на определение классификационного кода отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС (например, техническая документация, информация от производителя о количественном и качественном составе товара, другие документы, характеризующие товар).

Таким образом, решение ЕЭК № 284 устанавливает довольно высокие критерии обоснованности принятия решения о классификации отдельного вида товаров.

Суд ЕАЭС при рассмотрении дела анализирует необходимость принятия решения Комиссии о классификации и его обоснованность. Например, в деле *С-4/22 ратиофарм Казахстан* оспариваемое решение Коллегии ЕЭК от 8 октября 2019 г. № 173 «О классификации препарата на основе беззародышевых водных субстратов продуктов

обмена веществ микроорганизмов в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС» принято Комиссией на основании обращения ГТК Республики Беларусь с приложением проекта решения, согласованного с таможенными службами Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Республики Казахстан. В то время как таможенные службы Республики Армения и РФ предлагали классифицировать названный препарат в иной товарной позиции ТН ВЭД.

Апелляционная палата Суда в решении от 19 января 2023 г., которым решение Комиссии о классификации отдельного вида товаров признано не соответствующим Договору о ЕАЭС, обратила внимание на различие в позициях уполномоченных органов государств-членов, на замечания правового департамента ЕЭК по итогам правовой экспертизы проекта. По сути, Суд признал, что для правильной классификации товара и подтверждения обоснованности и правомерности принимаемого Комиссией решения принципиальное значение имеет достаточность информации о товаре и его характеристиках. Это означает, что при подготовке проекта решения следует обеспечить формирование пакета документов, содержащего исчерпывающие сведения о товаре, включая в том числе мнение производителя товара, мнение научных, экспертных и иных специализированных организаций, специалисты которых обладают специальными познаниями в отношении свойств, качеств и функций классифицируемого отдельного вида товара, а также мнение международных организаций в области описания и кодирования товаров. Отсутствие такого рода сведений в пакете документов по проекту решения Комиссии № 173, в то время как у Комиссии имелись все возможности запросить и проанализировать дополнительную информацию, а также отсутствие информации о последующей доработке проекта решения и согласовании его с таможенными органами Армении и Российской Федерации дали основание Апелляционной палате Суда сделать вывод, что Комиссия, наделенная достаточными полномочиями по сбору информации, необходимой для целей принятия обоснованного

решения о классификации, не воспользовалась ими в должной степени при подготовке проекта, чем не в полной мере выполнила требования решения ЕЭК № 284.

Основные правовые позиции Суда ЕАЭС по делам о таможенной классификации

Судом определены основные критерии для классификации товаров. Так, в первых решениях о таможенной классификации Суд постановил, что основным критерием для классификации товаров в целях таможенного декларирования являются **объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам**. Объективные характеристики выражаются в функциональном назначении товара, при чем имеет значение не только основное назначение товара, но и предполагаемое, а также в совокупности с другими товарами (решения по делам *С-6/15 Джэнерал Фрейт*, *С-5/15 Севлад*, *С-1/19 Шинтрейд*).

Например, в отношении таможенной классификации лекарственных средств Суд постановил, что факт применения препарата не самостоятелно, а в комплексе с другими терапевтическими мероприятиями не исключает его основного назначения – использование в терапевтических целях в силу объективных характеристик и свойств товара, при этом применение препарата в терапевтических целях может быть направлено на устранение не только причины или механизма развития заболевания, но и его симптомов или синдромов (решение по делу *С-4/22 ратиофарм Казахстан*).

Во-вторых, Судом ЕАЭС был выработан **алгоритм таможенной классификации товаров**:

1. Последовательное применение Основных правил интерпретации (ОПИ), текстов товарных позиций.
2. Исключение возможности классификации в определенной товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

3. Отнесение товара других товарных позиций к корзиночной позиции только в случае, если товар более нигде не поименован или не включен (ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ»).

Вспомогательным источником интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС служат Пояснения, которые введены в действие рекомендацией Коллегии ЕЭК от 7 ноября 2017 г. № 21 и содержат краткое описание товаров и областей их возможного применения; классификационные признаки и конкретные перечни товаров, включаемых или исключаемых из соответствующих позиций; иную информацию, необходимую для однозначного отнесения товара к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС (ООО «Монокристалл»). Однако Пояснения не являются исчерпывающим и неизменным комментарием в отношении всех позиций и субпозиций: их необходимо трактовать в строгом соответствии с текстом ТН ВЭД ЕАЭС и особенно с правилами толкования, названиями групп, позиций и субпозиций

Значимым источником толкования Гармонизированной системы и принятой на ее основе ТН ВЭД ЕАЭС является классификационное мнение Комитета по Гармонизированной системе..., а не позиции представителей государств на этапе его обсуждения (решение по делу «Монокристалл»).

В-третьих, Суд ЕАЭС в процессе оценки соответствия решения ЕЭК о классификации отдельного вида товаров Договору, международным договорам в рамках Союза выделил **вспомогательные критерии классификации конкретных товаров**.

Например, в решении по делу *C-1/19 Шунтпейд* Суд указал, что при принятии решения о классификации и, следовательно, при судебной проверке правомерности решения должна учитываться вся совокупность характеристик товара, включая информацию производителя об использовании товара и иную техническую информацию. Относительно критериев таможенной классификации лекарственных средств Суд сделал вывод о том, что факт наличия регистрационного удостоверения уполномоченного органа в области здравоохранения

не является классификационным критерием и не может служить основанием для классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС в связи с его отсутствием в текстах товарных позиций и в примечаниях к разделам, группам, товарным позициям, подсубпозициям ТН ВЭД ЕАЭС, имеющим юридическую силу. Вместе с тем факт прохождения препаратом процедуры регистрации на уровне Союза с подтверждением в установленном порядке его предназначения как лекарственного средства может учитываться для подтверждения терапевтического или профилактического действия при таможенной классификации товара, т. е. выступать вспомогательным критерием для отнесения его к лекарственным средствам или пищевым продуктам, и не может игнорироваться, однако подлежит оценке в совокупности с иными классификационными критериями, перечисленными в текстах товарных позиций и примечаниях (решение по делу *С-4/22 ратиофарм Казахстан*).

Названные правовые позиции Суда ЕАЭС относительно таможенной классификации были поддержаны последующей практикой Суда и восприняты правоприменительными органами государств – членов ЕАЭС при разрешении дел об оспаривании классификационных решений таможенных органов, в частности в определении Верховного Суда РФ от 4 октября 2017 г., постановлениях Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 марта 2017 г., Арбитражного суда Московского округа от 8 июня 2017 г., Арбитражного суда Поволжского округа от 13 апреля 2018 г., Арбитражного суда Центрального округа от 17 июля 2018 г., Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 января 2022 г., Девятого арбитражного апелляционного суда от 25 мая 2023 г. и других.

В-четвертых, из содержания Конвенции о ГС, участниками которой являются все государства – члены Союза, следует обязанность Комиссии как органа, на который возложено ведение ТН ВЭД ЕАЭС, обеспечить соответствие ТН ВЭД ЕАЭС принципам и положениям ГС, использовать все товарные позиции и субпозиции ГС без их дополнения и изменения, вместе с их соответствующими числовыми

кодами, соблюдать числовую последовательность такой системы, применять ОПИ ГС и всех примечаний к разделам, группам и субпозициям и не изменять сферу применения таких разделов, групп, товарных позиций и субпозиций. Комиссия не вправе произвольно изменять содержание товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС, основанных на ГС и ТН ВЭД СНГ (решение по делу *C-1/21 СУЭК-Кузбасс*).

Возможность переработки (переделки) либо потенциальное использование товара по иному назначению не может служить основанием для изменения кода таможенной классификации в момент пересечения таможенной границы ЕАЭС (решение по делу *C-1/23 ТранспортейшнРус/Шинтрейд*).

Принимая решения о классификации товаров, Суд стремится к гармонизации подходов с иными региональными интеграционными объединениями. Так, во многих решениях имеет место ссылка на соответствующую практику Суда ЕС (дела *RUMA*, *Scota-Lux*, *Kloosterboer* и др.). Однако следование такой практике не является слепым и беспепелляционным. Так, Судом ЕАЭС при принятии решения о классификации препарата на основе беззародышевых водных субстратов продуктов обмена веществ микроорганизмов не воспринята позиция Суда ЕС в деле о классификации препарата Линекс по причине различий в объективных характеристиках товаров.

На данном этапе моего выступления пора разбавить бочку меда ложкой дегтя и затронуть чувствительный в первую очередь для субъектов хозяйствования вопрос исполнения решения о классификации товаров.

Эффективное исполнение судебных решений является неотъемлемой частью доступа к правосудию, составляющей верховенства права.

В практике Суда имеет место несколько случаев неисполнения решения Суда ЕЭК, несмотря на прямые предписания статутной нормы п. 100 Статута Суда: относительно обязательности исполнения Комиссией решения Суда.

Несмотря на то, что действие решения Комиссии продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда, оно должно быть исполнено, т. е. приведено в соответствие с Договором, иными международными договорами в разумный срок, но не превышающий 60 дней с даты принятия, если иной срок не установлен в решении Суда.

В деле *C-1/19 Шунтпейд* 2019 г. Суд вынес решение о несоответствии решения Комиссии № 15 о классификации судовых двигателей Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках ЕАЭС, т. к. оно (решение) не учитывало функциональное назначение товара, поскольку описанные в решении двигатели могут использоваться в качестве главных двигателей, предназначенных для приведения в действие движителей, т. е. обеспечивающих движение судна. Апелляционной палатой решение оставлено в силе.

В порядке исполнения решения Суда Комиссия внесла изменения в свое решение, которое, несмотря на исключение из текста решения нескольких слов, не изменила существа правового регулирования: товар – судовой двигатель – классифицировался не по его функциональному назначению, а по конструктивным особенностям.

В 2023 г. в Суд обратился тот же субъект и еще одно юрлицо с заявлением об оспаривании того же решения Комиссии, новая редакция которого не привела к изменению его смысла.

Требования истца были удовлетворены, решение ЕЭК № 15 (в редакции решения ЕЭК № 20) признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. Коллегия Суда пришла к выводу, что у Комиссии имелись полномочия на принятие оспариваемого решения, однако внесенные в решение ЕЭК № 15 изменения не соответствовали решению по делу *C-1/19 Шунтпейд*. Решением от 2 октября 2023 г. Апелляционная палата оставила решение Коллегии Суда без изменения, а жалобу Комиссии – без удовлетворения.

В этом решении Суд выработал чрезвычайно важные для движения интеграции вперед правовые позиции.

Взаимодействие Суда и Комиссии должно строиться на принципах добросовестности в отношении исполнения решений Суда и недопустимости преодоления решения Суда посредством замены акта, признанного Судом несоответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, новым актом аналогичного содержания.

Исполнение решения Суда должно приводить к следующим последствиям:

должно быть направлено на восстановления нарушенного права истца;

не должно содержать тех же недостатков, что и предыдущее решение;

не должно иметь то же воздействие, которое признано нарушением.

3. При выборе между возможными способами исполнения решения Суда Комиссии надлежит учитывать, было ли признано Судом не соответствующим праву Союза решение Комиссии полностью или в части. Признание Судом несоответствия решения Комиссии праву Союза в части предполагает обязанность устранения данного несоответствия путем внесения в решение изменений. Несоответствие решения Комиссии праву Союзу полностью должно иметь своим последствием утрату им юридической силы. В этом случае Комиссия обязана исключить оспариваемое решение из правовой системы Союза и принять новое решение иной направленности.

Принятие Комиссией нового решения без устранения недостатков, содержащихся в решении, признанном Судом не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, является неисполнением решения Суда.

Однако мы не можем похвастаться тем, что названный подход воспринят правоприменительной практикой государств-членов. Судебные решения РФ последних лет отказывают в признании

за решениями Суда ЕАЭС правовой силы *res judicata*. Одним из оснований такого подхода суды называют отсутствие указания на период времени, с которого решение Комиссии прекращает свое действие в решениях Суда ЕАЭС, и основываются на определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 января 2022 г., в соответствии с которым, поскольку Суд ЕАЭС не входит в судебную систему РФ, нормативно закреплённая обязанность по обязательному исполнению его актов на территории РФ отсутствует. Формирование практики применения правовой нормы Судом ЕАЭС не является основанием для пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам в соответствии с положениями ч. 3 ст. 311 АПК РФ; отсутствие данной нормы в национальном процессуальном законодательстве не может быть преодолено правоприменителем, включая арбитражный суд, посредством использования аналогии. Следовательно, решения этого суда не могут являться основанием для пересмотра судами, входящими в судебную систему РФ, судебных актов по новым обстоятельствам.

Такой подход, безусловно, лишает хозяйствующих субъектов права на судебную защиту как на международном, так и на национальном уровне и настоятельно требует совершенствования на уровне права Союза.

Проблемы доказывания по делам о конкуренции в Суде ЕАЭС

Е. Б. Дьяченко,

советник судьи

Суда Евразийского экономического союза, к. ю. н.

1. Отправление правосудия, в том числе в судах интеграционных объединений, невозможно без установления фактов, что требует от лиц, участвующих в деле, приложить усилия для выявления соответствующих обстоятельств и представления суду сведений о них. Таким образом, неотъемлемой частью судопроизводства становится процесс доказывания, для надлежащей реализации которого необходимо ответить на два вопроса: на ком лежит обязанность представления соответствующих сведений, т. е. как распределяется бремя доказывания и в каких случаях допустимо освобождение от него.

Исследование компетенции судов интеграционных объединений и их практики показывает, что, хотя в большинстве споров ими разрешаются вопросы права, одной из немногих категорий дел, по которым устанавливаются факты, являются дела о конкуренции. Данное обстоятельство обусловлено тем, что при разрешении подобных дел перед судебным органом ставится вопрос о соответствии праву интеграционного объединения индивидуально определенного акта, возлагающего обязанности на конкретное лицо и принятого в связи с его предпринимательской практикой. Изложенное объективно предопределяет важную роль, которую играют правила доказывания.

Анализ правоприменения в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) демонстрирует, что споры в области конкуренции на трансграничном рынке способны занять значимое место в практике суда данного интеграционного объединения.

2. Бремя доказывания и правовые презумпции

Зарубежная доктрина исходит из представления о том, что распределение бремени доказывания имеет целью поиск баланса между правовой определенностью и справедливостью¹.

И в международном, и в национальном судопроизводстве цель процесса заключается в надлежащем применении права к фактам, при котором не исключен риск ошибочного результата. Обоснованно утверждение о том, что в делах, в которых применено правило о распределении бремени доказывания, подобный риск разделен между сторонами².

Несмотря на то, что концепция доказывания получила большее развитие в англосаксонской, а не в континентальной правовой системе³, обе они сходятся во мнении, что доказывание может быть как правовым, так и фактическим и рассматриваться в качестве убеждения и представления. Первое состоит в обязанности обосновать свои доводы, а второе – в необходимости представить доказательства в их подтверждение⁴. Учитывая, что международное правосудие действует на основе принципа *jura novit curia* (суд знает закон), у участника процесса нет обязанности доказывать содержание правовых норм, он может лишь убеждать суд в правильности предлагаемой им интерпретации таких норм. При таких обстоятельствах бремя доказывания и его стандарты относятся только к фактам, а значит, в рамках подготовки к судебному процессу должно быть проведено четкое

¹ Foster, C. E. Burden of proof in international courts and tribunals // Australian Year Book of International Law. 2010. – Vol. 29. – P. 31.

² Ibid. – P. 35.

³ Kokott, J. The Burden of Proof in Comparative and International Human Rights Law: Civil and Common Law Approaches with Special Reference to the American and German Legal Systems / J. Kokott. – The Hague ; London ; Boston : Kluwer Law International, 1998. – P. 9; Карапетов, А. Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А. Г. Карапетов, А. С. Косарев // Вестн. экономического правосудия Рос. Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. – 2019. – № 5. – С. 3–96.

⁴ Kokott, J. Op. cit. – P. 151–152; Lasok, K. P. E. The European Court of Justice: Practice and Procedure / K. P. E. Lasok. – London : Butterworths, 1994. – P. 255–256.

разделение между фактами и правом, при этом факты подлежат доказыванию, а право – нет⁵.

В странах континентального права в основу концепции доказывания положена максима *onus probandi actori incumbit* (каждый доказывает те факты, на которые ссылается).

Сложность и комплексность вопроса о доказывании в международном правосудии обусловлены тем фактом, что в отличие от национальных правовых систем, в которых процессуальные законы содержат нормы, посвященные данному вопросу, акты, определяющие деятельность международных судов, за некоторым исключением, не регулируют процесс доказывания. Так, Статут Международного Суда ООН вопрос о доказывании обходит стороной, лишь указывая в ст. 30, что Суд осуществляет свои функции в соответствии с процессуальными правилами. Не решен вопрос о бремени доказывания в актах, регулирующих деятельность Суда ЕС и Европейского суда по правам человека.

Анализ доктринальных подходов свидетельствует о том, что при отсутствии соответствующего регулирования в статутных актах соответствующих международных судов источниками правил доказывания признаются нормы обычного права, общие принципы права, а также прецедентная практика. Д. Сэндифер описывает доказательства и доказывание как равнозначные «обычному праву доказательств»⁶, а по мнению М. Казази, правило *onus probandi actori incumbit* столь распространено в национальных правовых системах, что в силу п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН может рассматриваться как общепризнанный принцип, являющийся источником международного права⁷.

⁵ Foster, C. E. Op. cit. – P. 33.

⁶ Sandifer, D. V. Evidence before International Tribunals / D. V. Sandifer. – Charlottesville : University Press of Virginia, 1975. – P. 458.

⁷ Kazazi, M. Burden of Proof and Related Issues: A Study on Evidence before International Tribunals / M. Kazazi. – The Hague ; London ; Boston : Kluwer Law International, 1996. – P. 222.

Ч. Амерасингхе⁸ и Ч. Браун⁹ также рассматривают бремя доказывания как элемент, основанный на общих принципах права и неразрывно связанный с ними.

В аспекте исследования доказывания в международных судах особый интерес представляют т. н. доказательства *prima facie* и доказательственные презумпции.

Prima facie доказательства переносят бремя доказывания на другую сторону¹⁰. Если вторая сторона не реализует свое бремя доказывания, т. е. не может дать альтернативного объяснения доказательствам, представленным другой стороной, или опровергнуть данные доказательства, первая сторона считается подтвердившей заявленный ею довод¹¹. Использование принципа *prima facie* допускается в том числе в случаях объективной невозможности или затруднительности представления доказательств¹². М. Казизи отмечает, что доказательства *prima facie* являются первым уровнем сколько-нибудь значимых при отправлении международного правосудия. Любой уровень доказательств ниже, чем *prima facie*, может привести к вынесению решения против истца или к отклонению иска на том основании, что истец не представил даже *prima facie* доказательств¹³.

Презумпция представляет собой умозаключение, касающееся неизвестного факта и состоящее в том, что неизвестный (презюмируемый) факт считается доказанным при существовании основного (исходного) факта. В случае, если исходный факт установлен, нет необходимости доказывать презюмируемый¹⁴.

⁸ Amerasinghe, Ch. F. Evidence in International Litigation. Leiden / Ch. F. Amerasinghe. – Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2005. – P. 26.

⁹ Brown, Ch. A Common Law of International Adjudication / Ch. Brown. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 2007. – P. 93.

¹⁰ Amerasinghe, Ch. F. Op. cit. – P. 251.

¹¹ Foster, C. E. Op. cit. – P. 51.

¹² Amerasinghe, Ch. F. Op. cit. – P. 139

¹³ Kazazi, M. Op. cit. – P. 326–327.

¹⁴ Amerasinghe, Ch. F. Op. cit. – P. 211.

Понятие «презумпция» рассматривается в двух значениях: 1) умозаключение, которое считается правдивым, пока не доказано обратное; 2) вывод, согласно которому факт (презюмируемый факт) существует, основанный на другом факте (базовом факте). Разница между этими значениями – в наличии или отсутствии факта, служащего основой презумпции¹⁵.

Презумпции делятся на опровержимые и неопровержимые¹⁶. Опровержимые презумпции состоят в том, что существование определенного факта может быть выведено из наличия другого факта, достаточно весомого, ясного и непротиворечивого, обладающего природой, способной указать на наличие неизвестного факта. Соответственно, взаимосвязь может быть установлена судом на основе доказанного факта, который подтверждает существование неизвестного факта и не противоречит другим материальным доказательствам¹⁷. Следовательно, для опровержения наличия презюмируемого факта следует опровергнуть существование факта, который якобы подтвержден достаточными доказательствами.

Неопровержимые презумпции, как правило, базируются на источниках международного права. Примером неопровержимой презумпции служит п. 1 ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров об отсутствии у государства права ссылаться на то, что его согласие на обязательность международного договора было выражено в нарушении его внутреннего права, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения.

Значение неопровержимой презумпции состоит в том, что, если норма международного права, являющаяся основой такой презумпции, поддерживает факт иска, бремя доказывания считается исполненным и ответчик не может ничего этому противопоставить¹⁸.

¹⁵ Lasok, K. P. E. Op. cit. – P. 264.

¹⁶ Amerasinghe, Ch. F. Op. cit. – P. 211; Lasok, K. P. E. Op. cit. – P. 264–265.

¹⁷ Lasok, K. P. E. Op. cit. – P. 265.

¹⁸ Amerasinghe, Ch. F. Op. cit. – P. 222–223.

Доказательства *prima facie* и презумпции активно используются при рассмотрении судами интеграционных объединений дел о нарушении правил конкуренции.

3. Доказывание при рассмотрении дел о конкуренции Судом ЕАЭС

Практика Суда ЕАЭС по делам об оспаривании решений ЕЭК о привлечении к ответственности за нарушение правил конкуренции находится в стадии становления. Тем не менее рассмотренное Судом ЕАЭС в 2020 г. дело *С-3/19 Дельрус I* по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» представляет собой весьма иллюстративный материал для исследования вопроса об особенностях доказывания и о тех направлениях, по которым может развиваться судебная практика.

В рамках дела по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», юридических лиц, зарегистрированных в Российской Федерации и Республике Казахстан, Судом ЕАЭС проверено соответствие праву Союза решения ЕЭК от 17 сентября 2019 г. № 165 о нарушении указанными хозяйствующими субъектами общих правил конкуренции на трансграничных рынках, которое было выражено в заключении и реализации соглашения, направленного на раздел товарного рынка по территориальному принципу. Решением Коллегии Суда в удовлетворении заявлений обществ отказано, решение Комиссии признано соответствующим праву ЕАЭС¹⁹. В основе аргументации Коллегии Суда лежит вывод, согласно которому ЕЭК представлена совокупность фактов, косвенно свидетельствующая о наличии запрещенного Договором о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) антиконкурентного соглашения, приведшего к разделу товарного рынка.

¹⁹ Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. по делу *С-3/19 Дельрус I* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://courteurasian.org/court_cases/C-3.19/. – Дата доступа: 21.07.2022.

Решением Апелляционной палаты решение первой инстанции Суда ЕАЭС частично отменено, а решение ЕЭК признано не соответствующим праву Союза в полном объеме²⁰.

При рассмотрении дела Коллегией Суда ЕЭК строила свою позицию на представлении *prima facie* доказательств противоправного поведения ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», обосновывая презумпцию, согласно которой согласованность поведения, осведомленность обществ о деятельности друг друга, наличие заключенного между ними договора субаренды используемого при оказании услуг оборудования свидетельствуют о разделе товарного рынка. ЕЭК исходила из того, что при отсутствии иных убедительных доказательств подобной хозяйственной практики ее реализация может объясняться только антиконкурентным поведением. Коллегия Суда, констатируя, что для признания поведения хозяйствующих субъектов нарушающим правила конкуренции допустимо использование не только прямых, но и косвенных доказательств, объем которых зависит от обстоятельств дела, отклонила довод истцов о том, что отдельные фактические обстоятельства сами по себе не подтверждают нарушение общих правил конкуренции. Коллегия Суда признала доказательством раздела товарного рынка оказание российским юридическим лицом услуг российским потребителям, а казахстанским юридическим лицом – исключительно казахстанским²¹. Изложенное означает, что Коллегия Суда посчитала *prima facie* доказательства, представленные ЕЭК, достаточными и на их основе построила собственную аргументацию об отказе в удовлетворении требований истцов. В решении Коллегия Суда не сформулировала отношение к бремени доказывания.

²⁰ Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 6 ноября 2020 г. по делу С-3/19 Дельрус I [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://courteurasian.org/court_cases/C-3.19/. – Дата доступа: 21.07.2022.

²¹ Пункты 6.3.2 и 6.3.3 решения Коллегии Суда от 11 февраля 2020 г. по делу С-3/19 Дельрус I.

Позиция ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» по апелляционным жалобам сводилась к утверждению о том, что положенные в основу решения Коллегии Суда признаки антиконкурентного соглашения не являются доказательствами наличия запрещенного соглашения²². Применение методологии доказывания, присущей практике Суда ЕС, свидетельствует, что хозяйствующим субъектам следовало не опровергать каждое из доказательств ЕЭК в отдельности, а представить убедительное объяснение того поведения, которое следует из собранных ЕЭК доказательств, а затем объяснить данное поведение иными целями, помимо раздела товарного рынка. Подобная правовая логика позволила бы опровергнуть презумпцию раздела товарного рынка, основанную исключительно на косвенных доказательствах.

Подход, согласно которому при доказывании в рамках дел о конкуренции следует оценивать доказательства не в отдельности, а в совокупности и с учетом всех обстоятельств дела, поддерживается и в российской правовой доктрине при исследовании практики внутригосударственных судов²³.

Апелляционная палата Суда ЕАЭС в рамках дела ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», оценивая доводы истцов о несоответствии антиконкурентного соглашения, запрещенного подп. 3 п. 3 ст. 76 Договора, тем признакам, на основании которых Коллегией Суда принято обжалуемое решение, не осуществила проверку доказательств собственно антиконкурентного соглашения и не указала лицо, на которое возложено соответствующее бремя доказывания, а констатировала взаимосвязь предполагаемого нарушения общих правил конкуренции с аффилированностью ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» ввиду

²² Пункт 2.5 решения Апелляционной палаты от 6 ноября 2020 г. по делу С-3/19 *Дельрус I*.

²³ Егорова, М. В. Доказывание ограничивающих конкуренцию соглашений или согласованных действий государственных органов и хозяйствующих субъектов / М. В. Егорова // *Хозяйство и право*. – 2020. – № 1 (516). – С. 104; Картели. Система доказывания и судебная практика / А. Ю. Кинев [и др.] // *Закон*. – 2013. – № 4. – С. 134–135.

наличия общего участника данных обществ. Далее Апелляционная палата сделала вывод о возможности признания ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» частью трансграничной группы лиц и посчитала, что рассматривать указанные лица в качестве конкурентов и квалифицировать их действия в качестве нарушения общих правил конкуренции является преждевременным.

Апелляционная палата Суда на основании совокупности критериев, включая фактический контроль деятельности заявителей одним физическим лицом, наличие исполнительских указаний, а также использование ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» сходных до степени смешения фирменных наименований, установила, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» «можно признать частью трансграничной «группы лиц» с точки зрения пункта 7 Протокола»²⁴. При таких обстоятельствах на ЕЭК возлагается бремя опровержения соответствующей презумпции и доказывания того факта, что формальное участие одного лица в уставных капиталах нескольких юридических лиц, совпадение их фирменных наименований не приводит к возникновению контроля, а значит, и столь тесной экономической связи, которая бы позволила рассматривать хозяйствующие субъекты в качестве группы лиц. Невыполнение данной обязанности, как видно из решения Апелляционной палаты, привело к формулированию вывода о несоответствии праву Союза результатов всего расследования.

Возвращаясь к делу Суда ЕАЭС по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», отметим, что в связи с принятием решения Апелляционной палаты от 6 ноября 2020 г. взаимоотношения хозяйствующих субъектов и ЕЭК по поводу решения № 165 не завершились. Решением от 22 декабря 2020 г. № 178 ЕЭК хотя и признала утратившими силу отдельные пункты резолютивной части решения № 165, возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции в отношении хозяйствующих субъектов. Решение ЕЭК

²⁴ Протокол об общих принципах и правилах конкуренции, являющийся приложением № 19 к Договору.

№ 178 также являлось предметом обжалования в Суде ЕАЭС. Оно не анализируется в рамках настоящей статьи по той причине, что в ходе оценки его соответствия праву Союза Суд ЕАЭС исходил исключительно из норм Договора о ЕАЭС и не оценивал доказательства, представленные сторонами.

Проведенный анализ свидетельствует, что Суд ЕАЭС находится на начальном этапе формирования правил о доказывании при разрешении дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках. Значимую роль при доказывании в Суде ЕАЭС играют правовые презумпции, бремя опровержения которых возлагается на противоположную сторону, и доказательства *prima facie*.

Суду ЕАЭС еще только предстоит сформулировать свое отношение к вопросу о бремени доказывания по данным делам и об особенностях его перехода, а также выработать позицию о презумпции невиновности.

4. Доказывание, будучи ключевым элементом судебной деятельности, приобретает значительную специфику в рамках судопроизводства в международных судах. Отправной точкой для формулирования правил о доказывании служит тезис *onus probandi actori incumbit*, который трансформируется в принцип взаимодействия сторон и суда, а также в освобождение от обязанности доказывания.

В рамках производства по данной категории дел существенную роль играют косвенные доказательства, на первый план выходят доказательственные презумпции, а также условия и основания перехода бремени доказывания.

Формирующаяся практика Суда ЕАЭС по делам о конкуренции свидетельствует об использовании им доказательств *prima facie* и презумпций.

Практика и тенденции применения антимонопольного законодательства к нарушениям хозяйствующих субъектов на цифровых рынках

А. А. Муравин,

*советник, руководитель коммерческой практики
юридической фирмы ALUMNI Partners*

Цифровые рынки находятся в фокусе внимания антимонопольных органов большинства экономически развитых юрисдикций уже более десятилетия. Проникновение цифровых технологий в коммерческую и государственную деятельность уже достигло той стадии, когда они во многом определяются доступом к цифровым продуктам. Это обстоятельство является серьезным вызовом для национальных и межгосударственных антимонопольных органов. В законодательстве ЕС, Великобритании, Российской Федерации и ряда иных стран БРИКС появились специальные положения, касающиеся антимонопольного регулирования цифровых рынков.

Незаметная монополизация

Следует признать, что антимонопольные органы большинства юрисдикций не успели своевременно отреагировать на начальный

этап продолжающейся технологической революции и происходящую монополизацию цифровых рынков. Пик слияний и поглощений в технологическом секторе пришелся на период 2018–2021 гг.¹, когда последствия монополизации уже были осознаны регуляторами, но достаточного законодательного инструментария выработано еще не было.

На сегодняшний день, по данным зарубежных исследователей, корпорации Alphabet и META контролируют более 70 % глобального рынка интернет-рекламы, а показатели индекса Гирфендаля-Хиршмана для некоторых платформ превышает 5 000 пунктов (в то время как рынок признается высококонцентрированным при показателе более 2 500 пунктов)².

Проблемы, которые сейчас наиболее остро стоят перед регуляторами, – это подходы к оценке степени экономической концентрации на цифровых рынках и применение антимонопольных требований к различным цифровым площадкам и экосистемам. Данные вопросы тесно взаимосвязаны между собой, поскольку на сегодняшний день продолжается концентрация экономических и технологических ресурсов в руках ограниченного перечня крупнейших IT компаний, что создает препятствия для развития новых игроков.

Но если поначалу антимонопольным регуляторам было сложно подступаться и примерять устоявшиеся лекала к быстроменяющимся формам злоупотреблений в цифровой среде, то к сегодняшнему дню сформировалась обширная практика антимонопольного регулирования таких отношений, а также формируется законодательная база, лучшие подходы которой могли бы быть восприняты и в законодательстве ЕАЭС.

¹ По данным Institute of Mergers and Acquisitions & Alliances (IMAA) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://imaa-institute.org/mergers-and-acquisitions-statistics/ma-statistics-by-industries/>. – Date of access: 15.11.2023.

² Winseck, D. Vampire squids, the broken internet and platform regulation [Electronic resource] / D. Winseck // Journal of Digital Media and Policy. – 2020. – № 11 (3). – P. 241–282. – Mode of access: https://doi.org/10.1386/jdmp_00025_1. – Date of access: 15.11.2023.

Подходы к определению положения на рынке. Географические границы цифровых рынков

В праве ЕАЭС, а также национальных правопорядках многих юрисдикций континентальной правовой системы исторически устоялся подход, при котором доминирующее положение хозяйствующего субъекта может быть установлено при достижении определенной доли на товарном рынке. Для стран – участниц ЕАЭС привычным порогом является превышение доли 35 % на национальном или трансграничном рынке, превышение которого предполагает, что рыночная сила хозяйствующего субъекта достаточна для того, чтобы иметь возможность оказывать решающее влияние на соответствующем товарном рынке.

С первых дел в отношении цифровых гигантов перед правоприменителями вставал вопрос – как определить границы товарного рынка для цифровых продуктов? Ведь ПО, сайты и платформы, как правило, также доступны по всему миру. Одним из вариантов решения данной каузы был предложен еще в историческом деле Европейской комиссии против корпорации Microsoft в 2007 г. – географическими границами рынка был признан весь мир (worldwide dimension), в том числе ЕС, и даже в столь широких продуктовых границах доля Microsoft превышала 90 %³. Схожего принципа придерживалась и ФАС России в деле против корпорации Google в отношении ограничительных практик на рынке магазина приложений для ОС Android⁴ и в отношении корпорации Apple (на рынке платформы AppStore)⁵.

Базовый критерий трансграничности в праве ЕАЭС – охват географическими границами товарного рынка территорий двух и более государств-членов. В зависимости от вида нарушения (например, злоупотребления доминирующим положением или заключения недопустимого соглашения), учитывается, занимает ли хозяйствующий

³ Microsoft Corp v Commission of the European Communities [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62004TJ0201>. – Date of access: 15.11.2023.

⁴ Решение ФАС России от 18.09.2015 по делу № 1-1421/00-11-15.

⁵ Решение ФАС России от 29.07.2022 по делу № 11/01/10-30/2021.

субъект на таком трансграничном рынке доминирующее положение или затрагивает ли соглашение соответствующий рынок⁶.

На сегодняшний день можно отметить тенденцию фрагментации сегментов сети Интернет из-за действий национальных правительств, ограничительных практик лицензирования по географическому признаку самих правообладателей. В частности, в настоящий момент потребители в Российской Федерации ограничены в возможности легального приобретения лицензий на некоторые виды ПО и доступе к некоторым платформам, в то время как в иных странах – участницах ЕАЭС они доступны. Введенные на национальном уровне ограничения (блокировки) также создают препятствия для российских пользователей в доступе к некоторым иностранным социальным сетям, которые до недавнего времени занимали значимые доли на рынке распространения рекламных материалов. В случае анализа состояния конкуренции на соответствующих трансграничных рынках Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) придется учитывать имеющиеся ограничения при оценке географических границ соответствующих рынков. Нельзя исключать, что в некоторых случаях обозначенные ограничения могут привести к невозможности формальной квалификации рынка как трансграничного.

Следовательно, наднациональным антимонопольным органам следует обращать внимание на факторы, сказывающиеся на доступности цифровых продуктов для потребителей из разных стран-участниц соответствующего объединения, так как это предопределяет наличие или отсутствие компетенции наднационального антимонопольного органа.

Качественный анализ, а не количественный подход к оценке рыночной силы

В отношении дел на цифровых рынках получает распространение оценка рыночной силы, исходя не только из достижения определенных показателей по объемам продаж / выручки, но и применяя более

⁶ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2012 № 29.

релевантные для цифровых решений маркеры, такие как наличие и влияние сетевых эффектов, количество пользователей, количество заключаемых на платформе сделок между продавцами и покупателями, количество демонстраций контента и иные схожие с ними. Применение таких специфических маркеров позволяет антимонопольным органам фокусироваться не только на классических показателях результативности экономической деятельности компании, но и оценивать ее воздействие на участников цифровых рынков.

Во-первых, многие цифровые рынки часто являются многосторонними, на которых деятельность компании на одной части рынка будет транзакционной, а на части – нетранзакционной. Проиллюстрируем примером: для потребителей доступ к маркетплейсам формально бесплатен, однако продавцы оплачивают комиссию маркетплейса, платят за выделение своих товаров в поисковой выдаче, показ рекламных баннеров.

Во-вторых, следует оценивать влияние сетевых эффектов, особенно в разрезе формирующихся цифровых экосистем. Возьмем, например, экосистему Яндекс, включающую маркетплейс, фудтех сервисы, сервис заказа такси, видеостриминг и многое другое. Все эти сервисы связаны общей системой лояльности «Плюс», позволяющей пользователям снижать стоимость отдельных услуг в рамках экосистемы, применяя баллы. За счет этого повышается потребительская привязанность пользователей к экосистеме, стимулируется спрос на товары и услуги внутри экосистемы. Вкупе со сделками по приобретению новых элементов экосистемы могут создаваться предпосылки для монополизации цифровых рынков, их раздела между несколькими крупными игроками.

В изменившихся критериях рыночной власти антимонопольным органам требуются новые эффективные инструменты ее оценки. Одним из них является оценка наличия и воздействия сетевых эффектов.

В 2022 г. в Методику оценки состояния конкуренции⁷ были внесены изменения, предоставляющие ЕЭК возможность учитывать наличие

⁷ Методика оценки состояния конкуренции : утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30.01.2013 г. № 7.

сетевых эффектов (воздействия, которое один пользователь товара оказывает на его ценность для других, в том числе потенциальных, пользователей) от деятельности хозяйствующего субъекта. Другим немаловажным изменением стало снятие формального ограничения на анализ рынков, на которых осуществляется безвозмездная передача товаров – *«безвозмездное предоставление товара не препятствует определению продуктовых и географических границ товарного рынка, а также объема товарного рынка и долей хозяйствующих субъектов на товарном рынке»*.

Однако на настоящий момент единого подхода в правоприменении не устоялось. В то время как законодательство ЕАЭС допускает возможность оценки сетевых эффектов как одного из барьеров для доступа на рынок, воспринимать наличие сетевых эффектов только в негативном ключе не следует. Целесообразно на экспертном уровне выработать подходы к оценке воздействия сетевых эффектов на трансграничную конкуренцию, которые учитывали бы как негативные, так и позитивные последствия.

Вектор развития национальной практики в этой области задавала ФАС России после вступления в силу так называемого пятого антимонопольного пакета поправок в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В закон, в частности, были внесены следующие изменения:

- Дано комплексное определение сетевому эффекту и цифровой платформе: это свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (далее – цифровая платформа), изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей.

- Статья 5 дополнена пунктом 8.1, который указывает, что при анализе состояния конкуренции на цифровых рынках

антимонопольный орган устанавливает наличие сетевых эффектов и дает оценку возможности владельца цифровой платформы оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара, и (или) устранять с товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ другим хозяйствующим субъектам, в том числе за счет количества совершаемых посредством цифровой платформы сделок.

То есть сетевые эффекты должны быть исследованы антимонопольным органом, им должна быть дана оценка с точки зрения влияния на условия обращения товаров на рынке.

Кроме того, в пятом антимонопольном пакете определены критерии признания платформы доминирующей. Данные критерии являются дополнительными к общим критериям доминирования хозяйствующего субъекта, установленными российским законодательством.

Ex ante контроль как вектор развития антимонопольного регулирования

Подход российского антимонопольного органа имеет концептуальные пересечения с регулированием, принятым в ЕС. В 2022–2023 гг. вступили в силу EU Digital Services Act и EU Digital Markets Act. Коротко поговорим о последнем.

Комиссия ЕС, не отменяя базовые правила оценки состояния конкуренции для цифровых рынков, определила специальные правила для ключевых платформ и сервисов, являющихся шлюзами хозяйствующих субъектов при их взаимодействии с клиентами (так называемые Gatekeepers). DMA устанавливает следующие критерии.

1. Размер, оказывающий влияние на внутренний рынок: при годовом обороте, равном или более €7,5 млрд за три предшествующих финансовых года, или если капитализация / справедливая рыночная оценка не менее €75 млрд + оказание услуг в качестве ключевой платформы не менее чем в трех государствах-членах.

2. Контроль значимого для хозяйствующих субъектов шлюза, используемого для коммуникации с потребителями: более 45 000 000 активных пользователей ежемесячно из стран ЕС и не менее 10 000 хозяйствующих субъектов из стран ЕС в последнем финансовом году.

3. Устойчивое положение: если критерий 2 выполняется в течение трех предшествующих лет.

Кроме того, даже если критерии, перечисленные выше, не выполняются, Комиссия ЕС вправе провести расследование и присвоить платформе соответствующий статус (за которым следуют и повышенные обязательства). В частности, такое исследование проводится в отношении компании Apple Inc. и платформы iPadOS. По состоянию на 6 сентября 2023 г. Комиссия ЕС признала gatekeepers Alphabet, Amazon, Apple, ByteDance, Meta, Microsoft.

Целью DMA является предотвращение установления невыгодных условий как для пользователей, так и для хозяйствующих субъектов, использующих ключевые платформы и сервисы. Для Gatekeepers предусматриваются, в частности, такие обязательства, направленные на обеспечение конкуренции, как:

- обеспечить конечным пользователям возможность устанавливать сторонние приложения или магазины приложений, которые используют или взаимодействуют с операционной системой Gatekeeper;
- обеспечить конечным пользователям возможность отписываться от основных услуг платформы так же легко, как они подписываются на них;
- обеспечить сторонним производителям возможность взаимодействовать с собственными сервисами.

Регулирование DMA, таким образом, является примером *ex ante*, превентивного контроля. Классические инструменты ст. 101 и ст. 102 Договора о Европейском союзе и национальное антимонопольное законодательство продолжает действовать в качестве для *ex post* контроля.

Схожего пути придерживается и Великобритания. На рассмотрении Палаты общин находится Digital Markets, Competition and Consumers Bill, придерживающийся логики, схожей с DMA, – превентивный контроль над ключевыми платформами и определение требований к ним на законодательном уровне.

Параллельно с законодательной работой в октябре 2023 г. Управление коммуникаций Великобритании (Ofcom) обратилось к Управлению по конкуренции и рынкам (CMA) с просьбой провести независимое расследование рынка услуг публичной облачной инфраструктуры⁸. К числу спорных отнесены следующие практики:

- «выводная комиссия» – комиссия, которую платят пользователи за вывод своих данных из облака;
- создание технических барьеров для переключения – они могут создать препятствия для потребителей в переключении между провайдерами или в использовании более одного провайдера;
- навязывание обязательных лицензионных платежей в случае, если программный продукт (например, офисное приложение) размещается на сторонней облачной инфраструктуре;
- требование к лицензиату о приобретении нескольких программных решений, которые могли бы использоваться по отдельности и в покупке «пакета» которых лицензиат может быть и не заинтересован.

В любом случае недобросовестными должны считаться такие практики, которые приводят к неспособности лицензиатов без существенных инфраструктурных затрат менять продукты или переходить на иные сервисы, при этом будучи вынужденными приобретать часть решений, в которых они могут быть не заинтересованы.

В данном случае видится ключевое отличие от регулирования в ЕАЭС и РФ. Действующие антимонопольные инструменты

⁸ CMA launches market investigation into cloud services [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/news/cma-launches-market-investigation-into-cloud-services>. – Date of access: 15.11.2023.

ориентированы не на превенцию нарушения, а на пост-контроль. Существующие инструменты саморегулирования, такие как «Принципы взаимодействия участников цифровых рынков» (содержат базовые принципы добросовестного поведения на цифровых рынках, а также практики, которые следует избегать), решают данную проблему лишь отчасти, поскольку не являются актами прямого действия.

Направления возможного развития регулирования в ЕАЭС, в свете происходящих изменений в трансграничной торговле товарами и услугами

Резюмируя, следует обратить внимание на изменения, происходящие с классическими подходами к антимонопольному регулированию в случае их преломления к цифровым рынкам.

ЕЭК сделал важный шаг к развитию практики применения Договора и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции к трансграничным цифровым рынкам: введено понятие сетевого эффекта, возможность оценки деятельности нетрадиционных платформ. ЕЭК придерживается подхода, направленного на превенцию нарушений на классических товарных рынках, что не раз постулировалось в выступлениях ее представителей. Следует поддержать данное стремление и его распространение и на цифровые рынки. Способствовать этому может разработка и утверждение на уровне ЕЭК требований к добросовестным практикам владельцев цифровых платформ, которые служили бы ориентиром для бизнеса, а их нарушение – формальным основанием для оценки действий хозяйствующего субъекта со стороны ЕЭК по установленным процедурам.

Беспрепятственный доступ к закупкам как условие свободного движения товаров на рынке ЕАЭС

Н. А. Гуринович,

*начальник управления государственных закупок
Министерства антимонопольного регулирования и торговли
Республики Беларусь*

В рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) значительное внимание уделяется вопросам государственных закупок. И это неудивительно, учитывая объемы соответствующего рынка. Так, согласно ежегодному обзору «Государственные (муниципальные) закупки государств – членов Евразийского экономического союза» за 2022 г., подготовленному Евразийской экономической комиссией, общий объем закупок в странах Союза составил порядка 190 млрд долл. США. А ведь все это потенциал для взаимного проникновения на рынки государств – членов Союза.

Именно поэтому на постоянной основе ведется работа по обеспечению беспрепятственного доступа и созданию равных условий участия в государственных закупках Союза.

При этом за последние годы при активном участии Евразийской экономической комиссии и с учетом позиции Суда Союза по отдельным вопросам многого удалось добиться

Так, создан и постоянно расширяется Евразийский реестр промышленных товаров, попав в который предприятия получают возможность без ограничений участвовать в государственных закупках иных государств – членов ЕАЭС, пользуясь при этом всеми имеющимся преференциями для национальных производителей.

В августе текущего года подписано Соглашение о взаимном признании банковских гарантий, которое позволит в качестве

обеспечения заявки использовать банковские гарантии банков одного государства-члена при участии в государственных закупках иных государств – членов Союза.

Также активная работа ведется по обеспечению взаимного признания электронных цифровых подписей в государственных закупках. В частности, страны уже согласовали поправки в Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) о наделении Евразийской экономической комиссии полномочиями на определение Правил взаимного признания электронной цифровой подписи в целях государственных закупок, и в настоящее время эксперты отработывают проект таких правил.

Таким образом, рынок государственных закупок функционирует, постепенно расширяя долю взаимного проникновения.

Этому, несомненно, способствует и право Союза, прежде всего сам Договор и декларируемый им принцип предоставления национального режима в сфере государственных закупок.

Вместе с тем ситуация с иными регулируемыми закупками в Союзе не так однозначна, до недавнего времени они фактически выпадали из фокуса внимания Евразийской экономической комиссии и государств-членов. А ведь объемы таких закупок превышают объемы государственных закупок. И это действительно существенный резерв для расширения соответствующего сектора экономических отношений.

В этой связи сегодня я бы хотела остановить свое внимание на иных закупках, регулируемых национальным законодательством государств – членов Союза.

Но чтобы понять, что это за иные закупки, обратимся к терминологии, используемой в Договоре.

Так, Протоколом о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору) (далее – Протокол № 25) регулируются государственные (муниципальные) закупки, под которыми понимаются закупки заказчиками за счет бюджетных, а также иных средств в случаях, предусмотренных законодательством государства-члена о закупках. При этом заказчиком согласно Протоколу № 25 являются

государственный орган, орган местного самоуправления, бюджетная организация (в том числе государственные (муниципальные) учреждения), а также иные лица в случаях, определенных законодательством государства-члена о закупках, осуществляющие закупки в соответствии с этим законодательством.

Таким образом, в национальном законодательстве государства-члена в качестве заказчиков должны быть определены государственные органы, органы местного самоуправления, бюджетные организации (в том числе государственные (муниципальные) учреждения), а также могут быть отнесены к заказчикам иные лица, в том числе государственные корпорации.

Соответственно, положения права Союза, регламентирующие осуществление государственных (муниципальных) закупок, распространяются на иных лиц и закупки за счет иных источников финансирования только в том случае, если это предусмотрено национальным законодательством государства-члена.

Справочно:

В большинстве государств-членов закупки за счет иных средств не подпадают под регулирование законодательства о государственных закупках Протокола о порядке регулирования закупок к Договору о Союзе и регулируются отдельным законодательством.

В ином случае положения Договора прямо не регулируют вопросы осуществления закупок и участия в них поставщиков (подрядчиков, исполнителей) из государств-членов.

В этой связи считаем, что без специального регулирования такие закупки должны осуществляться на общих основаниях, исходя из предусмотренной ст. 28 Договора свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и в случае регулирования закупочной деятельности государствам – членам Союза следует исходить из необходимости обеспечения указанных четырех свобод.

Соответственно, усматривается, что запреты и ограничения при осуществлении ими закупок могут быть введены государством – членом Союза только в случаях, предусмотренных ст. 29 Договора.

Стоит отметить, что торговые соглашения, подписанные между Союзом и Исламской Республикой Иран, Китайской Народной Республикой, Республикой Сербия, предусматривают предоставление национального режима товарам, происходящим из указанных стран, в соответствии со ст. III ГАТТ 1994.

Также и в рамках СНГ государства-члены являются участниками Договора о зоне свободной торговли, ст. 5 которого предусмотрено предоставление товарам друг друга национального режима в соответствии со ст. III ГАТТ 1994.

В этой связи вызывает вопросы отсутствие в Договоре прямых положений о предоставлении национального режима в сфере иных регулируемых закупок.

Также отсутствие специального регулирования на практике среди прочего вызывает вопросы о: – возможности установления преференций для субъектов малого и среднего предпринимательства;

- признании электронных цифровых подписей при участии в закупках;
- порядке обеспечения заявок (исполнения обязательств);
- возможности национальным законодательством определять законодательным актом единственного поставщика.

Таким образом, для того чтобы различная правоприменительная практика не приводила к образованию препятствий, считаем, что назрела необходимость закрепления в Договоре положений об иных регулируемых закупках (кроме государственных (муниципальных)), в том числе с провозглашением принципа предоставления национального режима в них. Это позволило бы обеспечить беспрепятственную возможность участия во всех закупках Союза и приблизиться к одной из его целей – формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов.

Обеспечение исполнения обязательств при осуществлении государственных закупок в государствах – членах ЕАЭС: взгляд через призму права Союза и практику Суда ЕАЭС

О. А. Бакиновская,

заместитель руководителя Института – начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, к. ю. н., доцент

Проблематика правового регулирования отношений в сфере осуществления государственных закупок прочно вошла в программу ежегодной Международной конференции Суда Евразийского экономического союза (далее – Суда ЕАЭС, Суда Союза), в том числе обозначенные вопросы являются предметом дискуссии данной конференции, посвященной влиянию практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС.

С научно-практической точки зрения безусловный интерес в контексте влияния на правопорядок ЕАЭС вызывает Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 22 ноября 2022 г. № СЕ-2-2/1-22-БК по заявлению Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) о разъяснении положений пункта 18 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., далее – Протокол № 25). По результатам рассмотрения заявления ЕЭК Суд ЕАЭС пришел к выводу, что положения абзацев 4–7 п. 18 Протокола № 25 предусматривают обязанность государств – членов Союза закрепить в своем законодательстве о закупках в **числе** способов (видов) обеспечения заявки на участие в закупке и обеспечения

исполнения договора (контракта) о закупке способы (виды), указанные в абзацах 6 и 7 п. 18 Протокола № 25:

гарантийный денежный взнос, который вносится на банковский счет заказчика либо, в случае если это установлено законодательством государства-члена о закупках, организатора закупок, оператора электронной торговой площадки (электронной площадки);

банковская гарантия.

При этом Суд указал, что не требуется приведение законодательства государства-члена в соответствие с Протоколом № 25, если из положений законодательства государства-члена не следует иной смысл, чем установлено Протоколом № 25. Если же законодательством государства-члена не установлено в числе способов (видов) обеспечения заявки на участие в закупке и обеспечения исполнения договора (контракта) о закупке гарантийного денежного взноса и банковской гарантии, то необходимо приведение законодательства государства-члена в соответствие с правом Союза. Но в любом случае, как справедливо указывает в своей публикации советник Суда ЕАЭС Е. Б. Дьяченко, «до того момента, пока в национальном законодательстве такие способы (виды) обеспечения... не предусмотрены, они не подлежат применению»¹. Иными словами, данные нормы Протокола № 25 нельзя рассматривать как нормы прямого действия, поскольку у них отсутствует свойство непосредственного применения².

Основанием для обращения ЕЭК послужило отсутствие единообразных подходов государств-членов по вопросу установления способов (видов) обеспечения, в частности отсутствие единого мнения относительно обязательного закрепления в законодательстве государств-членов гарантийного денежного взноса и банковской гарантии с тем содержанием, как они закреплены в п. 18 Протокола

¹ Дьяченко, Е. Б. Суд Евразийского экономического союза: комментарий к Консультативному заключению от 22 ноября 2022 года по делу № СЕ-2-2/1-22-БК о способах обеспечения в государственных закупках / Е. Б. Дьяченко // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

² Там же.

№ 25. В настоящее время мы можем наблюдать следующие подходы государств-членов к обеспечительным обязательствам в сфере осуществления государственных закупок.

Республика Армения согласно нормам Закона Республики Армения от 14 января 2017 г. № ЗР-21 «О закупках» допускает обеспечение заявки на участие в форме пени, или банковской гарантии, или наличных денег (хранится на казначейском счету, открытом на имя уполномоченного органа). Обеспечение договора и (или) квалификации представляется в виде неустойки, или наличных средств, или банковской гарантии, выбранными участником в одностороннем порядке. Тем самым мы видим три способа обеспечения, среди которых классический способ с точки зрения цивилистики – неустойка. Особенностью в сравнении с подходами Протокола № 25 является также внесение наличных денег на казначейский счет уполномоченного органа.

Республика Беларусь в 2018 г. при принятии новой редакции Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» предусмотрела возможность предоставления в качестве конкурсного или аукционного обеспечения банковской гарантии и (или) перечисления оператору электронной торговой площадки денежных средств. Применительно к обеспечению исполнения обязательств по договору установлена банковская гарантия и (или) перечисление заказчику денежных средств. Таким образом, по нашему мнению, Республикой Беларусь соблюдены требования Протокола № 25 о способах (видах) обеспечения.

Республика Казахстан в Законе Республики Казахстан от 4 декабря 2015 г. № 434-V «О государственных закупках» видами обеспечения заявки на участие определяет деньги, находящиеся в электронном кошельке потенциального поставщика, и банковскую гарантию. При этом деньги, находящиеся в электронном кошельке, блокируются единым оператором в сфере государственных закупок. В отношении обеспечения исполнения договора о государственных закупках и аванса поставщику предоставлено право выбора одного

из следующих видов обеспечения – денег, находящихся в электронном кошельке поставщика, банковской гарантии, договора страхования гражданско-правовой ответственности поставщика. В отличие от Протокола № 25 в отношении обеспечения исполнения договора о государственных закупках установлен способ, не поименованный в Протоколе № 25, в виде договора страхования гражданско-правовой ответственности поставщика.

В Кыргызской Республике Законом Кыргызской Республики от 14 апреля 2022 г. № 27 «О государственных закупках» предусмотрено гарантийное обеспечение исполнения контракта и гарантийное обеспечение предложения поставщика. В качестве гарантийного обеспечения предложения поставщика могут быть денежные средства или банковская гарантия, а также декларация, гарантирующая предложение поставщика. Более вариативны способы гарантийного обеспечения исполнения контракта, которые могут быть представлены поставщиком в форме банковских аккредитивов, банковских гарантий, денежных средств, казначейских облигаций, ценных бумаг, выпущенных или обеспеченных Национальным банком Кыргызской Республики в виде депозитных сертификатов на предъявителя, гарантий, залогового обеспечения, выданных физическими или юридическими лицами. Перечисление денежных средств как форма обеспечения исполнения контракта производится на счет уполномоченного государственного органа по государственным закупкам. Тем самым в законодательстве Кыргызской Республики также наблюдаются вариативные отклонения от подходов, установленных Протоколом № 25, включающие в том числе возможность использования способов (видов) обеспечения, не поименованных в Протоколе № 25.

В Российской Федерации ст. 44 Федерального Закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в качестве способов обеспечения заявки на участие в закупке предусмотрена независимая банковская гарантия или денежные средства, блокируемые

на специальном банковском счете, для возможного последующего перевода на счет, на котором учитываются операции со средствами, поступающими заказчику, или в соответствующий бюджет бюджетной системы РФ. В данном контексте можно было бы констатировать неполное соответствие подходам права Союза, которое наблюдается в части механизма реализации гарантийного денежного взноса (денежные средства), поскольку п. 18 Протокола № 25 предполагает внесение средств не на специальный банковский счет потенциального поставщика, а на банковский счет заказчика, организатора закупок, оператора электронной торговой площадки. Вместе с тем постановлением Правительства РФ от 10 апреля 2023 г. № 579 «Об особенностях порядка предоставления обеспечения заявок на участие в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд участниками таких закупок, являющимися иностранными лицами» для участников процедуры закупки – резидентов государств – членов ЕАЭС (кроме Российской Федерации) предусмотрена возможность не открывать спецсчет, а вносить денежные средства на счет, на котором учитываются операции со средствами, поступающими заказчику. В данном случае мы можем констатировать позитивное влияние акта Суда ЕАЭС, вынесенного в пределах его консультативной компетенции, в части трансформации национального законодательства о государственных закупках с позиции обеспечения его соответствия Договору о ЕАЭС.

Однако очевиден следующий момент. В отношении участников – резидентов Российской Федерации законодатель не стал менять сложившуюся практику блокирования денежных средств на спецсчетах, открытых именно для обеспечения заявки на участие. Подходы, предусмотренные п. 18 Протокола № 25, были реализованы только в отношении участников – резидентов иных государств-членов, что, по нашему мнению, является очень взвешенным решением российского законодателя, позволяющим установить определенный баланс интересов собственных участников-резидентов, для которых

практика предоставления обеспечения в виде перечисления денежных средств на специально открытые счета является устоявшейся и не требует реформирования процесса участия в государственных закупках. В отношении же участников – резидентов иных государств-членов обеспечена возможность реализации данного способа обеспечения заявки на участие согласно подходам Протокола № 25. Созданная правовая возможность участия в процедурах государственных закупок участников других государств-членов в полной мере соответствует целям Союза и обеспечивает свободу движения товаров, услуг.

С момента принятия Консультативного заключения по п. 18 Протокола № 25 прошел практически год, но вопросы соответствия законодательства государств-членов в сфере государственных закупок Протоколу № 25 продолжают сохранять свою актуальность.

Разнообразие подходов государств-членов к определению своим национальным законодательством способов (видов) обеспечения заявки на участие в закупке и обеспечения исполнения договора (контракта) о закупке свидетельствует о необходимости обратить внимание также на проблему достаточности и обоснованной целесообразности правил, установленных п. 18 Протокола № 25. В особом мнении судьи Суда ЕАЭС Т. Н. Нешатаевой, заявленном к Консультативному заключению Суда ЕАЭС, обоснованно отмечено о необходимости совершенствования норм международного договора с учетом цифровизации³.

Вместе с тем не только цифровизация, но и особенности гражданского оборота, уровень социально-экономического развития государств-членов, иные факторы оказывают влияние на развитие национального законодательства в сфере государственных закупок, и в том

³ Особое мнение судьи Суда ЕАЭС Нешатаевой Т. Н., заявленное к Консультативному заключению Суда ЕАЭС (дело Р-4/22 о способах обеспечения заявок в рамках государственных закупок) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/r-4.22/. – Дата доступа: 15.11.2023.

числе на позицию в отношении способов (видов) обеспечения заявки на участие в закупке и обеспечения исполнения договора (контракта) о закупке.

Определенные национальные отличия в отношении имплементации п. 18 Протокола № 25 могут быть обусловлены различными внутрисударственными причинами, но в любом случае они не должны создавать препятствий для доступа участников из государств-членов к участию в государственных закупках друг друга.

В исследованиях помощника судьи Суда ЕАЭС Ю. А. Амелъчени предлагается уточнить принцип регулирования в сфере закупок, касающийся беспрепятственного доступа как «обеспечение беспрепятственного доступа потенциальных поставщиков и поставщиков государств-членов к участию в закупках, проводимых заказчиками других государств-членов, в том числе в закупках, проводимых в электронном формате в условиях взаимного признания электронной цифровой подписи, изготовленной в соответствии с законодательством одного государства-члена, другим государством-членом»⁴. Поддерживая данную идею, полагаем целесообразным более масштабно подойти к вопросу пересмотра положений Договора о ЕАЭС и, в частности, Протокола № 25, скорректировав нормы п. 18 таким образом, что позволит обеспечить максимальный учет интересов государств-членов с учетом современного уровня развития информационно-коммуникационных технологий при безусловном достижении целей Союза.

Применительно к теме настоящей публикации полагаем обоснованным пересмотр норм п. 18 Протокола № 25 путем исключения указания на механизм реализации гарантийного денежного взноса в части конкретизации счета, на который он вносится. Оправданным

⁴ Амелъчена, Ю. А. Обеспечительные обязательства в сфере государственных закупок в праве Евразийского экономического союза и в государствах-членах / Ю. А. Амелъчена // Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС : междунар. конф., Минск, 17–18 нояб. 2022 г. : сб. материалов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. С. Бугаева. – Минск : Колорград, 2023. – С. 199.

с точки зрения выполнения своих функций как способа (вида) обеспечения заявки на участие и обеспечения исполнения договора (контракта) о закупке представляется решение, предлагаемое законодательством Республики Казахстан, о «блокировке» денежных средств, предназначенных для соответствующего обеспечения, находящихся в электронном кошельке поставщика, а также допустимости использования в качестве способа (вида) обеспечения договора страхования.

Заслуживает дополнительного обсуждения российская практика использования независимых гарантий, которые могут выдаваться, помимо банков, иными кредитными организациями.

Возможность использования в качестве способов (видов) обеспечения банковских аккредитивов, казначейских облигаций, ценных бумаг, выпущенных или обеспеченных Национальным банком, предлагаемая в законодательстве Кыргызской Республики также представляется нам позитивной практикой, поскольку позволяет гарантировать интересы заказчика, осуществляющего государственную закупку, без необходимости отвлечения денежных средств участника на получение банковской гарантии или перечисления гарантийного денежного взноса.

Научное издание

**ВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ СУДА СОЮЗА
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПОРЯДКА ЕАЭС**

Международная конференция
(Минск, 16–17 ноября 2023 года)

Сборник материалов

Ответственный за выпуск *Е. С. Патеи*
Составитель *А. Н. Попова*
Компьютерная верстка *О. Н. Воробьева*
Корректор *Т. В. Малеева*

Подписано в печать 20.06.2024. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 13,3.
Тираж 300 экз. Заказ 23998.

Издатель и полиграфическое исполнение:
общество с ограниченной ответственностью «Колорград».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/471 от 28.07.2015.

Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, Минск.

+375 17 361 91 40
post@segment.by
segment.by